

ВЕСТНИК Брянского государственного университета

№1(59)
2024

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В «ПЕРЕЧЕНЬ РЕЦЕНЗИРУЕМЫХ НАУЧНЫХ ИЗДАНИЙ, В КОТОРЫХ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ОПУБЛИКОВАНЫ ОСНОВНЫЕ НАУЧНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДИСЕРТАЦИЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА НАУК, НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК» ВЫСШЕЙ АТТЕСТАЦИОННОЙ КОМИССИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Группа научных специальностей: 5.6 – исторические науки.

Научные специальности: 5.6.1. – Отечественная история; 5.6.2. – Всеобщая история;
5.6.3. – Археология; 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы исторического исследования;
5.6.7. – История международных отношений и внешней политики.

Журнал индексируется в следующих системах и каталогах:
РИНЦ, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

The Bryansk State University Herald

№1(59)
2024

HISTORICAL SCIENCES

The journal is indexed in the following systems and directories:
Russian Science Citation Index, Directory of Open Access Journals (DOAJ),
CROSSref, Ulrich's Periodicals Directory.

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №1 (59) 2024:
исторические науки. Брянск: РИСО БГУ, 2024. 122 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блументау Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдук Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаже – доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивошина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кащенко Сергей Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 7 Антонов Б.А.**
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ КАРЛА ШМИТТА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА
- 16 Абдуллаев Г.П.**
ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ
- 24 Власов А.Е., Штепа А.В.**
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОГО РОЗЫСКНОГО ПУНКТА ЦЕНТРАЛЬНОГО (МОСКОВСКОГО) РАЙОННОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В 1906 – 1907 ГГ.
- 37 Волоскова М.Н.**
«ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ» СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ЕПИСКОПОВ, ИЗДАННОЕ 24 ФЕВРАЛЯ 1862 ГОДА: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, АВТОР И СОДЕРЖАНИЕ ДОКУМЕНТА
- 48 Климко М. К.**
ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В 1870-Е – 1917 ГГ. В СВЕТЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ
- 56 Лохов А.Ю., Еремин Е.И., Нацвин А.В.**
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА ПЕРИОДА ВТОРОЙ ОСАДЫ. III
- 66 Мязин Н.А.**
ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА В КИТАЕ В XX-XXI ВВ.
- 77 Прилуцкий В.В.**
ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О МОРМОНАХ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1850–1857 гг.)
- 84 Самсаров А. И.**
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И КРУГ ОБЩЕНИЯ ТАЛЕЙРАНА НАКАНУНЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Меза Николай Николаевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мяжков Герман Пантелеймонович – доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард – доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна – доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян – доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович – доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру – профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович – кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

**Подписной индекс
«Пресса России»: 40705 годовая**

92 Свиридова А.С.

ГАЗЕТА «НОВОЕ ВРЕМЯ» О ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1916 гг.)

99 Хисамутдинов А. А., Гао М.

РУССКАЯ ОБЩИНА В ХАНЬКОУ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

109 Чиков С.С.

ГОРОДСКАЯ ПОЛИЦИЯ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ: ВОПРОСЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

The Bryansk State University Herald

The Bryansk State University Herald.
№ 1(59) 2024: historical sciences. Bryansk: RISO BSU, 2024. 122 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the Department of History, Faculty of Social and Human Sciences, University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish Archeology, Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the International Center for Anthropology, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Documentation and Information Support of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Ryazan State University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kursk State University, Director of the Research Institute of Archeology of South-East Russia, Kursk (Russia);

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Vol.1 – No.59 Scientific peer-reviewed journal March

ISSN 2072-2087

ISSN 2413-9912

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES

- 7 Antonov B.A.**
CARL SCHMITT'S POLITICAL THEOLOGY: THE HISTORICAL BACKGROUND OF THE ISSUE
- 16 Abdullayev H.P.**
EVOLUTION OF THE PROCESS OF INTERNATIONAL RECOGNITION OF PALESTINE
- 24 Vlasov A.E., Shtepa A.V.**
THE ACTIVITY OF THE KALUGA SEARCH POST OF THE CENTRAL (MOSCOW) DISTRICT SECURITY DEPARTMENT IN THE STRUCTURE OF POLITICAL INVESTIGATION BODIES IN 1906 – 1907
- 37 Voloskova M.N.**
«THE DISTRICT EPISTLE» OF THE OLD BELIEVER BISHOPS, PUBLISHED ON FEBRUARY 24, 1862: BACKGROUND, AUTHOR AND CONTENT OF THE DOCUMENT
- 48 Klimko M. K.**
CIVIC-PATRIOTIC EDUCATION IN THE INSTITUTIONS OF THE VILENSKY EDUCATIONAL DISTRICT DURING THE PERIOD OF THE 1870-S – 1917 ACCORDING TO ARCHIVAL DOCUMENTS
- 56 Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V.**
HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MODELING OF THE ALBAZIN FORT DURING THE SECOND SIEGE. III
- 66 Miazin N.A.**
FEATURES OF THE SPREAD OF PROTESTANTISM IN CHINA IN THE XX-XXI CENTURIES
- 77 Prilutskiy V.V.**
THE FIRST INFORMATION ABOUT MORMONS IN THE RUSSIAN PERIODICAL PRESS (1850–1857)
- 84 Samsarov A.I.**
SOCIO-POLITICAL IDEAS AND SOCIAL CIRCLE OF TALLEYRAND ON THE EVE OF THE FRENCH REVOLUTION

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Livtsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

**INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG
«PRESS OF RUSSIA»**

92 Sviridova A.S.

«NOVOYE VREMYA» NEWSPAPER ON
MILITARY CENSORSHIP OF THE FIRST
WORLD WAR (1914-1916)

99 Khisamutdinov A.A., Gao M.

THE RUSSIAN COMMUNITY IN HANKOU (THE
SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX
CENTURIES)

109 Chikov S.S.

THE CITY POLICE OF SMOLENSK
PROVINCE DURING THE NIKOLAYEV ERA:
ISSUES OF PERSONNEL POLICY

УДК 303.09

Антонов Б.А., кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Россия)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ КАРЛА ШМИТТА: К ИСТОРИИ ВОПРОСА

Текст «Политической теологии» немецкого философа и правоведа Карла Шмитта (1888-1985) был опубликован в 1922 г., когда фактическое падение Веймарской республики спровоцировало начало идеологической борьбы германских интеллектуалов, результатом которой стал приход к власти национал-социализма. «Политическая теология» Шмитта в этой связи по праву считается актуальной научной репрезентацией истории Германии XX в., в рамках которой политико-теологическая интерпретация исследуемых Шмиттом концептов приводит страну к обусловленному выбору в пользу нацистского режима. Автор статьи предпринимает попытку проанализировать наиболее содержательно значимые положения «Политической теологии» Шмитта, определяя в качестве повода для их актуализации те кардинальные изменения, которые произошли в российском дискурсивном пространстве в XXI в. В отличие от большинства теологов XX в. Шмитт рассматривает политическую теологию как методологический подход, с помощью которого возможно реконструировать соответствующую (тому или иному историческому периоду) картину мира, используя в качестве основания для подобной реконструкции сходство между метафизическими и государственно-правовыми понятиями. Ключевым понятием, подтверждающим это сходство, выступает понятие *суверен*, которое в историческом и правовом отношении ассоциируется с понятием абсолютной власти. Автор статьи акцентирует внимание на множественности интерпретаций (от сугубо положительных до крайне отрицательных), которые предлагают сторонники и оппоненты Шмитта в отношении его понимания политической теологии в целом и абсолютной власти, в частности. Основание для выдвигания ряда критических аргументов в адрес политической теологии Шмитта выступает признание ее методологической несостоятельности, которая объясняется отсутствием каких-либо доказательств со стороны ее автора в отношении тождества между теологическими и государственно-правовыми понятиями. Как следствие, политическая теология нередко используется как ортодоксальная риторическая практика, что приводит к прямому, не критическому заимствованию религиозных концептов современными политическими лидерами.

Ключевые слова: политическая теология, суверен, суверенитет, социология (правовых) понятий, социология суверенитета, абсолютная власть, чрезвычайное положение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-07-15

Введение. Первые два десятилетия XXI в. ознаменованы резко возросшим интересом западных и российских ученых к политической теологии. Отвечая на вопрос, почему религиозные идеи пользуются повышенным спросом в мире политики, Элизабет Филипс, автор популярной в США книги «Политическая теология: путеводитель для заблудших» (“Political Theology: Guide for the Perplexed”), называет в качестве основной причины трагические события 11-ого сентября, истоки которых следует связывать с политическим исламом.

Российские исследователи, в отличие от Филипс, называют не одно, а целый ряд происходящих в мире событий, которые так или иначе пронизаны религиозными настроениями их участников. Примерами советской сакральной практики по праву считаются праздничные шествия, поклонение «вождям», лозунги с призывами к «светлому будущему» и т. д. В данной связи есть смысл

вспомнить пронизанные религиозными настроениями демонстрации в Тегеране в 1979, результатом которых стало создание Исламской Республики Иран и приход к власти шиитских религиозных деятелей. И наконец, совсем недавний пример сакрализации современного политического пространства касается «новой американской религии», инициированной движением Black Lives Matter, которое объявило «мучеником» и «ангелом» Дж. Флойда, создав весьма специфическую иконографию вокруг его образа.

Возросший интерес к политической теологии немецкого философа и правоведа К. Шмитта в России объясняется по-разному. Первая причина, называемая некоторыми исследователями трудов Шмитта, носит более чем прозаический характер: из всех работ консервативных теологов только труды Шмитта были хорошо переведены и подробно откомментированы. Автор статьи,

тем не менее, полагает, что дело не только в этом, и не стоит, объясняя истоки популярности Шмитта в нашей стране, путать причину со следствием. ...

Спорность и провокативность позиции автора «Политической теологии» – а наряду с ней и таких его содержательно значимых работ, как «Понятие политического», «Номос земли» и «Диктатура», – привлекают внимание российских исследователей к самой дисциплине *политическая теология*, делая Шмитта чуть ли не самым популярным теологом России.

На наш взгляд, наиболее удачную характеристику Шмитта как автора «Политической теологии» предложил Т. Шишков, охарактеризовав его теологию как *пророческую*. Объяснение, данное российским исследователем в отношении теологии Шмитта, строится от противного: если пророческую теологию в традиционном смысле слова отличает «чувство *божественного присутствия*», то Шмитт в своем учении, скорее, руководствуется фактом *божественного отсутствия*, которое обусловлено отступничеством Бога от мира людей [8]. Причиной богооставленности по Шмитту выступает изначальное грехопадение человека («неправильная» метафизика) и тщетность его попыток преодолеть зло своими силами ... Возможно, в этой оценке содержится ответ на вопрос о причине популярности политической теологии Шмитта в России, поскольку, по мнению некоторых российских исследователей, пророчества, имплицитно заложенные в политической теологии Шмитта, в значительной степени сбываются именно на российской почве¹. При этом большинство из тех, кто присваивает Шмитту статус классика, не вдаются в подробности того, что именно квалифицирует его как теоретика российской современности [3].

Политическая теология К. Шмитта: отличительные признаки. В самом общем смысле политическая теология рассматривается как исследование взаимодействия между религией (богословскими концепциями) и политикой, а сам термин *политическая теология* часто используют в процессе анализа теологических воззрений относительно приоритетных политических вопросов.

При этом до сих пор не известны точные рамки возникновения политической теологии, и не определена ее принадлежность к конкретной области знания: в справочных и исследовательских материалах она значится либо как дисциплина, либо как «направление политической мысли».

И наконец. Кажущаяся легкость экспликации того, что стоит за исследованием взаимодействия между политикой и религией, отнюдь не снимает сложности, связанной с неоднозначностью толкования самого термина *политическая теология*, и это, как ни парадоксально, в конечном итоге оборачивается долгосрочной перспективой рассмотрения с ее помощью самых необычных форм взаимодействия божественного и политического [5].

Карл Шмитт был одним из первых, кто подверг политическую теологию кардинальному переосмыслению, написав в 1922 г. работу с одноименным названием. Спорность заявленных в этой работе положений спровоцировала ряд неоднозначных, а порою и кардинально оппозиционных исследовательских оценок на предмет, цели и задачи политической теологии: от сугубо негативных, где политическая теология сводилась к политической религии или ангажированной форме религиозной философии, до нейтральных, расценивающих теологию как необходимый элемент политико-правового управления.

Не ограничиваясь исследованием истоков взаимодействия религии и политики, не удовлетворившись выводами о роли церкви в жизни государства, не занимаясь подробно критикой политической теологии как ангажированной формы религиозной идеологии, Шмитт представил ее как *методологический подход*, с помощью которого возможно реконструировать соответствующую картину мира того или иного исторического периода. Основанием для такой реконструкции Шмитт полагает аналогичное сходство между метафизическими и государственно-правовыми понятиями [4]. Ключевыми понятиями, подтверждающими это сходство, выступают понятия *суверен* и *суверенитет*.

Понятие суверен и суверенитет в «Политической теологии» К. Шмитта. Любопытно, что первая глава «Политической

¹ См. ст. Дугина А.Г. «Карл Шмитт: пять уроков для России». Консервативная революция. М.: Арктогея, 1994. С. 54-67.

теологии» Шмитта в значительной степени посвящена не понятию *суверенитет*, которое заявлено в ее названии, а понятию *суверен*. Такая подмена может быть объяснена тем, что определение суверена, данное Шмиттом – «Суверен тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» – дает ему право, не выбиваясь из соответствующих его логике целей, «сделать [именно] чрезвычайное положение в высшей степени пригодным для юридической дефиниции суверенитета» [10, с.8]. Определяя в качестве отличительного признака суверенитета чрезвычайное положение, Шмитт приходит к выводу о необходимости признания за сувереном неограниченной власти («суверенных полномочий»), которая давала бы последнему (в процессе принятия решения) возможность игнорировать закон, не способный на момент чрезвычайных обстоятельств стабилизировать ситуацию до уровня нормы. Таким образом, суверенность – условие, позволяющее верховному правителю стать сувереном – определяется Шмиттом как то, что проявляется в ситуациях, выходящих за рамки закона.

Задаваясь вопросом о том, «суверен ли только Бог, т.е. тот, кто в земной действительности действует как его земной представитель или император или владетельный князь...» [10, с. 12]¹, Шмитт по сути поднимает вопрос о субъекте и признаке суверенитета, который [вопрос] сводится у него как минимум к двум аналогиям: первая проводится между Богом и его земным представителем с неограниченными полномочиями; вторая применяется к конкретному положению дел, а именно – к чрезвычайной ситуации.

Мысль о том, что «понятие суверенитета «связано с критическим, т.е. исключительным случаем», принадлежит французскому философу Ж. Бодену². Оттолкнувшись от нее, Шмитт аналогичным образом трактует и понятие чрезвычайного положения, и само понятие суверенитета, возведя их в ранг *предельных понятий*. При этом – и это крайне важно – «предельность» суверенитета

обеспечивает его полную производность (отклонение) от содержания юридической нормы [10], ибо последняя по самой своей сути не может зафиксировать конкретные чрезвычайные ситуации, в результате которых суверен принимает решение о приостановке или изменении ее [нормы] действия.

Отвечая на вопрос о том, что (или кто) может упразднить суверенитет, Шмитт, вслед за Боденом утверждает, что упразднение правовой нормы происходит после принятия сувереном (ответ на вопрос *кто*) решения о введении чрезвычайного положения (ответ на вопрос *что*), вследствие чего возможно предположить, что суверен стоит «вне нормально действующего правопорядка» и тем не менее принадлежит ему» [10, с. 10]. Другими словами, исходя из определенных обстоятельств, т.е. при наступлении чрезвычайного положения, суверен имеет полномочия упразднить правовую норму или даже изменить ее, не опираясь при этом ни на сенат, ни на народ³. Следуя логике такого рассуждения, отличительным признаком суверенитета и Боден, и Шмитт считают необходимым для суверена прекратить действие закона в случае чрезвычайного положения, т.е. в предельном, исключительном случае. При этом исключительный случай потому и считается исключительным, что исключает возможность сохранения того общественного порядка, который существовал до наступления необходимости его изменения, а на момент возникновения такой необходимости актуальный общественный порядок, не способный под воздействием прежней правовой нормы противостоять внешним и внутренним помехам (в виде кризиса, революции или войны), обретает характер *беспорядка*, устранение которого покоится на решении того, кто компетентен принять его единолично.

Таким образом, Шмитт не сводит вопрос суверенитета исключительно к полномочиям суверена. Чрезвычайное положение как его признак предполагает в большинстве своем «приостановление действия всего

¹ Следует, однако, отметить, что в дальнейших рассуждениях Шмитта нет прямых аналогий между Богом и сувереном, принимающим решение об исключительном положении.

² См. Боден Ж. Шесть книг о государстве. Антология мировой философии в 4-х томах. М., 1970.

³ Упразднение Гитлером Рейхстага рассматривается отнюдь не как проявление им полномочий суверена (согласно теории Шмитта), а как превентивная мера в отношении законодательного органа власти, который мог расцениваться фюрером как «помеха» в процессе принятия им решения о введении чрезвычайного положения.

существующего порядка», результатом чего становится и обязательное прекращение действия правовой нормы при сохранении порядка, правда, уже без элемента «право» перед ним.

Власть суверена становится в этом случае абсолютной: его решение, получившее монополию на свободу выбора любых полномочий, освобождается от необходимости следовать правовой норме, вследствие чего она автоматически уничтожается во имя права на жизнь государства и его граждан, т.е. права гуманитарного.

В рассуждениях Шмитта нет прямой аналогии между Богом и сувереном, но есть то, что предполагает настойчивое указание на соотношение государственно-правового и теологического, начиная с «всевластия современного законодателя, заимствованного из теологии», и заканчивая критикой Шмиттом тех юристов, которые игнорируют очевидное для него «отождествление теистического Бога с королем» (сувереном) в рамках монархического учения о государстве [10, с. 36]. Для Шмитта очевидно, что данное соотношение не случайно, а, напротив, носит системно-методологический характер, который проявляется в процессе развития любой формы политического устройства. Процесс такого развития оформляется не посредством юридических понятий свойственных конкретной эпохе (например, монархии), а посредством понятий, выходящих за пределы совокупности тех конкретных понятий, которые свойственны этой эпохе (например, демократии): «Метафизическая картина мира определенной эпохи имеет ту же структуру, как и то, что кажется очевидным этой эпохе как форма ее политической организации». Основание для выявления тождества метафизической и политико-правовой картины мира выступает *радикальная понятийность*, определяемая Шмиттом как «дошедшая до теологического и метафизического последовательность мысли» [10, с. 41-42]. То, какими именно путями следует мысль, достигая глубинного осознания первичности теологического, объясняет профессор А.Ф. Филиппов, рассматривая содержательную часть любой эпохи в качестве интуитивно достоверного

знания: «Всякая работа с материалом предполагает интуицию (допонятийное знание) и некоторое *первичное название* того, о чем пойдет речь, того *что*, которое потом будет описано и определено. Знание об этом *что* обладает интуитивной достоверностью также и для людей своей эпохи, но вместе с тем оно должно быть обозначено и в терминах нашей эпохи. ... Таким образом, мы приходим к некоторому пребывающему в разные эпохи *что* первоначальных интуиций ...»¹. Для Шмитта мысль о *что* интуитивно достоверна, а значит реальна и обозначенная как метафизическое (теологическое) понятие, она соотносится с юридическими понятиями². Еще раз отметим, что обнаружение такого соотношения дает Шмитту право считать верховенство решения суверена приоритетным по отношению к верховенству правовой нормы, которая пригодна к действию лишь при условии нормального положения. В случае же чрезвычайной ситуации, понимание которой сквозь призму политической теологии Шмитта соотносится с теологическим понятием *чуда*, встает вопрос о необходимости единовластного решения, понимание которого сквозь призму все той же теологии Шмитта соотносится с понятием Божьей воли. Речь в данном случае идет не о божественном вмешательстве, а о *включении* Бога в мир (Бог среди нас), когда государство и право выводятся из имманентности объективного, т.е. из учения о проявлении божественного в материальном мире, испорченном грехом ... Очевидны в этих условиях эсхатологические ожидания Шмитта, в рамках которых конец истории испорченного мира не определен, но обязателен, как обязательно и спасение человека в результате Второго Пришествия.

Эсхатология Я. Таубеса vs эсхатология К. Шмитта. Я. Таубес и К. Шмитт по праву считаются апокалиптическими мыслителями; при этом, по словам самого Таубеса, «Шмитт мыслит апокалиптически, но *сверху*, со стороны властей; моя же мысль движется *снизу*» [7, с. 95]. Апокалиптическое ожидание Шмитта – это ожидание контрреволюции, цель которой – охрана и удержание государственного порядка от опасности революции. Для Шмитта в связи с этим очевидна

¹ Цит. по: Таубес Я. Ad Carl Schmitt: Сопряжение противостремительного, «Владимир Даль», 2021, с. 38

² Там же, с. 41.

катехоническая природа суверена¹ и характерная для него роль «удержателя Антихриста»:

Я не думаю, что для изначальной христианской веры вообще возможна какая-либо иная картина истории, нежели *kat-echon*. Вера, что некая сдерживающая сила задерживает наступление конца света, наводит тот единственный мост, который ведет от эсхатологического паралича, тормозящего любое свершающееся в человеческом мире событие, к столь величественной исторической мощи [Цит. по: 7, с. 95].

Удерживающий катехон Шмитта предполагает договорные отношения с властью во имя сохранения государственного порядка в случае угрозы революции (как разновидности чрезвычайного положения), в то время как для Таубеса власть в функции катехона – это «первый признак того, как опошляется, одомашнивается христианский опыт последних времен, как он пытается договориться с миром и его властями» [7, с. 95-96].

Используя прямой перевод понятия *апокалипсис* (снятие покрова), Таубес рассматривает эсхатологию как удвоение оптики, в поле зрения которой попадает мир реальный, но изначально искаженный грехопадением человека², и мир идеальный, Богом задуманный. При таком осознании эсхатологии борьба между искаженным и должным мирами – это повод для активизации политического с его разделением на друзей и врагов, а значит и для наступления революции, которую Таубес воспринимает как апокалипсис. Другими словами, революция для Таубеса – это то смысловое напряжение истории, тот заряд энергии и тот наимоощнейший стимул для нее, который «стремится противопоставить всей тотальности мира некую *новую* тотальность» [6].

Шмитт, как и Таубес, осознает искажение «правильной» метафизики, но, в отличие от Таубеса, считает причиной такого искажения секуляризацию, отделившую религиозное от

политического и использовавшую в этих целях политическую теологию.

Неотделимость политического от религиозного Шмитт расценивает как возвращение к христианским догматам, к той правильной метафизике, которая гарантирует истинное понимание политического. А глубокое проникновение религиозных и политических смыслов друг в друга, описанное Таубесом в его «Западной эсхатологии», – это, скорее, повод для его сегодняшних последователей и сторонников задуматься над тем воздействием, которое оказывает на сегодняшнюю политическую и, в частности, президентскую риторику это взаимопроникновение. Политико-теологическая риторическая эклектика берет свое начало в речах Линкольна и широко применяется в современном дискурсе, авторы которых – Рейган и Буш – продолжают речевые традиции отцов-основателей Конституции США (но об этом чуть позже).

Социология юридических понятий в политической теологии Шмитта. В отличие от Лео Штрауса и Хайнриха Майера, считавших политическую теологию ангажированной формой религиозной идеологии, Шмитт видел в ней тот спасательный круг, который освобождает человеческое мышление от метафизического представления о Боге, отождествляя его с всевластным, но при этом вполне земным законодателем в лице суверена и вне зависимости от того, кто именно выполняет его функции – король, диктатор или народ.

Еще раз уточним: для Шмитта очевидно то, что политические истоки понятий *суверен* и *суверенитет* восходят к их теологическим истокам: «Все точные понятия современного учения о государстве представляют собой секуляризованные теологические понятия» [10, с. 34]. В качестве доказательства этой мысли Шмитт приводит примеры использования в учении о государстве (1) понятия *суверен*, который принимает на

¹ Анализируя случаи применения политической теологии как методологического подхода к исследованию некоторых политико-правовых понятий, российский исследователь В.Е. Кондуров приходит к выводу об ошибочности прямой аналогии между понятием Бог и суверен, поскольку основной функцией суверена (исходя из рассуждений самого Шмитта) следует считать отнюдь не функцию божественного законодателя, а его роль катехона, который «сдерживает политическое» и «сохраняет порядок». Не стоит при этом забывать, что «...суверен обеспечивает существование порядка лишь в ситуации исключения. В связи с этим остается не проясненным принцип обеспечения существования порядка в нормальной ситуации» [4, с. 65].

² См. диссертацию Я. Таубеса «Западная эсхатология», М.: «Владимир Даль», 2023, 429 с.

себя всевластные полномочия *Бога*, и (2) понятия *чрезвычайное положение*, которое в политической теологии приравнивается к чуду. При этом Шмитт отвергает буквальный переход ключевых теологических понятий в область политики и права, предлагая в качестве метода обнаружения тождества между ними (как и между теологическими и политическими понятиями вообще) *социологию юридических понятий*, построенную на системной и структурной аналогии: «...смысл аналогии заключается в том, что в сфере того же государственного права существует системная структура, аналогичная содержанию понятийной структуры христианской теологии» [5, с. 310]¹.

Социология юридических понятий выделена Шмиттом как отдельный метод аналогии, «работающий» (в отличие от социологии понятия) прежде всего с понятиями политико-правовыми и предполагающий возможность их соотнесения. Отвечая на вопрос о том, как именно такое соотнесение возможно, Шмитт предлагает в качестве примера рассмотреть социологию понятия суверенитета:

Социология понятия суверенитета этой эпохи [монархии] предполагает демонстрацию того, что [ее] исторически политическое существование соответствовало всему тогдашнему состоянию сознания западно-европейского человечества и что юридическое оформление исторически-политической действительности смогло найти такое понятие, структура которого совпадала со структурой метафизических понятий... Таким образом, предпосылкой этого рода социологии юридических понятий является *радикальная понятийность*, т.е. дошедшая до теологического и метафизического осмысления последовательность мысли [10, с. 41-42].

Рассуждая таким образом, Шмитт по сути предлагает *свой* ответ на вопрос о том, что же первично: дух (в виде идеи) или материя (в виде события или политического устройства). Ответ его в равной степени не предвиден и не очевиден, а потому нуждается

в пояснении, которое предлагает профессор А.Ф. Филиппов. Анализируя приведенный Шмиттом способ мышления, Филиппов приводит пример человеческого восприятия «реальной» монархии, которая традиционно «первична» по отношению к той метафизической картине мира, куда встроена идея любой западно-европейской монархии. Неприятие такого разделения приводит Шмитта к «дошедшей до теологического и метафизического последовательности мысли», до того, что названо им «радикальной понятийностью», в рамках которой «понятие суть реальность», а «интуиция реальности может быть высказана на языке теологии и метафизики»².

И наконец. Суверенитет, рассматриваемый сквозь призму теологии, являет собой пример политического децизионизма, истоки которого Шмитт находит и в каноническом праве Святого Престола («Римско-католическая догма о непогрешимости папского решения точно так же содержит сильные юридико-децизионистские элементы... папа непогрешим лишь как глава церкви в силу своей должности...»), и в протестантском учении Ж. Кальвина («В кальвинистском учении Бог уже до грехопадения принял окончательное решение относительно спасения и проклятия, милости и немилости в отношении каждого отдельного человека...») [9, с. 324].

Политическая теология К. Шмитта как риторическая практика. Как справедливо отмечает В.Е. Кондуров, «политическая теология ... может оказаться полезным инструментом для обнаружения скрытого риторического потенциала тех или иных политико-правовых аргументов». С другой стороны, считает автор цитаты, «скрытый риторический потенциал» шмиттовской политической теологии легко трансформируется в «практику риторического заигрывания с теологическими понятиями», поскольку Шмитт не предлагает никакого методологического обоснования для доказательства тождества между теологическими и государственно-правовыми понятиями [4, с. 63].

¹ Несмотря на то, что подзаголовок к третьей главе назывался «Социология юридических понятий, в особенности понятия суверенитета», Шмитт не объясняет причины, по которой он называет свою теологию разновидностью социологии и не утруждает себя определением того, что он понимает под социологией юридических понятий. Однако тяга к точности, которая свойственна социологии, у Шмитта осталась (См. Филиппов А.Ф. Предисловие к книге Я. Таубеса «Ad Carl Schmitt: сопряжение противопримительного», с. 31).

² Цит. по: 7, с. 40-42.

Как следствие – политическую теологию нередко сводят к разновидности поверхностной риторической практики¹, в процессе которой политические лидеры используют религиозные понятия. Наиболее показательным в этом случае становится пример президентской риторики США, где многие политические понятия – и в частности, понятие *враг* – традиционно ассоциируются с понятием *зло*, а последнее, в свою очередь, апеллирует к институту греха. Такое соотнесение не имеет прямого отношения к социологии понятий Шмитта, поскольку слишком буквальной, если не сказать вульгарной, выступает в данном случае апелляция политической речи президента к религиозной терминологии: «...особенно заметным она (апелляция) становится в периоды чрезвычайного положения – войн и кризисов – когда вся религиозная риторика в целом начинает играть роль нравственного мерил в определении правомерности действий противоборствующих сторон» [1, с. 72].

Зато вполне в духе политической теологии Шмитта вещал в свое время 35-ый президент Соединенных Штатов Дж. Кеннеди, заявив в своей инаугурационной речи, что «...на всем земном шаре по-прежнему актуальна та революционная вера, за которую сражались наши отцы, – вера в то, что права даруются человеку не *щедротами государства*, но *Божьей дланью*»².

Сообразуясь с принципами демократии, президент США не ассоциирует свои функции с функциями суверена, но использование в его риторике таких оценочно-теологических и одновременно политических концептов, как *враг – зло – грех* придает и ему самому, и стране, которую он представляет, статус *миссионера* (еще один теологический термин). Иногда такая риторика приобретает некую предельность несвободной альтернативы, которая противоречит демократическому принципу свободы выбора: «Религиозные объединения могут занять следующую

позицию: “Если Вы не поддержите меня в этом вопросе, *Вы тем самым воспрепястствуете воле Бога*”. Они [религиозные объединения] иногда буквально связывают какую-либо частную программу с волей Бога. Большинство религиозных традиций, с которыми я знаком, сочтут это кощунством, поскольку это является в некотором роде *соединением религиозного императива или воли Бога с программой политических действий* ...»³. Обилие в политической риторике теологических терминов в еще большей степени отражает подобное соединение, усиливая тем самым и тему богооставленности, причиной которой выступает очевидная сиюминутность мирской власти и суетность человеческого стремления завладеть ею.

Заключение. Политическая теология в трактовке Шмитта представляет собой метод, область применения которого может быть рассмотрена в узком и широком смысле.

В узком смысле применение политической теологии (как метода, названного Шмиттом *социология (юридических) понятий*) позволяет обнаружить системные, структурные и аналогические связи между теологическими и политико-правовыми понятиями, что, в свою очередь, способствует выявлению тождества между метафизической и политической картиной мира.

В более широком смысле политическая теология служит для оценки и анализа большинства форм государственного устройства на тех или иных этапах его развития, а значит и для оценки политико-правовой реальности, которая, по меткому определению Кондурова, «не является областью одних лишь социальных фактов, институций и позитивно установленных норм, но включает в себя также и представления, наполняющие соответствующие установления смыслом, дающие им то или иное содержание, структурирующие их» [4, с.78]. В связи с этим политическая теология выступает в качестве средства уточнения, прояснения и интерпретирования тех или

¹ В своей политической теологии И.Б. Метц отводит ей роль риторического средства, вдохновляющего на политическую борьбу и противостоящего отчаянию в мире, где «людям угрожает... отказ от идеалов свободы эпохи Просвещения, от неотъемлемого достоинства человека, справедливости и долга борьбы за эти идеалы» [Цит. по: 4, с. 53]

² См. Инаугурационная речь Д.Ф. Кеннеди [Электронный ресурс]. URL: <http://www.coldwar.ru/kennedy/speech.php> (дата обращения: 17.12.2016).]

³ См.: Разделение и взаимодействие: религия и политика в США (интервью с Кеннетом Д. Уолдом) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infousa.ru/society/tjart7h.htm> (дата обращения: 17.12.2016).

иных понятий, представлений и смыслов, составляющих структуру политико-правовой реальности в ее историческом развитии. Аналогичного уточнения с использованием политической теологии требует современная политическая и президентская риторика.

В оптику политической теологии Шмитта попадают также понятия *суверен* и *суверенитет*, проблемы *абсолютной власти* и *единовластного Решения*, вопросы *чрезвычайного положения* и *нормальной ситуации* в

их предельном содержательно-формальном соотношении¹: «... идея абсолютной власти (Бога), выраженная в понятии суверенности, приобретает в наши дни форму политики безопасности, вынужденной постоянно обращаться к чрезвычайному положению, – и здесь возникает вопрос о «тайне» взаимосвязи между этой политической формой и ее содержанием, которую еще только предстоит обстоятельно изучить» [11, с. 13].

Список литературы

1. Антонов Б.А. О соотношении концептов «зло» и «враг» в речах Р. Рейгана // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». М., 2017. № 1 (7). С. 71-80.
2. Дугин А.Г. Карл Шмитт: пять уроков для России. *Консервативная революция*. М.: Арктогея, 1994. С. 54-67.
3. Кильдюшов О. Карл Шмитт как теоретик (пост)путинской России» // Политический класс, 2009. № 1 (49).
4. Кондуров В.Е. Политическая теология Карла Шмитта: дискурс и метод // Труды Института государства и права РАН, 2019. Т. 14. № 3. С. 49-78.
5. Ребров С.А. Политическая теология контингентности: читая материалистов с Карлом Шмиттом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология, 2023. Т. 25. № 2. С. 308-318.
6. Сысоев Т. Апокалипсис навсегда. Рецензия на книгу Я. Таубеса «Западная эсхатология» [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/reviews/apokalipsis-navsegda/> (дата обращения: 25.01.2024).
7. Таубес Я. *Ad Carl Schmitt: Сопряжение противостремительного*. СПб.: Владимир Даль, 2021. 189 с.
8. Шишков А. Почему в теологии Карла Шмитта нет Бога? [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/pochemu-v-teologii-karla-shmitta-net-boga/> (дата обращения: 25.01.2024).
9. Шмитт К. О трех видах юридического мышления // Шмитт К. *Государство: Право и политика*: пер. с нем. / Сост. В.В. Анашвили, О.В. Кильдюшов. М.: Территория будущего, 2013. 444 с.
10. Шмитт К. *Политическая теология* // Шмитт К. *Понятие политического* / пер. с нем. под ред. А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
11. Яркеев А.В. Политическая теология: генезис концепта // Вестник Пермского ун-та. Серия «Политология», 2022. № 2. С. 5-13.

CARL SCHMITT'S POLITICAL THEOLOGY: THE HISTORICAL BACKGROUND OF THE ISSUE

The text of C. Schmitt's "Political Theology" was published in 1922, when the actual fall of the Weimar Republic provoked the beginning of the ideological struggle of German intellectuals the result of which was the rise of national socialism. In connection with this, "Political Theology" is rightfully considered an actual scientific representation of the history of Germany in the twentieth century, and his theory of sovereignty and sovereignty represents a conditioned choice of the country in favor of national socialism. Unlike most theologians of the 20th century, Schmitt considers political theology as a methodological approach with which it is possible to reconstruct the corresponding (to a particular historical period) picture of the world, using the similarity between metaphysical and state-legal concepts as the basis for such reconstruction. The key concept confirming this similarity is the concept of sovereign, which is historically and legally

¹ Так, единые для того или иного сообщества нормальные представления о том или ином политико-правовом феномене могут рассматриваться в качестве основания для установления связи между политической теологией и аналогичными правильными метафизическими и государственно-правовыми представлениями о нем же.

associated with the concept of absolute power. The author of the article focuses on the multiplicity of interpretations (from purely positive to extremely negative) offered by Schmitt's supporters and opponents regarding his understanding of political theology in general and absolute power in particular. The basis for putting forward a number of critical arguments against Schmitt's political theology is the recognition of its methodological inconsistency, which is explained by the lack of any evidence on the part of its author regarding the identity between theological and state-legal concepts. As a result, political theology is often used as an orthodox rhetorical practice, which leads to direct, non-critical borrowing of religious concepts by modern political leaders.

Keywords: political theology, sovereign, sovereignty, sociology of (judicial) concepts, sociology of sovereignty, absolute power, state of emergency.

References

1. Antonov B.A. (2017) O sootnesenii konceptov «zlo» i «vrag» v rechax R. Rejgana [On the correlation of "evil" and "enemy" concepts in R. Reagan's speeches]. *RSUH/RGGU Bulletin [Vestnik RGGU] "Psychology. Pedagogics. Education" Series*. N. 1 (17). pp. 71-80.
2. Dugin, A.G. (1994) Carl Schmitt: piat urokovdliia Rossii [5 lessons for Russia]. *Conservative revolution*. M.: Arktogeia. pp. 54-67.
3. Kil'dyushov, O. (2009) Carl Shmitt kak teoretik (post)putinskoj Rossii» [Carl Schmitt as a theorist of (post)Putin's Russia"] // *Politicheskij klass*. N. 1 (49). www.intelros.ru
4. Kondurov, V.E. (2019) Politicheskaya teologiya Karla Shmitta: diskurs i metod [Carl Schmitt's Political Theology: Discourse and Method]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*. N. 3. pp. 49-78.
5. Rebrov, S.A. (2023) Politicheskaya teologiya kontingentnosti: chitaya materialistov s Karlom Shmittom [The Political Theology of Contingent: Reading the Materialists with Carl Schmitt]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]*. N. 2. pp. 308-318.
6. Sy'soev T. (2023) Apokalipsis navsegda. Recenziya na knigu Ya. Taubesa «Zapadnaya e'sxatologiya» [The apocalypse is forever. Review of the book by J. Taubes "Western Eschatology"]. URL: <https://gorky.media/reviews/apokalipsis-navsegda/> (accessed: 25.01.2024)
7. Taubes Ya. (2021) Ad Carl Schmitt: Gegenstrebiges Fugung [Sopryazhenie protivostremitel'nogo]. StP: Vladimir Dal'.
8. Shishkov A. (2023) Pochemu v teologii Karla Shmitta net Boga? [Why is there no God in Carl Schmitt's theology?]. URL: <https://gorky.media/context/pochemu-v-teologii-karla-shmitta-net-boga/>(accessed: 25.01.2024)
9. Schmitt, K. (2013) O trekh vidax yuridicheskogo my'shleniya [About three types of legal thinking], *Gosudarstvo: Pravo i politika [State. Law and Politics]*. M.: Territoriya budushchego. 444 p.
10. Schmitt, K. (2016), Politicheskaya teologiya [Political theology] // Schmitt, K. *Ponyatie politicheskogo [The concept of the political]*. M.: Nauka. pp. 5-59
11. Yarkeev A.V. (2022) Politicheskaya teologiya: genesis koncepta [Political Theology: the genesis of the Concept]. *Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of the Perm University]*. N. 2. pp. 5-13.

Об авторе

Антонов Борис Александрович – кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (Россия), E-mail: heidel@rambler.ru

Antonov Boris Alexandrovich – Candidate of Law, Associate Professor, Russian State University for the Humanities (Russia), E-mail: heidel@rambler.ru

УДК 327.56

Абдуллаев Г.П., аспирант, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЦЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ ПАЛЕСТИНЫ

Актуальность темы исследования обусловлена неуклонным стремлением палестинского народа к самоопределению и постоянной динамикой изменений в международном праве и политике. Проблематика статьи касается осмысления многочисленных и разнообразных факторов, влияющих на процесс международного признания государства Палестины. Цель исследования - комплексный анализ исторического развития и современного состояния признания Палестины как независимого государства, а также оценка последствий этого признания для международных отношений и региональной стабильности. В качестве методологической основы исследования применяются исторический подход, позволяющий проследить хронологию и преемственность ключевых событий, и системный подход, способствующий всестороннему изучению взаимодействия между различными аспектами вопроса. Результаты исследования подтверждают, что признание Палестины на международной арене прошло долгий путь от символического акта до приобретения конкретных атрибутов суверенитета. Ключевыми выводами стали идентификация основных этапов и переломных моментов в процессе признания, а также оценка влияния этих событий на международные отношения и палестино-израильский конфликт. Автор глубоко и системно исследует этапы эволюции международного признания Палестины, которое открывает новые перспективы для понимания международной политики и права.

Ключевые слова: палестино-израильский конфликт, Ближний Восток, ООН, США, международные отношения.

DOI:10.22281/2413-9912-2024-08-01-16-23

Введение. Вопрос международного признания Палестины как независимого государства является одним из наиболее спорных и значимых в современных международных отношениях. Эта проблематика обретает особую актуальность на фоне продолжающихся политических и геополитических изменений на Ближнем Востоке и в мире. Статус Палестины остается одной из ключевых точек напряжения в палестинско-израильском конфликте, затрагивающем не только региональную, но и глобальную политическую арену. Процесс признания Палестины как суверенного государства является сложным и многоаспектным, охватывающим исторические, правовые, политические и дипломатические измерения.

Значимость данной **проблематики** усиливается в свете международного права, принципов самоопределения народов и глобальных усилий по поддержанию мира и стабильности. Международное признание играет ключевую роль в легитимации стремлений палестинцев к независимости и суверенитету, оказывая влияние на международные дипломатические отношения и переговорные процессы. В то же время, решения отдельных государств и международных организаций по признанию или непризнанию Палестины

существенно влияют на динамику регионального конфликта и широкомасштабные международные усилия, направленные на достижение мира и стабильности в регионе. Таким образом, анализ эволюции процесса международного признания Палестины открывает важные перспективы для понимания текущих и будущих трендов в международных отношениях и геополитике Ближнего Востока.

В вопросе международного признания Палестины существует богатый корпус научной **литературы**, включающий работы как российских, так и зарубежных исследователей. В статье Авада З. (2013) рассматривается международный аспект создания государства Палестина, выделяя ключевые моменты в истории этого процесса. Бадван Н.А. (2018) анализирует позицию Латинской Америки в признании палестинского государства, подчеркивая растущую роль региона в международном признании Палестины. Власян С.Р. (2015) исследует международно-правовой аспект палестинского вопроса, в то время как Демченко А.В. (2018) фокусируется на влиянии "арабской весны" на ситуацию в Палестине. Зарубежные исследователи также внесли вклад в изучение этой тематики. Baruch P.S. (2012) изучает реакцию Израиля на признание Палестины в ООН, а Felix D и

Stettner I-M. (2011) обсуждают предпосылки, позиции и ожидания до встречи Генеральной Ассамблеи ООН. Работа Nagan W.P. (2012) предоставляет глубокий анализ интересов затронутых сторон в признании государственности Палестины. Объединяя эти исследования, можно увидеть широкий спектр перспектив и подходов, отражающих сложность и многогранность процесса международного признания Палестины.

Исследование процесса международного признания Палестины приобретает особое значение в свете продолжающихся политических изменений и нестабильности на Ближнем Востоке. Этот процесс влияет не только на региональные отношения и перспективы мира между палестинцами и израильтянами, но и на более широкие вопросы международного права, суверенитета и глобальной дипломатии. Учитывая постоянные изменения в международной политике и обострение конфликтов в регионе, глубокое понимание этой темы становится необходимым для формирования эффективных стратегий и политик, направленных на урегулирование конфликта и построение устойчивого мира.

Понимание динамики и ключевых моментов, определяющих процесс признания Палестины, предоставляет ценные уроки для политиков, исследователей и международного сообщества. Оно помогает выявить препятствия и возможности, с которыми сталкиваются стороны в процессе урегулирования конфликта, и предлагает новые подходы к решению долгосрочных проблем региона. В этом контексте, данное исследование представляет собой важный шаг к пониманию сложных взаимосвязей между международными отношениями и региональной политикой, что имеет решающее значение для принятия эффективных решений в деле урегулирования палестино-израильского конфликта.

Исследовательский вопрос: Каковы исторические и современные факторы, влияющие на процесс международного признания Палестины, и какое влияние оказывает это признание на динамику палестино-израильского конфликта и региональную стабильность?

Гипотеза: Международное признание Палестины как государства способствует легитимации её политического статуса и усиливает позиции в двусторонних отношениях с

Израилем, что может содействовать возобновлению мирного диалога и поиску устойчивого решения конфликта на основе создания двух государств. Гипотеза также предполагает, что международное признание Палестины играет значительную роль в усилении или ослаблении позиций обеих сторон в палестинско-израильском конфликте, тем самым оказывая влияние на перспективы его урегулирования.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является процесс международного признания Палестины, который включает анализ изменений в официальной политике различных стран и международных организаций относительно признания Палестины. Методы исследования, который включают в себя исторический и системный подходы, позволят систематически изучать развитие событий, связанных с процессом признания Палестины на протяжении десятилетий. Это включает анализ исторических документов, официальных заявлений, международных договоров и резолюций, а также оценку их влияния на развитие и изменение международного признания Палестины.

Результаты и их обсуждение. Международное признание Палестины представляет собой один из самых спорных и динамичных аспектов долгосрочного конфликта на Ближнем Востоке, являясь ключевым фактором в поиске устойчивого решения палестинско-израильской проблемы. На протяжении десятилетий этот вопрос вызывает оживленные дебаты и разногласия в международном сообществе, подчеркивая сложность и многоуровневость геополитических, этнических и религиозных вопросов, окружающих этот регион. Процесс признания Палестины переплетается с широким спектром международно-правовых, политических и исторических аспектов, каждый из которых вносит свой вклад в общую картину конфликта и усилия по его урегулированию. С течением времени развитие этого процесса отражает изменения в международных отношениях и балансе сил, а также эволюцию правовых и дипломатических подходов к решению одной из самых запутанных и длительных проблем современности.

Резолюция 181/II Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1947 года стала краеугольным камнем в истории палестинского

вопроса, закладывая правовую основу для создания независимого государства палестинского народа. Этот документ, часто упоминаемый как план по разделу Палестины, предусматривал прекращение британского мандата над Палестиной, который был установлен Лигой Наций после Первой мировой войны и предлагал деление территории на два независимых государства – арабское и еврейское.

Значительный вклад в интернационализацию вопроса о палестинской государственности внесла Организация освобождения Палестины (ООП), основанная в 1964 году. В 1967 году в результате Шестидневной войны Палестина потеряла Восточный Иерусалим, Западный берег реки Иордан и Сектор Газа [10, р. 61]. Ключевые моменты в развитии палестинской государственности пришлись на период после 1974 года. В конце этого года на арабском саммите в Рабате (Марокко) было принято решение о признании ООП как «единственного легитимного представителя палестинского народа». В 1976 году ООП был впервые официально признан на региональном уровне, получив статус полноценного члена Лиги арабских государств, а позднее и Организации Исламской конференции [11, с. 358].

Юридическое провозглашение Государства Палестины 15 ноября 1988 года в Алжире стало значимым моментом в долгой истории палестинской борьбы за самоопределение. Это событие произошло на заседании Палестинского национального совета, который является высшим совещательным органом Организации освобождения Палестины (ООП). Это заявление последовало за рядом арабо-израильских военных конфликтов, которые оказали значительное влияние на политическую картину региона [8, с. 135].

Важным фактором, предшествующим этому объявлению, был отказ Иордании и Египта от претензий на палестинские территории, что позволило Палестинскому национальному совету взять на себя инициативу в вопросе национального самоопределения. Принятое решение о создании независимого государства стало выражением национальных стремлений палестинского народа и попыткой изменить динамику конфликта, предоставив палестинцам больше политической власти и легитимности на международной арене.

С 1994 года, в соответствии с базовыми соглашениями палестино-израильских переговоров, начатых в Осло 13 сентября 1993 года, была создана Палестинская автономия. Эти соглашения предусматривали передачу определенных полномочий и ответственности к новообразованной Палестинской национальной администрации (ПНА), которая фактически стала исполнительным органом ООП в палестинских территориях [7, с. 208].

Хотя ПНА и не обладала всеми атрибутами полноценного суверенного государства, она начала выполнять ключевые функции самоуправления на палестинских территориях. В то же время дипломатические представительства ООП продолжали действовать под вывеской посольств Государства Палестины, подчеркивая стремление палестинского народа к полноценному международному признанию и суверенитету.

После того, как ХАМАС взял власть в секторе Газа летом 2007 года, руководство Палестинской национальной администрации ПНА под председательством Махмуда Аббаса решило сосредоточиться на возобновлении мирного процесса с Израилем [6, с. 63]. Однако в сентябре 2010 года эти усилия уперлись в тупик. Неудачи в переговорах с Израилем ставили под угрозу легитимность Аббаса на фоне стагнации в палестинской внутриполитической жизни.

В ответ на это движение ФАТХ, возглавляемое Аббасом, выбрало путь односторонних действий, нацеленных на получение международного признания. Первые значительные успехи Махмуда Аббаса по этому вопросу начались в Латинской Америке. Этот регион оказался плодотворной почвой для дипломатических усилий Аббаса, что привело к ряду признаний Палестины как независимого государства со стороны латиноамериканских стран [2, с. 58]. В результате его дипломатического тура по странам Латинской Америки, который состоялся в ноябре 2010 года, к 15 марта 2011 года статус Палестины как независимого государства был официально признан десятью государствами этого региона. Среди этих стран были Бразилия, Аргентина, Боливия, Эквадор, Чили, Гвиана, Перу, Парагвай, Суринам и Уругвай. Колумбия признала Палестина позже в 2018 году. Этот успех подчеркивал растущую

поддержку палестинского вопроса в международной политике и стал значимым шагом в укреплении позиций Палестины на мировой арене [4, с. 109]. Эти шаги латиноамериканских правительств не только усилили позиции Палестины на международной арене, но и послужили важным сигналом для других регионов мира о растущей поддержке аспираций палестинского народа. Признание со стороны Латинской Америки стало ключевым моментом в стремлении Аббаса к обретению более широкого международного признания и поддержки для Палестинской государственности.

Действия палестинской дипломатии, включая усилия по обретению признания от различных стран и попытки добиться членства в ООН, стали способом отвлечения внимания населения от внутренних проблем. Эти усилия также направляли общественное недовольство против Израиля и США, последние из которых выступили против односторонних шагов ПНА.

В сентябре 2011 года, а затем повторно в сентябре 2012 года, Генеральная Ассамблея ООН рассматривала заявки, поданные Махмудом Аббасом от имени Палестинской национальной администрации (ПНА), на предмет возможности включения Палестины в число полноправных членов Организации. Эти заявки являлись частью усилий Аббаса по укреплению международного статуса Палестины и стремлению к признанию ее как независимого государства. 23 сентября 2011 года Махмуд Аббас официально подал заявку на членство в ООН. Однако, несмотря на поддержку со стороны многих стран, Соединенные Штаты, имеющие право вето в Совете Безопасности ООН, выразили свою решительную оппозицию этому шагу. Они аргументировали свою позицию тем, что одностороннее признание Палестины в ООН может помешать мирному процессу на Ближнем Востоке и должно следовать за прямыми переговорами между Израилем и Палестиной. В 2012 году, несмотря на предыдущие

неудачи, Аббас вновь предпринял попытку добиться членства Палестины в ООН. Однако опять столкнулся с аналогичными препятствиями. В результате обе заявки ПНА не прошли процедуру по приему новых членов в Совет Безопасности ООН из-за вето со стороны США [5, с. 80].

В октябре 2011 года в ходе Генеральной конференции ЮНЕСКО проголосовала за принятие Палестины в организацию. Примечательно, что 107 стран поддержали резолюцию, включая Россию и Францию. Однако 14 стран, в том числе Швеция, Чехия, Германия, Австралия, Канада, США и Израиль, проголосовали против. Палестина рассматривала это как политическую победу и шаг к строительству полноценного государства. Однако принятие Палестины в ЮНЕСКО также вызвало негативную реакцию со стороны США, которые объявили о прекращении финансирования организации, утратившей в результате более 20% своего бюджета, хотя США сохранили свое членство в организации. Несмотря на эти сложности, Палестина теперь как полноправный член ЮНЕСКО может выносить на обсуждение вопросы, касающиеся сохранности мусульманских святынь Восточного Иерусалима, а также строительства Израилем "защитной стены" вокруг Палестинской автономии. Однако важно отметить, что решения ЮНЕСКО носят рекомендательный характер и не являются обязательными для исполнения государствами-членами ООН¹.

29 ноября 2012 года оказался значимым вехой в истории палестинского национального движения, когда Генеральная Ассамблея ООН приняла решение, которое ознаменовало важный шаг на пути к международному признанию Палестины. С убедительным большинством голосов было принято решение о предоставлении Палестине статуса государства-наблюдателя в ООН². Результат голосования был следующим: 138 стран проголосовали за предоставление статуса, 9 были против, а 41 воздержалась³. Это решение не только символизировало широкое

¹ US pulls Unesco funding after Palestine is granted full membership // The Guardian. – 2011. – URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/oct/31/unesco-backs-palestinian-membership>

² The General Assembly Resolution 67/19. Status of Palestine in the United Nations // UN. – 2012. – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N12/479/74/PDF/N1247974.pdf?OpenElement>

³ General Assembly Votes Overwhelmingly to Accord Palestine 'Non-Member Observer State' Status in United Nations. / UN Press. – 2012. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://press.un.org/en/2012/ga11317.doc.htm>

международное признание прав палестинского народа на самоопределение и стремление к суверенитету, но также предоставляло Палестине возможность участвовать в работе ООН как государства-наблюдателя без полноправного членства. Статус государства-наблюдателя давал Палестине право участвовать в дебатах Генеральной Ассамблеи и улучшать свои шансы на вступление в различные международные организации и учреждения. Однако этот статус не предоставлял права голоса в Генеральной Ассамблее, ни полноправного членства в ООН. Так или иначе, данное решение Генеральной Ассамблеи ООН стало значительной победой для палестинской дипломатии и усилий Махмуда Аббаса.

Выбор даты 29 ноября для решения Генеральной Ассамблеи ООН в 2012 году о статусе Палестины не был случайным. Этот день имеет глубокий исторический контекст, так как ровно 65 лет назад, 29 ноября 1947 года, Генеральная ассамблея ООН приняла резолюцию №181. Эта резолюция предлагала разделение Палестины на еврейскую и арабскую территории, целью которого было урегулирование долгосрочного конфликта между евреями и арабами в этом регионе. Хотя план разделения в итоге так и не был воплощен в жизнь из-за отказа арабских стран, этот момент остается важной вехой в истории палестинцев. Таким образом, решение ООН в 2012 году, совпавшее по дате с историческим решением 1947 года, обладает особой символикой, отражая длительную и тернистую борьбу палестинского народа за свои права и самоопределение. Тогдашний представитель России в ООН, комментируя решение России поддержать резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН о предоставлении Палестине статуса наблюдателя, выразил надежду, что Израиль воспримет это решение как серьезный сигнал от международного сообщества, которое стремится к завершению продолжительного палестино-израильского конфликта¹.

Израильская реакция на признание Палестины в качестве наблюдателя-государства в ООН в 2012 году была весьма сдержанной и критической. Израиль выразил опасения, что такое решение может подорвать усилия

по достижению мирного решения через прямые переговоры между Израилем и Палестиной. Официальный Тель-Авив утверждал, что односторонние шаги Палестинской автономии в ООН могут привести к дальнейшему обострению конфликта и угрозам безопасности Израиля. В ответ на решение ООН Израиль принял ряд контрмер, включая усиление строительства новых поселений на Западном берегу реки Иордан [9, p. 103].

В январе 2013 года Махмуд Аббас подписал указ о переименовании Палестинской национальной администрации в «Государство Палестина». Это решение последовало за повышением статуса Палестины в ООН до наблюдателя-государства. Согласно указу, весь официальный символизм, включая печати, знаки и бланки официальной документации, должен был быть изменен, чтобы отражать новое название. Этот шаг стал одним из первых конкретных, хотя и символических, действий Палестины после решения Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября предоставить ей статус наблюдателя-государства. ООН официально изменила способ обращения к палестинской сущности, переходя от названия «Палестина» к «Государству Палестина». Это изменение было основано на мнении юридического отдела ООН, и глава протокола ООН Юн Ё Чхоль подтвердил, что «наименование 'Государство Палестина' будет использоваться Секретариатом во всех официальных документах ООН»².

По состоянию на конец 2023 года государство Палестина получило официальное признание от 138 стран, с которыми оно установило полноценные дипломатические отношения. Среди этих стран находятся мировые державы и влиятельные государства, такие как Россия, Китай, Индия и Бразилия. Палестинское государство также признано крупными международными организациями, включая Лигу арабских государств (ЛАГ), Организацию исламского сотрудничества (ОИК), Движение неприсоединения и Организацию африканского единства (ОАЕ). Эти признания позволяют Палестине действовать как полноценному субъекту дипломатического и консульского права на международной арене.

¹ Наблюдательная Палестина // Газета.ру. – 2012. – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2012/11/30_a_4873773.shtml

² Ahren R. Abbas changes name of Palestinian Authority to 'State of Palestine'. // The Times of Israel. – 2013. – URL: <https://www.timesofisrael.com/abbas-changes-name-of-palestinian-authority-to-state-of-palestine/>

Однако Палестина до сих пор не имеет полного суверенитета в реальном смысле этого слова. Государственные структуры в Палестине формировались только частично. Например, у Палестины нет собственной армии, но есть большая полицейская сила, а также действуют различные полупартизанские группировки. Большая часть Западного берега реки Иордан и Восточный Иерусалим находятся под контролем израильской армии. Сектор Газа и Западный берег фактически являются двумя отдельными анклавами, разделенными территорией Израиля. Отношения между Палестиной и Израилем остаются крайне напряженными и периодически переходят в вооруженное противостояние, которое достигло своего пика в октябре 2023 года, когда началась война между Израилем и ХАМАСом. Границы палестинского государства практически со всех сторон контролируются израильскими вооруженными силами.

Соединенные Штаты Америки до сих пор не признали Палестину как независимое государство по нескольким причинам. Одна из ключевых причин — это их давние и прочные дипломатические и военные связи с Израилем. США традиционно поддерживают Израиль в региональных конфликтах и международных вопросах, особенно в контексте палестино-израильского конфликта. Также Соединенные Штаты выражают опасения, что одностороннее признание Палестины может подорвать мирный процесс на Ближнем Востоке и препятствовать достижению долгосрочного решения конфликта на основе двух государств. США настаивают на том, что статус Палестины должен определяться через прямые переговоры между Израилем и Палестиной.

Палестинцы утверждают, что их право на территории, предназначенные для создания независимого государства, подтверждено международными резолюциями (например, резолюция Совета Безопасности ООН №242¹ от 1967 и №338² от 1973), и эти земли в настоящее время находятся под иностранным управлением. Они призывают мировое сообщество признать границы, которые

существовали до начала арабо-израильского конфликта в 1967 году, и выражают протест против строительства новых еврейских поселений на Западном берегу реки Иордан, что, по их мнению, подрывает возможности для создания жизнеспособного и суверенного государства [1, с. 76]. ООН поддерживает этот взгляд и рассматривает Западный берег реки Иордан включая Восточный Иерусалим, а также сектор Газа, как территории, находящиеся под оккупацией Израилем. Однако Израиль принципиально не согласен с такой классификацией и отстаивает позицию, что эти территории являются "спорными", а не оккупированными. Израиль аргументирует свою позицию историческими соображениями, а также отсутствием четких признанных на международном уровне границ до войны 1967 года. Эта позиция приводит к отказу Израилем признавать какие-либо действия по изменению статуса территорий без прямых переговоров и соглашений с палестинской стороной [3, с. 120].

Международное признание Палестины может играть ключевую роль в поиске решения палестино-израильского конфликта. Такое признание укрепляет легитимность Палестины как политического субъекта, что улучшает её позиции в переговорах и способствует более сбалансированному диалогу. Оно также может стимулировать Израиль к более конструктивному подходу в переговорном процессе, признавая Палестину как равноправную сторону. Признание Палестины также вносит ясность в отношении её будущих границ и политического статуса, что способствует созданию более четкой основы для мирного урегулирования. Более того, это усиливает международное давление на обе стороны конфликта, побуждая их к поиску дипломатических и мирных решений.

Заключение. В заключении данной статьи можно подчеркнуть, что международное признание Палестины является критически важным аспектом в урегулировании палестино-израильского конфликта и имеет далеко идущее значение для международного права и глобальной дипломатии. Анализ

¹ Security Council Resolution 242: The Situation in the Middle East. // UN. – 1967. – URL: <https://peacemaker.un.org/middle-east-resolution242>

² Security Council Resolution 338: Ceasefire in the Middle East. // UN. – 1973. – URL: <https://peacemaker.un.org/middleeast-resolution338>

исторического контекста и последующих дипломатических усилий демонстрирует, как эволюция международных отношений и изменение политических парадигм влияют на признание государственности. Вклад автора заключается в тщательном исследовании этих процессов и выделении ключевых моментов, которые способствовали текущему положению Палестины на международной

арене, включая значимые шаги, такие как принятие Палестины в ЮНЕСКО и повышение её статуса в ООН до государства-наблюдателя. Эти результаты обогащают понимание сложных механизмов международного признания и его роли в конфликтах современности, предоставляя основу для дальнейших исследований в области международного права и международных отношений.

Список литературы

1. Авад З. Международный аспект создания государства Палестина. // Вестник МГИМО Университета, 2013. №1 (28). С. 76–82.
2. Бадван Н.А. Латинская Америка и ее позиция в вопросе признания палестинского государства // Институт Латинской Америки РАН, 2018. №5. С. 53–61.
3. Власян С.Р. Палестинский вопрос: международно-правовой аспект // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2015. №4. С. 118–122.
4. Демченко А. В. Влияние «арабской весны» на ситуацию в Палестине / А. В. Демченко // Уральское востоковедение: международный альманах. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. Вып. 8. С. 99–114.
5. Карасова Т.А. Особенности израильско-американских отношений в период правления правительств Б. Нетаньяху и администраций Б. Обамы и Д. Трампа (2009–2019) / Отв. ред. И. Д. Звягельская; Ин-т востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2019. 428 с.
6. Корочкина В.А. Палестинская проблема и ее место во внешнеполитической повестке дня России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, 2021. Том 17. №1. С. 52–68.
7. Федорченко А.В., Крылов А.В. и В.М.Морозов. Государство Палестина: право на будущее / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр ближневосточных исследований Ин-та междунар. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. 418 с.
8. Юсеф Д.А.Н. Проблема признания государственной независимости Палестины в современных международных отношениях // Наука и мир, 2015. №12–2(28). С. 135–137.
9. Baruch P.S. Israel's Response to UN Recognition of a Palestinian State // Institute for National Security Studies, 2012. 3 p.
10. Felix D and Stettner I-M. A Palestinian State in the United Nations?: Prerequisites, Positions and Expectations before the Meeting of the UN General Assembly. // Konrad Adenauer Stiftung, 2011. pp. 51–69.
11. Nagan W.P. Recognition of Palestinian Statehood: A Clarification of the Interests of the Concerned Parties // University of Florida Levin College of Law, 2012. Vol. 40 (341). pp. 343–411.

EVOLUTION OF THE PROCESS OF INTERNATIONAL RECOGNITION OF PALESTINE

The relevance of the research topic is due to the steady desire of the Palestinian people for self-determination and the constant dynamics of changes in international law and politics. The problems of the article concern the understanding of the numerous and diverse factors affecting the process of international recognition of the State of Palestine. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the historical development and current state of recognition of Palestine as an independent state, as well as to provide an assessment of the consequences of this recognition for international relations and regional stability. As a methodological basis of the research, a historical approach is used, which allows tracing the chronology and continuity of key events, and a systematic approach that promotes a comprehensive study of the interaction between various aspects of the issue. The results of the study confirm that the recognition of Palestine in the international arena has gone a long way from a symbolic act to the acquisition of specific attributes of sovereignty. The key conclusions were the identification of the main stages and turning points in the recognition process, as well as an assessment of the impact of these events on international relations and the Palestinian-Israeli conflict. The author deeply and systematically explores the stages of the evolution of international recognition of Palestine, which opens new perspectives for understanding international politics and law.

Keywords: Palestinian-Israeli conflict, the Middle East, the UN, the USA, international relations.

References

1. Avad Z. (2013) Mezhdunarodnyj aspekt sozdaniya gosudarstva Palestina [The international aspect of the creation of the State of Palestine] // Vestnik MGIMO Universiteta, N. (28). S. 76–82.
2. Badwan N.A. (2018) Latinskaya Amerika i ee pozitsiya v voprose priznaniya palestinskogo gosudarstva [Latin America and its position on the recognition of the Palestinian State] // Insti-tut Latinskoj Ameriki RAN. N.5. S. 53–61.
3. Vlasyan S.R. (2015) Palestinskij vopros: mezhdunarodno-pravovoj aspekt [The Palestinian question: an international legal aspect] // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. N 4. S. 118–122.
4. Demchenko A.V. (2018) Vliyanie «arabskoj vesny» na situaciyu v Palestine [The influence of the "Arab Spring" on the situation in Palestine] / A. V. Demchenko // Ural'skoe vostoko-vedenie: mezhdunarodnyj al'manah. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. Vyp. 8. S. 99–114.
5. Karasova T.A. (2019) Osobennosti izrail'sko-amerikanskih otnoshenij v period pravleniya pravitel'stv B. Ne-tan'yahu i administracij B. Obamy i D. Trampa (2009–2019) [Features of Israeli-American relations during the reign of the governments of B. Netanyahu and the administrations of B. Obama and D. Trump (2009-2019)] / Otv. red. I. D. Zvyagel'skaya; In-t vostokovedeniya RAN. M.: IV RAN.. 428 s.
6. Korochkina V.A. (2021) Palestinskaya problema i ee mesto vo vneshnepoliticheskoj povestke dnya Rossii [The Palestinian problem and its place in the foreign policy agenda of Russia] // Politi-cheskaya ekspertiza: POLITEKS. Tom 17. N 1. S. 52–68.
7. Fedorchenko A.V., Krylov A.V. and V.M.Morozov (2018) Gosudarstvo Palestina: pravo na budushchee [The State of Palestine: the Right to the Future] / Mosk. gos. in-t mezhdunar. otnoshenij (un-t) M-va inostr. del Ros. Federacii, Centr blizhnnevostochnyh issledovanij In-ta mezhdunar. issledovanij. M.: MGIMO-Universitet. 418 s.
8. Yusef D.A.N. (2015) Problema priznaniya gosudarstvennoj nezavisimosti Palestiny v sovremennyh mezhduna-rodnyh otnosheniyah [The problem of recognition of the state independence of Palestine in modern international relations] // Nauka i mir. N 12–2(28). S. 135–137.
9. Baruch P.S. (2012) Israel's Response to UN Recognition of a Palestinian State // Institute for National Security Studies. 3 p.
10. Felix D and Stettner I-M. (2011) A Palestinian State in the United Nations?: Prerequisites, Positions and Expectations before the Meeting of the UN General Assembly. // Konrad Adenauer Stiftung. pp. 51–69.
11. Nagan W.P. (2012) Recognition of Palestinian Statehood: A Clarification of the Interests of the Concerned Parties // University of Florida Levin College of Law. Vol. 40 (341). pp. 343–411/

Об авторе

Абдуллаев Гасан Парвиз оглы – аспирант кафедры Востоковедения, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (Россия), E-mail: gasan.abdullaev.97@mail.ru

Abdullayev Hasan Parviz ogli – post-graduate student of the Oriental Studies Department, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia), E-mail: gasan.abdullaev.97@mail.ru

УДК 351.742/351.749

Власов А.Е., аспирант, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОГО РОЗЫСКНОГО ПУНКТА ЦЕНТРАЛЬНОГО (МОСКОВСКОГО) РАЙОННОГО ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В 1906 – 1907 ГГ.

В статье публикуются ранее неизвестные данные об особенностях структурной организации политического розыска в Калужской губернии, входившей в Центральное районное охранное отделение: а) практика приёма на службу в качестве филёров (агентов наружного наблюдения), их количество, сословная принадлежность, размер ежемесячного содержания; б) практика работы внутренней агентуры (секретных сотрудников). Авторами установлены их клички, точное количество, партийная принадлежность, размер жалованья, получаемого в «охранке»; в) перлюстрация почтовой корреспонденции. С опорой на широкий круг источников и богатый архивный материал авторы попытались определить место Калужского розыскного пункта в системе политического сыска Российской империи. Рассматриваются специфика служебных контактов чинов общей полиции и жандармского офицера, руководившего розыском и агентурой по Калуге и уездам губернии. Авторы констатируют низкий результат работы службы наружного наблюдения (филёров) и раскрывают причину – недостаточное умение руководителя розыскного пункта ротмистра Н.М. Никифорова разбираться в людях и его недостаточная профессиональная компетентность. В 1907 г. качество работы филёрской службы несколько улучшилось, но под началом опытного агента. Качество работы внутренней агентуры (агентов-провокаторов) была организована лучше, результатом чего стало предотвращение покушения на жизнь калужского губернатора А.А. Офросимова и начальника Калужского губернского жандармского управления.

Ключевые слова: Центральное (Московское) охранное отделение, Калужский розыскной пункт, Калужское губернское жандармское управление, Н.М. Никифоров, филеры, внутренняя агентура, перлюстрация

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-24-36

Введение. Источниковой базой статьи служат фонды Государственного Архива Российской Федерации (далее – ГА РФ), хранящие нормативно-правовые документы об организации работы политического сыска Российской империи, среди которых выделим «Инструкции чинам, состоящим в распоряжении директора Департамента полиции по заведованию охранными пунктами» (1902) [11, л. 21-23 об.], «Инструкцию филёрам летучего отряда и филёрам розыскных и охранных отделений» (1902) [11, л. 114-115], «Положение о районных охранных отделениях» (14.12.1906) [12, л. 71-73], «Положение об охранных отделениях» (09.02.1907) [13, л. 1-4], «Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения» (1907) [14, л. 1-5]. Вторая группа источников, относящаяся к методам организации политического розыска в Калужской губернии выявлена в фондах Государственного архива Калужской области (далее – ГАКО). В этом контексте большое значение имеют

материалы фонда № 784 «Калужское губернское жандармское управление» (далее – КГЖУ) и фонда № 1332 «Прикомандированный к Калужскому губернскому жандармскому управлению ротмистр Никифоров».

Согласно «Положению о районных охранных отделений» от 14 декабря 1906 г. было образовано 8 районных охранных отделений. Одним из них было Центральное, его руководителем был глава Московского охрального отделения, который по совместительству мог занимать пост начальника Московского губернского жандармского управления. Именно Москва объединяла вокруг себя деятельность структур политического розыска следующих губерний: Московской, Тверской, Ярославской, Вологодской, Архангельской, Костромской, Калужской, Тульской, Орловской, Владимирской, Рязанской, Нижегородской. Структурный состав каждого района не отличался инертностью. Некоторые губернии выводились из состава одного района и вводились в другой. Так, в 1909

г. из состава Северо-Западного района была выведена Смоленская губерния, включенная в состав Центрального района, из которого, в свою очередь, выводились Архангельская и Вологодская губернии, включавшиеся в состав Северного района [13].

Современный исследователь А.С. Опилкин разделяет деятельность Центрального (Московского) охранного отделения в системе политической полиции Российской империи за весь период его существования на следующие этапы:

1) Подготовительный этап (1906–1907 гг.), в рамках которого можно проследить организационные аспекты создания ЦРОО.

2) Собственно, 1 этап (1907–1909 гг.), в рамках которого оформляется структура ЦРОО, устанавливаются контакты с региональными органами политической полиции и Департаментом полиции.

3) 1910–1914 гг. – заключительный этап работы и существования ЦРОО [15].

Объект исследования: институциональный аспект, связанный с устройством розыскного пункта на региональном (Калужском) уровне.

Методы исследования: основное внимание уделено антропологически ориентированному подходу и методу просопографии, способствующих выявлению личностных характеристик руководителя Калужского розыскного пункта, личного состава розыскного пункта и контингента внутренней агентуры.

Результаты и обсуждения. Калужский розыскной пункт возник в ходе первой русской революции для наблюдения за явлениями общественной жизни, повлекшими за собой политическое недовольство или брожение, а также для розыска политически преступных лиц, таких как: агитаторы, демонстранты, транспортировщики нелегальной литературы, устроители тайных типографий, производители фальшивых паспортов, сборщики денег на нелегальные цели и т.д. Для осуществления указанных целей предполагалось организовать наблюдение в политическом отношении за скоплениями людей в государственных и частных учреждениях, а также наблюдение за рабочим и крестьянским населением. Заведующие розыскными пунктами непосредственно подчинялись Департаменту полиции через начальника

губернского жандармского управления, который поддерживал тесные контакты с заведующими розыскными пунктами, не вникая, однако в суть их действий по существу, поскольку это дело было прерогативой Департамента полиции.

Первым заведующим политическим розыском и агентурой при жандармском управлении Калужской губернии стал ротмистр Отдельного Корпуса жандармов Николай Митрофанович Никифоров. С 24 февраля по 15 мая 1906 г. он исполнял обязанности адъютанта при калужской жандармерии. По согласованию с начальником Калужского губернского жандармского управления (далее – КГЖУ) полковником В.П. Шлейфером ротмистр Н.М. Никифоров был направлен в Московское охранное отделение для практического ознакомления с делом политического розыска. Свою работу жандармский офицер выполнял с 30 мая 1906 г. по 26 июня 1907 г. Направлениями работы розыскного пункта были: организация наружного и внутреннего наблюдения в Калуге и уездах губернии, устройство канцелярии и перлюстрация почты. Сам же ротмистр по поручению начальника КГЖУ занимался проведением дознаний и перепиской в порядке установленном «Положением о Государственной охране». Производству дознания предшествовал обыск в квартире интересовавших жандармерию лиц, предположительно принадлежавших к антиправительственным организациям: партии социал-демократов (большевиков и меньшевиков), или эсеров, и хранивших у себя нелегальную политическую литературу: книги, брошюры, листовки, мимеографы, оружие, взрывчатые вещества, или бомбы. Ротмистр Никифоров начинал оформление служебной документации с заполнения бланка литеры «А» (уведомление о возбуждении дознания). На бланке указывались наименование и место дознания. Дознания проводились, как правило, самим ротмистром Никифоровым. За ходом проведения дознания наблюдал чиновник от прокурорского надзора – товарищ прокурора Калужского окружного суда, которому жандармский офицер направлял уведомление о возбуждении дознания с указанием данных о личности фигуранта дознания, о вызове свидетелей по делу. С ходатайством о вызове на

допрос в качестве свидетелей Никифоров обращался к калужскому полицмейстеру. Допросы свидетелей проводились либо в жандармском управлении, либо в канцелярии Калужского розыскного пункта на Пушкинской улице в доме Медзыховской [8, л. 6]. Основанием возбуждения дознаний служили либо сообщения полиции с препровождением соответствующих вещественных доказательств, либо негласная разведка унтер-офицера управления. В конце документа ставилась дата и подпись начальника КГЖУ, или его помощника. Перед составлением протокола допроса задержанного ротмистр направлял запрос в городское или уездное полицейское управление с просьбой предоставить метрику и информацию о семье или родственниках задержанного, а также сведения о привлечении ранее к уголовной ответственности. В бланк под литерой «Б» заносились сведения о лице, привлечённом к дознанию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренного соответствующей статьёй Устава уголовного судопроизводства или Уложения о наказаниях Российской империи. В конце указывалась мера пресечения. При необходимости её изменения указывалась причина. В качестве частой причины изменения меры пресечения ротмистр Никифоров указывал недостаточность вещественных доказательств и распоряжения начальника жандармского управления – отправить на следствие. Если обвиняемый состоял на государственной службе, то о его настоящем положении ставилось в известность начальство, которое реагировало уведомлением об увольнении попавшего под следствие работника. Если при следствии не удавалось найти доказательств принадлежности человека к революционному сообществу, а также его участие в нём, то дознание прекращалось. Окончание дознания фиксировалось в бланке под литерой «Г». В нём указывались сроки начала и окончания дознания, время препровождения результатов дознания начальнику жандармского управления, и далее представителю прокурорского надзора. Для принятия окончательного решения о судьбе привлекавшегося к дознанию человека, вину которого не удалось доказать, назначалось губернское совещание в составе начальника КГЖУ, прокурора Калужского

окружного суда под председательством калужского губернатора. На этом совещании обсуждалась дальнейшая судьба привлекавшегося к дознанию: отменить или сохранить избранную меру пресечения. Например, одной женщине, содержащейся под стражей в Калужской губернской тюрьме по обвинению в принадлежности к партии эсеров, дважды изменяли меру пресечения – сначала освобождение из-под стражи под особый надзор полиции, а на губернском совещании от 28 декабря 1906 г. отменили и эту меру пресечения. По нашим подсчётам ротмистром Никифоровым было проведено около 20 дознаний. Об отношении ротмистра Никифорова к своим обязанностям говорит служебное донесение под грифом «секретно» начальника КГЖУ, адресованное самому Никифорову. В нём говорится о серьёзных нарушениях, допущенных Никифоровым при проведении дознаний. Как видно из выводов полковника В.П. Шлейфера, именно в них и были причины конфликта с чинами общей полиции. Чинам полиции ротмистр поручал вести допросы свидетелей по делам политического характера, в то время как допросы обязан был проводить он лично. Поэтому чины полиции понимали направляемые им ротмистром поручения как требование провести всё дознание. Кроме того, в донесении В.П. Шлейфер вменял ротмистру в вину проявленную неоперативность при проведении дознаний. Эту точку зрения поддерживал и товарищ прокурора Калужского окружного суда. Жандармский офицер не всегда своевременно выносил постановления о начале производства дознаний, в чём подвергался критике со стороны помощника полковника Шлейфера ротмистра Александра Николаевича Дурново и прокурора Калужского окружного суда. Осмотр вещественных доказательств по тому или иному делу ротмистр Никифоров составлял постфактум, т.е. после проведения оперативно-следственных действий, перед окончанием дознания. Начальник КГЖУ приводил конкретные примеры, когда Никифоровым не составлялись протоколы осмотра вещественных доказательств вообще. За него это вынужден был делать ротмистр Дурново, или чины полиции. Составляемые Никифоровым протоколы осмотров вещественных доказательств не редко не содержали в себе важных

подробностей, описывали лишь наружные признаки вещей без кратких выдержек из каких-либо нелегальных изданий, брошюр, воззваний и т.д. На деле Никифоров осматривал изъятые при обыске вещи прежде, чем предъявлялось обвинение задержанному. Но это не оформлялось в дознании надлежащим образом. При совершении преступлений в уездах в отсутствие на месте представителей Министерства юстиции – судебного следователя предъявлять обвинение задержанным обязаны были чины местной полиции. В этих случаях ротмистр Никифоров был обязан отдавать распоряжения, чтобы уездные исправники предъявляли обвинение, которое предварительно должен был сформулировать ротмистр. Для допросов обвиняемых ротмистр Никифоров заранее заготавливал список вопросов, который он и направлял исправникам. Но, по заключению полковника В.П. Шлейфера, это не делалось Никифоровым в отношении допроса свидетелей, ограничивавшимся лишь требованиями допросить таких-то людей по существу дела [2, лл. 11 – 11 об., 12, 13-13 об.]. Попытка Никифорова изъять из производства полиции эти дознания наткнулась на крайне негативную реакцию со стороны полицейских чинов. Особенно в этом отношении непримиримее других был представ 2-й части, будущий начальник калужской сыскной полиции Владислав Данишевский, который, по возможности, запрещал своему заместителю и подчинённым околоточным надзирателям предоставлять какую-либо информацию по политическим делам вверенной ему части, а иногда и опережал Никифорова в деле ликвидаций тайных типографий, оборудованных на частных квартирах. Так было и в деле о тайной типографии Роговой – члена калужского комитета РСДРП. Намеченная ротмистром Никифоровым ликвидация типографии сорвалась из-за действий чинов общей полиции под началом Данишевского, взявшей типографию раньше. Никифоров в долгу не оставался. Жаловался на полицию как своему начальнику, так и губернатору, а иногда и сваливал на полицию вину за то, что в момент явки на обыск жандармов и полиции в квартире не оказывалось лиц, на которых Никифорову указывала его секретная агентура [10, лл. 3–3 об., 4].

Филёрами могли стать как штатные

унтер-офицеры жандармских управлений, так и сотрудники по вольному найму. Вольнонаёмным филёром мог стать политически благонадёжный обыватель, не состоявший под судом и следствием, трезвого поведения и подавший прошение на имя прикомандированного к Калужскому ГЖУ ротмистра Н.М. Никифорова. В прошении указывались данные заявителя: фамилия, имя, звание и место жительства. Установлено, что в период с 13 апреля 1906 г. по 10 сентября 1907 г. в КГЖУ на имя жандарма Никифорова было подано порядка 15 заявлений. Первое заявление было подано 13 апреля 1906 г. Его автором был мосальский мещанин, проживавший в Козельске Иван Григорьевич Свистунов. Вторым заявление подал крестьянин Лихвинского уезда Николай Иванович Дадочкин. 10 июля было подано прошение о принятии на службу филёром вольного найма от Александра Лаврентьевича Зуева (родился 26 апреля 1879 г., происходил из мещан Пермской губернии). Ещё одним желающим стать вольнонаёмным филёром оказался младший запасный унтер-офицер, мещанин г. Зенькова Полтавской губернии Владимир Иванович Аранович, проживавший по Казанской улице в доме Незировского. Заявление было им подано 11 июля 1906 г., а 27, 28 и 31 июля были поданы ещё три заявления. Одним из подавших оказался отставной жандармский унтер-офицер Тимофей Кривов, другим – запасный старший фейерверкер Григорий Тяпкин, а третьим – обер-офицерский сын, житель г. Калуги Николай Евгеньевич Яхонтов.

В августе – октябре 1906 г. ещё три человека подали прошение о принятии их на службу в качестве агентов наружного наблюдения. Сословное происхождение двоих нам установить не удалось. Известны лишь их имена и место жительства – оба проживали в Калуге. Одного звали Илья Тихонович Грибанов (Ильинская улица, дом Ростиславова), а другого – Иван Клементьевич Мазуренко (близ Николаевских казарм в собственном доме). Третьим заявителем оказался запасный старший писарь высшего оклада КГЖУ, служивший в 25 пехотном Смоленском полку, крестьянин д. Подберезье Батищевской волости Мосальского уезда Семён Ефимович Горелов [4, л. 1-37].

На основании поданных прошений к 1

октября 1906 г. был образован штат агентов наружного наблюдения, состоявший из 5 вольнонаёмных филёров. Старшим агентом с 10 июля 1906 г. был назначен А.Л. Зуев, которому был присвоен агентурный псевдоним «Лабзов», положен служебный оклад в размере 50 руб. В число его обязанностей входило производство установок по г. Калуге. Зуеву (Лабзову) подчинялись 4 вольнонаёмных филёра: Н.И. Дадочкин (принят на службу 01.07.1906 г.), И.Т. Грибанов (с 16.08.1906) и И.К. Мазуренко (с 05.09.1906) с месячным окладом в 30 руб. и некто Бессонов (его заявление в архиве не сохранилось) с жалованьем в 40 руб. в месяц. С каждого из них бралась подписка о неразглашении профессиональных тайн. В случае разглашения секретной информации они подлежали уголовному преследованию по обвинению в совершении преступления против государства. Департамент полиции ставил жандармского офицера в известность, что денежные средства на их содержание будут отпускаться в случае получения качественной и достоверной информации. Об этом были предупреждены и агенты наружного наблюдения. Доказательством тому служат расписки агентов. Суть их донесений сводилась к более подробному ознакомлению с благонадёжностью жителей Калуги. В то же русло была направлена работа секретных сотрудников [4, лл. 14, 16–16об.]. Следует подчеркнуть, что не все агенты отличались «высоким» моральным обликом. Двое вольнонаёмных агентов наружного наблюдения, Мазуренко и Грибанов, были уволены уже 6 октября 1906 г. за пьянство [4, л. 22]. Один из указанных лиц, Грибанов, предпринимал попытку вернуться на службу, о чём свидетельствует поданное на имя ротмистра Никифорова заявление, датированное декабрём 1906 г. Однако, заявление так и осталось без ответа [4, лл. 14, 31].

За январь–март 1907 г. калужской жандармерией были рассмотрены прошения ещё 6 человек, решивших работать филёрами и не имевших ранее никакого отношения к жандармерии. 17 января 1907 г. своё прошение о зачислении вольнонаёмным филёром в Калужский розыскной пункт подал запасный унтер-офицер из личных граждан г. Ельца Орловской губернии Владимир Федотович Ильинский, проживавший в г. Ельце (ул.

Покровская, дом Сафронова). В этот же день пришло прошение калужского мещанина Николая Максимовича Ильина, проживавшего в собственном доме в Калуге на Николо-Козинской улице. 25 января были поданы заявки от мещанина г. Яновичи Витебской волости Витебского уезда Шендера Хаимовича Сидура и калужской мещанки Анны Константиновны Киселёвой, жившей в квартире на Боровской улице в доме Соловьёва. В конце февраля и марта 1907 г. на службу в качестве вольнонаёмных агентов наружного наблюдения было принято ещё два человека. Женщиной-филёром стала калужская мещанка, дочь титулярного советника Мария Ивановна Крылова. Из её сохранившегося личного дела мы узнаём, что родилась она приблизительно в 1873 г., получила домашнее образование, но иностранными языками не владела. До 1 марта 1907 г. проживала в Ростове-на-Дону в доме начальника телефонной сети Василия Матвеевича Пономарёва. В Калуге проживала по адресу: Медная улица, дом Копылова. Последним из подавших прошение был сын коллежского асессора Павел Васильевич Поступальский. Помимо названных лиц в калужском розыском пункте под руководством ротмистра Никифорова служило ещё несколько человек. В документах упоминается имя унтер-офицера КГЖУ Балашова. Очевидно, он служил в основном жандармском штате в Калуге. С 28 февраля 1907 г. в штат агентов наружного наблюдения был зачислен и унтер-офицер основного штата КГЖУ Фёдор Григорьевич Кравчук. Кроме того, в штате филёров состоял и унтер-офицер дополнительного штата Михаил Сафронов. Однако заявлений этих людей в архивных материалах не сохранились [5, л. 1-77].

Одним из пунктов служебной инструкции, касающейся филёрской службы было неотступное наблюдение за интересующими политическую полицию фигурами, которым филёры обязаны были присваивать клички. Сведения о наблюдаемых и их знакомствах с указанием примет, видов одежды, наружного состояния занимаемых ими квартир, а главное, название улиц, на которых они находись, должны были оформляться письменно в виде донесений на имя заведующего розыском и агентурой ротмистра Никифорова. Такие донесения частично сохранились за конец марта – начало мая 1907 г.

В наружном наблюдении принимали участие 3 штатных унтер-офицера КГЖУ: Балашов, Кравчук и Серёгин и 4 вольнонаёмных – Крылова, Ильинский, Поступальский и Аранович. Объектами наблюдения были лица, состоявшие в калужской группе партии эсеров. Секретный сотрудник «№ 6» (завербован в составе калужской группы эсеровской партии в сентябре 1906 г. с содержанием в 50 руб.) указал ротмистру Никифорову на проживавшего в Трубаевском переулке в доме Извековой Николая Аманьшина как на деятельного члена партии эсеров, который вёл шифрованную переписку со своими товарищами по партийным делам. Этот человек хранил в своей квартире мимеограф, на котором и печатал прокламации с печатью калужской группы эсеров. Экземпляр одной такой прокламации секретный сотрудник «№ 6» и передал своему непосредственному начальнику ротмистру Никифорову. Тот передал справку об объекте со всеми его данными филёрам, поручив тем организовать 21 марта 1907 г. наблюдение за его домом и всеми, кто входил и выходил оттуда. Аманьшину была присвоена кличка «Белый». Наблюдение велось филёрами с 21 марта до 8 мая 1907 г. Рабочий день калужских филёров был довольно продолжительным. Иногда он длился с 9 утра до 9 вечера. В иных случаях с 15.00–16.00 и кончался в 22.00–23.00 [9, лл. 1-78 об.]. Наблюдение за группой «Белого» не велось лишь в течение 30–31 марта и 1 апреля в связи с предписанием начальника КГЖУ, приказавшего организовать наблюдение на другой группой объектов [9, л. 16]. За полтора месяца филёры выследили около 30 чел., связанных с эсером «Белым». После получения каждого донесения Никифоров поручал прикреплённому к калужскому розыскному пункту околоточному надзирателю 3-й части 10 околотка Дмитрию Моисеевичу Георгиевскому установить личность людей, адреса которых указаны в донесениях филёров. В донесениях агентов упоминался некий человек под кличкой «Борода», видимо им был учащийся калужской духовной семинарии Леонид Прозоровский, проживавший на Богоявленской улице в доме Постникова. Наблюдаемый по кличке «Очки» оказался Александром Владимировичем Борисовым, жившим на Воробьёвской улице в доме Заверина.

Можно предположить, что А.В. Борисов был родным братом Николая Владимировича Борисова (1887 – 1959) – члена калужского комитета РСДРП, а после революции 1917 г. – члена Калужского губкома РКП (б), затем секретаря губисполкома. Наблюдаемый по кличке «Фунтик» - Михаил Карлович Кунце проживал в собственном доме на Знаменской улице [9, л. 29]. Ещё одна знакомая «Белого» - Наталья Дмитриевна Соколова, прозванная филёрами «Шатенкой», оказалась дочерью домовладелицы Михайловой, проживавшая на Знаменской улице в доме матери. Местожительство ещё одной знакомой «Белого», некой «Блондинки» околоточному Георгиевскому выяснить не удалось. Известно лишь, что она была женой чиновника контрольной палаты Григория Фёдоровича Никольского. Замеченная в компании «Белого» «Русая» оказалась одной из четырёх дочерей домовладелицы Товарковской, проживавшей на Спас-Жаровской улице в собственном доме. Молодой человек, прозванный филёрами «Красный», произведённой установкой оказался крестьянином д. Дубровки Ефремовского уезда Тульской губернии Егором Самойловичем Ислановым, проживавшим в Калуге (Жорин, ныне 1-й Красноармейский) переулок, дом Фалеева). Объект «Румяный» оказался Семёном Алексеевичем Лебедевым, который жил на Старо-Козинской улице в доме Кашенова [9, лл. 12, 13, 19, 25, 33]. Три объекта, за которыми наблюдали калужские филёры, не имели никакого отношения к связям «Белого». Один из них по кличке «Храбрый» оказался Владимир Иванович Малинин – родной брат Д.И. Малинина, также одного из деятелей калужского революционного подполья, а в будущем известного калужского краеведа. Владимир Малинин, как и другой его товарищ Леонтий Иванович Песоченский по кличке «Круглоликий» были учащимися Калужской духовной семинарии, проживали по Трубаевскому переулку в доме Извековой. Кличку «Чёрный» филёры присвоили Петру Алексеевичу Тихомирову, проживавшему в доме Вышеславцевой на Одигитриевской улице (ныне ул. акад. Королева). Адрес упоминаемого в филёрских донесениях под кличкой «Рубаха» выяснить не удалось. Звали его Василий Алексеевич Голожитов. Михаил Михайлович Образцов -

«Высокий» проживал около Покровской улицы в собственном доме. Фёдор Карлович Мейер, он же «Бледный», проживал на Садовой улице в доме Прихоткина. По стечению обстоятельств околоточный Георгиевский служил в части, которую возглавлял Александр Николаевич Денисов. Его сын Александр оказался одним из тех, за кем наблюдали филёры Никифорова. Он принадлежал к калужской группе партии эсеров и обладал правом совещательного голоса в Областном бюро партии. Денисов-младший занимался пропагандистской работой в войсках калужского гарнизона. В наружном наблюдении он проходил под кличкой «Студент» [9, лл. 43, 44, 45, 46, 47, 48]. Ещё один из наблюдаемых по кличке «Сизый» оказался членом социал-демократической партии по фамилии Голубев, потому и не было помещён Никифоровым в отчёте. Кличку «Смуглый» филёры присвоили Николаю Матвеевичу Егорову, проживавшему на Казанской улице в доме Образцова. Студент реального училища Николай Иванович Иванов в филёрских донесениях фигурировал под кличкой «Блондин». Установить адреса ещё пятерых наблюдаемых, обозначенных в филёрских отчётах кличками «Техник», «Угрюмый», «Пиджак», «Шпик», «Рыжий» не удалось [9, лл. 59 об., 63, 71 об., 74]. Бывали случаи, когда ротмистр Никифоров сам вёл наружное наблюдение. Для таких целей он нанимал экипажи у двух извозчиков. Каждому из них в месяц он платил по 3 руб. К таким мерам ротмистр прибегал в целях предотвратить провал филёров, так как, по его же словам, вести наблюдение в Калуге крайне затруднительно [1, лл. 127-127 об., 128]. Несмотря на это, филёры сами время от времени подводили ротмистра Никифорова. Речь шла конкретными лицами – Ильинском и Поступальском. Эти люди страдали тем же пороком, что и Мазуренко с Грибановым. Слух о ведении нетрезвого образа жизни вольнонаёмным агентом наружного наблюдения Ильинского поступил на следующий день после принятия его на службу в Калужский розыскной пункт 23 марта 1907 г. Ротмистр Никифоров пригрозил Ильинскому увольнением в случае появления на службе в нетрезвом виде [5, л. 36]. 1 июня 1907 г. филёр Ильинский и его коллега Поступальский были уволены за нетрезвое поведение [5, л.

67]. Уволенные агенты предпринимали попытки отмстить Никифорову, грозя донести на него в Департамент полиции. Ротмистр сыграл на опережение и проинформировал об этом инциденте временно исполняющего обязанности начальника КГЖУ ротмистра А.Н. Дурново [5, л. 67].

Заведующий розыскным пунктом обязан иметь в своём штате и внутреннюю агентуру. К 2 октября 1906 г. на службе у ротмистра Никифорова находилось 5 секретных сотрудников. 1 апреля 1906 г. был завербован член калужской группы социал-демократов. Ему была присвоена кличка «Длинный». Его содержание обходилось Департаменту полиции в 50 руб. [4, лл. 16-16 об.]. 1 августа Калужским розыскным пунктом был завербован член калужского комитета партии эсеров, имевшего связи с группой экспроприаторов и эсерами-максималистами Андрей Капитонович Бровцев под псевдонимом «Кузьмин» [4, лл. 16-16 об.]. В бумагах ротмистра Никифорова обнаружена метрика о родившемся в 1887 г. с фамилией Бровцев, выданная причтом калужской Благовещенской церкви, паспортная книжка № 424, выданная Следнявским волостным правлением Калужского уезда, свидетельство за № 158 от 27 мая 1901 г. об окончании 2-классного Кондровского образцового училища [5, л. 19]. Через месяц в штат внутренней агентуры был зачислен секретный сотрудник по кличке «№2».

У руководителя розыскного пункта имелась, как правило, своя канцелярия. Канцелярия ротмистра Никифорова располагалась по Пушкинской улице в доме в начале статьи название иначе доме Медзыховской [8, л. 6]. Её содержание, включающее отопление и свет обходилось жандармскому офицеру ежемесячно в 25 руб. Делопроизводство возлагалось частично на письмоводителя канцелярии, частично на заведующего розыскным пунктом ротмистра Н. М. Никифорова. С 30 мая 1906 г. по 26 июня 1907 г. в канцелярии калужского розыскного пункта сменилось три письмоводителя. Так же, как штатные и вольнонаёмные агенты наружного наблюдения КГЖУ, потенциальные письмоводители писали заявление на имя заведующего розыскным пунктом с просьбой рассмотреть их кандидатуру на должность письмоводителя или сторожа канцелярии, а также

давали подписку о неразглашении служебных тайн с предупреждением об ответственности за их разглашение.

В канцелярии Калужского розыскного пункта по делу наблюдения и розыска велись журналы входящих и исходящих бумаг, книга и дело внутренней агентуры, дела по агентурным наблюдениям (дневники наблюдений и листки сводок), а также дела об определении сотрудников и штатов агентов наружного наблюдения. Особый интерес представляют агентурные данные, своевременное получение которых спасло жизнь отдельным служащим жандармских и полицейских чинов. Летом 1906 г. в числе важных сообщений секретной агентуры ротмистра Никифорова были данные о приготовлении покушения на жизнь начальника Калужского ГЖУ полковника В.П. Шлейфера, самого ротмистра Никифорова и калужского губернатора шталмейстера А.А. Офросимова. Были установлены точные мотивы, организаторы и непосредственные исполнители покушений. Характеризуя личность начальника калужской жандармерии, следует признать, что, с одной стороны, в революционных кругах Виктора Павловича считали человеком гуманным, но с другой, не могли простить ему ареста наиболее деятельных участников революционного движения – служащих калужских железнодорожных мастерских: Циглера, Титова и Гурова. Оставшимся на свободе революционерам стало известно, что арестованных должны были сопроводить на станцию «Калуга» для доставки в тюрьму г. Жиздра, поэтому единственной возможностью освободить их была организация нападения на жандармов во время сопровождения под конвоем на станцию «Калуга» для дальнейшей перевозки в жиздринскую тюрьму. Через «своего» человека в калужской тюрьме, где предварительно содержались заключённые, они узнали об этом. Однако, жандармы их опередили. Ротмистр Никифоров распорядился, чтобы 3 июня к 1 часу ночи почтовые экипажи ждали за городом у кузниц, куда тайно на трёх извозчиках доставили заключённых, а оттуда их перевезли на станцию «Воротынский», с которой благополучно доставили в тюрьму г. Жиздры [7, л. 35-35 об.]. Потерпев неудачу в попытке спасти товарищей, железнодорожники решили отомстить. 15 июня за р. Окой в полукилометре от моста

состоялся митинг, на котором в числе прочих участников были члены боевой дружины калужских железнодорожных мастерских – Богомоллов, Сушков, Егоров и Дёмин. Среди участников митинга был секретный сотрудник розыскного пункта «Владимиров». На этом митинге было принято решение об устройстве покушения на жизнь начальника КГЖУ. Выяснить распорядок дня полковника вызвался Богомоллов (проживал в Калуге на улице Косьмы и Дамиана в квартире некоего Сергеева). Богомоллов, узнав, что в июне Виктор Павлович собирался уехать в отпуск по железной дороге, решил убить Шлейфера по дороге на вокзал разрывным снарядом. Возможно, первая попытка покушения не состоялась из-за своевременного вмешательства ротмистра Никифорова, предупредившего начальника калужской жандармерии. С другой стороны, кандидатура Богомоллова могла быть отклонена. 16 июня от того же секретного сотрудника Никифоров узнал, что в его начальника будет стрелять другой член боевой дружины Михаил Беркович (проживал в Калуге на Никольской улице, рядом с мастерской портного Зильберштейна, напротив церкви Николая Чудотворца). Беркович должен был стрелять при входе Шлейфера в вагон поезда, но и эта попытка не увенчалась успехом. Шлейфер остался жив и благополучно служил в КГЖУ до сентября 1907 г., когда его сменил на этой должности полковник А.С. Виноградов [7, л. 49–49 об.].

Куда более серьёзная подготовка велась по организации покушения на калужского губернатора. Организатором покушения был калужский семинарист Егоров. Террористы планировали пробраться к дому губернатора, располагавшегося в городском саду (ныне ЦПКиО г. Калуги) со стороны Оки и бросить бомбу в окно. Однако, всё пошло не по плану. В начале телеграфист Сергеев бросил бомбу из городского сада в сад дома губернатора, но бомба, оказалась намокшей, поэтому не взорвалась [7, л. 50об.]. У дома губернатора постоянно дежурил часовой из городских, прикрепленный к охране губернаторского дома. График дежурств городского были обязаны выяснить революционеры Ефимов и Конев. Но и этой попытки ничего не вышло, губернатор остался жив [7, л. 48об.].

2 апреля 1906 г. планировалось

покушение на служащих общей полиции 2-й части г. Калуги. Организовать покушение должен был студент Радилев. Покушение было совершено неудачно.

Третьей составляющей работы розыскного пункта была перлюстрация почтовой корреспонденции. В архивных материалах хранятся письма политических арестантов, перлюстрированных в калужской почтово-телеграфной конторе в отделе до востребования. Известно, что сотрудник отделения, некто Лавренов за вскрытие писем ежемесячно получал в калужском розыскном пункте 10 руб. Вероятно, ещё как минимум 5 человек занимались перлюстрацией, поскольку в финансовых отчётах ротмистра Никифорова общая сумма затрат на перлюстрацию составляла 15 руб. Из них 10 руб. – Лавренову и по 1 рублю сотрудникам почты за каждое вскрытое письмо [4, л. 16 об.]. Оттуда в руки руководителя розыскного пункта попадали письма членов революционных организаций. Одним из первых писем, перлюстрированных в почтово-телеграфной конторе, было письмо арестанта Медынской тюрьмы Василия Лисицына, адресованное в Петербург на имя некоего Николая Соловьёва по адресу: Прогонный переулочек д. 1, кв. № 3 [6, л. 1]. Точно неизвестно, когда оно было написано, но подлинник письма скорее всего был передан через полковника Шлейфера в Особый отдел Департамент полиции, а оттуда была передана копия в жандармское управление. Основное содержание письма заключало в себе слова поддержки петербургским товарищам в их борьбе с самодержавием. Арестант Медынской тюрьмы Овсянкин писал из неё некоему товарищу «Коле». Текст письма даёт информацию о количестве арестантов медынской тюрьмы и их партийной принадлежности. Изначально в 1906 г. в данной тюрьме сидело 33 человека, затем их число уменьшилось до 25 человек (эсеров и социал-демократов), поскольку 8 человек административным порядком были высланы в Тобольск, в Архангельск, в Вологодскую губернию. [6, лл. 3-3 об., 4-4 об.]. Следующее письмо было перлюстрировано 22 сентября 1906 г. Его автором был некто Сергей. На конверте указывались только главные буквы «И.Ф.». Ротмистром Никифоровым был установлен пост возле отдела до востребования. 29 сентября за письмом явился надсмотрщик почтово-телеграфной конторы

Иван Фомичёв, за которым и было организовано наблюдение. Наряду с этим ротмистр принял меры к выяснению личности отправителя письма [6, лл. 5-5 об., 6-6 об.]. Ещё два письма были перлюстрированы 23 ноября 1906 г. Они были переданы начальнику КГЖУ прокурором Калужского окружного суда Даниловым. Отправителями были члены боевой организации партии эсеров Головин и Дмитриев. Ещё четыре письма были перехвачены 30 ноября, одним из авторов которого был вышеупомянутый Головин, а также Воронцова, Дмитриева и Рязанкин. Ещё два письма арестанта Дмитриева попали в руки жандармам 4 декабря, а 5 декабря – ещё 4 письма от Головина, Мартынова и Воронцова [6, лл. 7, 8, 9, 10]. Самих писем, за исключением копий писем Лисицына и «Сергея», в деле не сохранилось. Неоднократно охранные отделения различных районов перлюстрировали почтовую корреспонденцию местных революционных ячеек. Если письма были адресованы калужским товарищам, то руководители охранных отделений обращались с запросами к калужским коллегам установить личность этих адресатов.

Заключение (выводы). Итак, для контроля над ситуацией в «спокойных» в политическом отношении губерниях, где ранее не существовало охранных отделений, были образованы розыскные пункты – вспомогательные органы в структуре политического сыска тех регионов, социально-политическая обстановка которых была близка к критической. Образованный в ходе Первой русской революции Калужский розыскной пункт входил в состав Центрального (Московского) районного охранного отделения и возглавлялся специально прикомандированным к жандармскому управлению губернии офицером Отдельного Корпуса жандармов. Его задачей была организация наружного и внутреннего наблюдения за деятелями революционных организаций. Наружное наблюдение осуществлялось штатными агентами жандармского управления и вольнонаёмными агентами. Первоначально штат агентов Калужского розыскного пункта комплектовался вольнонаёмными филёрами в количестве 4 человек, возглавляемых также вольнонаёмным филёром. Сословное происхождение установлено только у двоих. Один (Дадочкин) из крестьян, другой (Лабзов) – мещанин.

Оба не были коренными калужанами и являлись уроженцами других регионов. Сословный статус ещё двух вольнонаёмных агентов (Грибанов и Мазуренко) не известен, но оба они были калужанами. Анализ архивных материалов показывает, что некоторые из этих людей зарекомендовали себя с негативной стороны, так как вели нетрезвый образ жизни и пренебрегали работой. За это и были впоследствии уволены. В числе провинившихся филёров были Грибанов и Мазуренко. Дадочкин впоследствии был разоблачён калужскими революционерами как жандармский агент и чудом избежал расправы. Справедливости ради стоит отметить, что агент Зуев как старший в филёрской группе своевременно информировал ротмистра Никифорова о провале Дадочкина, но Никифоров по не установленной на данный момент причине, не «вывел проваленного агента из игры». Это обстоятельство едва не стоило жизни, как Зуеву, которому ротмистр Никифоров присвоил псевдоним «Лабзов», так и самому жандармскому офицеру. Дело в том, что Дадочкин под угрозой убийства выдал революционерам Зуева, Никифорова и одного из секретных сотрудников ротмистра. Можно говорить о низком результате работы Калужского розыскного пункта по части организации наружного наблюдения в первые пять месяцев существования данного органа. Результат работы внутренней агентуры был иным. За тот же срок ротмистром Никифоровым было завербовано 5 секретных агентов: двое – в партии эсеров, один – в партии социал-демократов, один – в районном комитете мастерских Сызрано–Вяземской железной дороги и ещё один сотрудник в войсках калужского гарнизона. Все они носили определённые клички и псевдонимы. О ценности предоставляемых секретными сотрудниками информации частично можно судить по количеству получаемого ими вознаграждения, которое им выплачивал ротмистр Никифоров, получая финансирование из столичного Департамента полиции. Содержание агентуры обходилось в 300–350 руб. Из них донесения филёров и секретных сотрудников оформлялись жандармским офицером в виде книг и дел внутренней агентуры, при сохранении черновики сообщений секретных агентов.

С 1907 г. качество работы филёров

Калужского розыскного пункта несколько повысилось. К работе были привлечены новые агенты, укомплектованные из основного и дополнительного штата Калужского ГЖУ. Речь идёт об унтер-офицере Кравчуке, Балашове, Сафронове, Серёгине, Горелове. Вольнонаёмные филёры также привлекались к работе в розыскном пункте. Но они не пользовались большим доверием, а потому их редко определяли в наряд по одному. Обязательно им в напарники выделялся либо унтер-офицер, либо вольнонаёмный филёр, работа которого оценивалась как продуктивная. Настоящим приобретением для калужского розыскного пункта стало принятие на работу вольнонаёмного филёра Марии Крыловой. Она происходила из калужских мещанок. За успехи по службе ей неоднократно увеличивалось жалованье. Эта женщина дольше всех работала на жандармерию. Ещё одним доказательством доверия к её работе служит тот факт, что дважды в 1912 г. и 1914 г. она выезжала в командировку в Московское охранное отделение и один раз в Варшавское охранное отделение. Именно за это после революции 1917 г. она и поплатилась собственной жизнью, будучи расстрелянной, как и её коллега Семён Горелов. В 1907 г. приняли на службу ещё 3 чел. в качестве вольнонаёмных филёров. Один из них был из личных граждан, другой – сын коллежского асессора, а третий – выходец из мещан г. Калуги. Однако результаты их работы были тоже далеки от совершенства, так как они вели нетрезвый образ жизни (Ильинский, Поступальский и Дадочкин). Все эти факты убеждают нас в недостаточном умении ротмистра Никифорова разбираться в людях, а также в недостаточной профессиональной компетентности ротмистра. Пример оценки начальством его работы подтверждают эту точку зрения.

У заведующего Калужским розыскным пунктом Никифорова была и своя канцелярия. Одно время канцелярия находилась на Горшечной улице в доме Тищина [10, л. 15]. О внутренней обстановке этого помещения не осталось сведений. Спустя некоторое время ротмистр приобрёл помещение на Пушкинской улице в доме Медзыховской. 9 марта 1907 г. в канцелярии была образована библиотека из изъятых при обыске магазина «Маяк» нелегальной литературы. Никифоров

ходатайствовал перед начальником управления о разрешении лично присутствовать при обыске в магазине и отобрать нужные ему для библиотеки книги, брошюры, воззвания и листовки [5, л. 22–23]. В Калужском розыском пункте занимались перлюстрацией исключительно писем политических арестантов тюрем Калужской губернии. Письма перлюстрировались в почтово-телеграфной конторе Калуги, где надёжному человеку выплачивалось ежемесячное вознаграждение. В архивных документах остались только копии нескольких писем.

В 1909 г. розыскной пункт в Калужской губернии был ликвидирован как ненужный. Данный факт можно объяснить, с одной стороны, достаточно «спокойной» обстановкой в губернии в политическом отношении, а с другой – низкой эффективностью деятельности общей полиции и данного органа, недостаточной компетентностью её служащих и медлительностью их работы. Между тем, на стыке трёх губерний: Орловской, Калужской и Смоленской был совершен ряд резонансных преступлений политического характера. Одно из таких преступлений было совершено 15 ноября 1908 г. в с. Песоченский Запад Жиздринского уезда Калужской губернии, когда была совершена экспроприация

денежных средств Песоченской почтовой конторы. В ходе «экса» был убит почтовый контролёр, смертельно ранен (впоследствии скончался) стражник Василий Плетёнкин и кучер [15, л. 4]. Особо выделялся политической нестабильностью Брянский уезд Орловской губернии, именно здесь широко развернули свою деятельность боевые организации эсеров, в первую очередь – жиздринская боевая организация. Выход из сложившейся ситуации предложил начальник Московского охранного отделения М.Ф. фон Коттен. По его мнению, Калужский розыскной пункт следовало упразднить, а на его месте создать новый на территории трёх губерний: Орловской, Калужской и Смоленской. Этим новым пунктом должен был стать Брянский розыскной пункт с подчинением ему Карачевского уезда Орловской губернии, Жиздринского уезда Калужской губернии, Рославльского уезда Смоленской губернии и Брянского железнодорожного узла. 12 апреля 1909 г. Департамент полиции одобрил идею начальника московской «охранки» и М.Ф. фон Коттен приступил к практической стороне реализации своего проекта. 20 августа 1909 г. Брянский розыскной пункт был создан. Начинаясь новый эпизод в истории политической полиции Российской империи.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (далее – ГАКО). Ф. 784. Оп. 1. Д. 599. Переписка с начальником отделения по охранению общественной безопасности и порядка г. Москвы, Департаментом полиции о наблюдении за лицами, прибывшими в Калугу с целью экспроприации и заподозренными в принадлежности к политическим партиям.
2. ГАКО. Ф. 1332. Прикомандированный к Калужскому губернскому жандармскому управлению ротмистр Н.М. Никифоров. Оп. 1. Д. 12.
3. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 13.
4. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 14.
5. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 15.
6. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 16.
7. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 37.
8. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 44.
9. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 50.
10. ГАКО. Ф. 1332. Оп. 1. Д. 65.
11. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 102. 00. 1902. Д. 825. Положение о районных охранных отделениях.
12. ГАРФ. 102. Оп. 260. Д. 259. Положение о начальниках розыскных отделений.
13. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 16. Положение об охранных отделениях.
14. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 262. Д. 23. Инструкции начальникам по организации наружного наблюдения.
15. ГАРФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3043. Агентурные сведения по Калужской губернии по

партии социалистов-революционеров.

16. Опилкин А.С. Центральное (Московское) охранное отделение в системе политической полиции Российской империи: 1907–1914 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 214 с.

THE ACTIVITY OF THE KALUGA SEARCH POST OF THE CENTRAL (MOSCOW) DISTRICT SECURITY DEPARTMENT IN THE STRUCTURE OF POLITICAL INVESTIGATION BODIES IN 1906 – 1907

The article publishes previously unknown data on the features of the structural organization of the political investigation in the Kaluga province, which was part of the Central District Security Department: a) the practice of hiring as detectives (surveillance agents), their number, class affiliation, the amount of monthly maintenance; b) the practice of internal agents (secret employees). The authors have established their nicknames, the exact number, party affiliation, the amount of salary received in the "okhrana"; c) perustration of postal correspondence. Relying on a wide range of sources and rich archival material, the authors tried to determine the place of the Kaluga search post in the system of political investigation of the Russian Empire. The specifics of official contacts between the ranks of the general police and the gendarme officer who led the search and agency in Kaluga and the counties of the province are considered. The authors state the low result of the work of the surveillance service (detectives) and reveal the reason – the insufficient ability of the head of the search point, Captain N.M. Nikiforov, to understand people and his insufficient professional competence. In 1907 the quality of the work of the detective service has improved somewhat, but under the supervision of an experienced agent. The quality of the work of the internal agents (agents provocateurs) was better organized, which resulted in the prevention of an attempt on the life of Kaluga Governor A.A. Ofrosimov and the head of the Kaluga provincial gendarmerie department.

Keywords: Central (Moscow) security department, Kaluga search point, Kaluga provincial Gendarmerie department, N.M. Nikiforov, detectives, internal agents, perustration

References

1. Gosudarstvennyj Archiv Kaluzhskoj oblasti (GAKO) [State Archive of the Kaluga Region]. F. 784. Op. 1. D. 599. Peregovorki s nachal'nikom otdeleniya po okhraneniyu obshchestvennoy bezopasnosti i poryadka g. Moskvy, Departamentom politsii o nablyudenii za litsami, pribyvshimi v Kalugu s tsel'yu ekspropriatsii i zapodozrennymi v prinadlezhnosti k politicheskim partiyam [Correspondence with the head of the department for the protection of public security and order in Moscow, the Police Department on monitoring persons who arrived in Kaluga for the purpose of expropriation and were suspected of belonging to political parties].
2. GAKO F. 1332. Prikomandirovannyj k Kaluzhskomu gubernskomu zandarmskomu upravleniyu rotmistr Nikiforov [Attached to the Kaluga Provincial Gendarmerie Department, Captain Nikiforov]. Op. 1. D. 12.
3. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 13.
4. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 14.
5. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 15.
6. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 16.
7. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 37.
8. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 44.
9. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 50.
10. GAKO. F. 1332. Op. 1. D. 65.
11. Gosudarstvennyj Archiv Rossijskoj Federatsii (GARF) [State Archive of the Russian Region]. F. 102. 00. 1902. D. 825. Polozhenie o Rayonnykh Okhrannykh otdelenij [Regulations on district security offices].
12. GARF. F. 102. Op. 260. D. 259. Polozheniye o nachal'nikakh rozysknykh otdeleniy [Regulations on the heads of search departments].
13. GARF. F. 102. Op. 262. D. 16. Polozhenie o okhrannykh otdelenij [Regulations on security departments].
14. GARF. F. 102. Op. 262. D. 23. Instruksii nachal'nikam po organizatsii naruzhnogo nabludeniya [Instructions to the heads of security departments on the organization of outdoor surveillance].
15. GARF. F. 280. O. 1. D. 3043. Agenturnyje svedeniya po Kaluzhskoj gubernii po partii sotsialistov-revolutsionerov [Intelligence information on the Kaluga province on the Party of Socialist Revolutionaries].

16. Opilkin A.S. (2012) Tsentral'noje (Moskovskoje) okhrannoje otdel'enie v sisteme politicheskoy politsii Rossijskoj imperii: 1907–1914 gg.: avtoref. dis. kand. ist. nauk [Central (Moscow) security department in the system of the political police of the Russian Empire: 1907–1914: abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences]. М., 214 s..

Об авторах

Власов Александр Евгеньевич – аспирант кафедры истории Калужского государственного института им. К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Штепа Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Калужского государственного института им. К.Э. Циолковского (Россия), E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

Vlasov Aleksandr Evgen'evich – Postgraduate Student of the Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky (Russia), E-mail: alexvlasov90@yandex.ru

Shtepa Alexey Vladimirovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of the Kaluga State Institute named after K.E. Tsiolkovsky (Russia), E-mail: a-v-stepa@yandex.ru

УДК 273.99

Волоскова М.Н., аспирант, Смоленский государственный университет (Россия)

**«ОКРУЖНОЕ ПОСЛАНИЕ» СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ЕПИСКОПОВ,
ИЗДАННОЕ 24 ФЕВРАЛЯ 1862 ГОДА: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ,
АВТОР И СОДЕРЖАНИЕ ДОКУМЕНТА**

В настоящее время история возникновения «Окружного послания» старообрядческих епископов является малоизученной. Научных исследований, посвящённых событиям, связанным с «Окружным посланием» 1862 года, также немного, а имеющиеся посвящены отдельным эпизодам и именам. Недостаточная изученность данной темы приводит к неточностям в исследованиях, посвящённых духовной и общественной мысли конца XIX—начала XX века, приводит к историографическим ошибкам в трактовке тех или иных явлений. В статье рассматриваются предпосылки возникновения и история издания «Окружного послания» старообрядческих епископов. После присоединения к старообрядчеству митрополита Босно-Сараевского Амвросия и восстановления у старообрядцев трёхчинной иерархии, в среде старообрядцев-поповцев началась дискуссия по острым вопросам отношения к государственной власти, Греко-Российской церкви и другим старообрядческим соглашениям. Ответы на некоторые из этих вопросов были опубликованы в 1862 году в документе под названием «Окружное послание». «Окружное послание» было подготовлено известным начетчиком И.Г. Кабановым и после небольшой редакторской правки подписано членами Московского Духовного совета. В среде старообрядцев Белокриницкой иерархии послание вызвало раздор, который в той или иной форме сохранялся в течение почти ста лет и выразился в разделении старообрядцев на окружников и неокружников.

Ключевые слова: история церкви, старообрядчество, вторая половина XIX века, Белокриницкая иерархия, 1862 год, «Окружное послание», «беспоповские тетради», И.Г. Кабанов (Ксенос).

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-37-47

Введение. Старообрядчество — общее, довольно широкое название русского православного духовенства и мирян, отказавшихся принять реформу, предпринятую в XVII веке патриархом Никоном, и стремящихся сохранить церковные установления и традиции древней Русской Православной Церкви [37, с. 18]. Гонения, начавшиеся сразу после церковного раскола XVII века на приверженцев старообрядческой традиции, стали причиной разделения старообрядчества на несколько религиозных течений. Часть старообрядцев, которые получили наименование «поповцы», признали возможным принятие в свои ряды священнослужителей Греко-Российской церкви, желающих совершать богослужения во всём согласно древнерусской традиции. Поэтому в течение почти 180 лет поповцы принимали священников, переходящих от Греко-Российской церкви. Другие старообрядцы, получившие наименование «беспоповцы», отказались принимать священство Греко-Российской церкви. Они предпочли остаться без церковной иерархии и выбирали исполнителей церковных таинств и обрядов из мирян, членов своих сообществ. В дальнейшем и поповцы, и беспоповцы разделились на

несколько направлений, называемых «согласиями» или «толками».

Старообрядцы-поповцы несколько раз предпринимали попытки воссоздать полноценную трёхчинную церковную иерархию. Особенно настойчивыми в решении этого вопроса они стали в первой половине XIX века, когда в Российской Империи был принят ряд законов, запрещающий священникам Греко-Российской церкви переходить в старообрядчество. В 1846 году в с. Белая Криница (в прошлом — территория Австро-Венгрии, затем — Румынии, а в настоящее время — Черновицкая область Украины) была учреждена старообрядческая иерархия, путём присоединения к старообрядчеству митрополита Босно-Сараевского Амвросия (Паппа-Георгополи; 1791–1863 гг.). Эта старообрядческая иерархия получила наименование Белокриницкой. Большая часть старообрядцев-поповцев признала Белокриницкую иерархию. Но остались и те, кто продолжил принимать священников от синодальной Церкви.

После появления трёхчинной старообрядческой иерархии в среде поповцев началась дискуссия по острым вопросам отношения к государственной власти, Греко-

Российской церкви и другим старообрядческим соглашениям. Ответы на некоторые из этих вопросов были опубликованы в 1862 году в «Окружном послании старообрядческих епископов» [19]. Однако многие положения этого документа вызвали резкую критику в среде старообрядцев, приемлющих Белокриницкую иерархию. Немалая часть из них не приняла «Окружное послание». Следствием этого конфликта стало новое разделение в среде поповцев, получившие наименование «неокружнического раздора», а также появление нового религиозного направления — неокружнического согласия.

История возникновения «Окружного послания» нашла отражение в ряде источников и литературы. Важнейшим источником является само «Окружное послание» старообрядческих епископов, изданное 24 февраля 1862 года [19]. «Окружное послание» включает в себя краткое вступление и десять статей. Именно издание «Окружного послания» положило начало конфликту в среде старообрядцев Белокриницкой иерархии.

Значимым документом является переписка Браиловского епископа Онуфрия (Парусова) с И. Г. Кабановым (Ксеносом) [25, л. 41-121; 26, л. 57-59; 27, л. 28-35; 28, л. 2-2 об.; 29, л. 3-6]. Здесь мы находим уникальные факты из биографии автора «Окружного послания» И. Г. Кабанова (Ксеноса) и его деятельности в области апологии старообрядчества.

В развитии историографии «Окружного послания» во второй половине XIX века важное место занимают материалы журнала «Братское слово». Периодическое издание издавалось в России с 1875 года по 1876 год. Секретарём журнала был профессор Московской духовной академии (МДА) Н. И. Субботин. В журнале публиковались материалы миссионерской направленности. По мнению Н. И. Субботина, «Окружное послание» стало хорошим поводом для миссионерской деятельности в среде сторонников Белокриницкой иерархии [6, с. 197-198].

Вопроса возникновения «Окружного послания» касался старообрядческий историк и публицист конца XIX – начала XX века В. М. Карлович. В 1889 году он опубликовал своё сочинение «Критический разбор Окружного послания и все оттенки направления самого автора его» [11]. Это произведение стало

следствием попыток сторонников и противников «Окружного послания» найти общий язык для диалога и сближения. Карлович выступил с позиции неокружников, обвиняя автора «Окружного послания» И. Г. Кабанова (Ксеноса) в желании и активных попытках сблизить старообрядчество с единоверием.

Анисим Васильевич Швецов, будущий старообрядческий епископ Арсений Уральский, в своих трудах полностью разделял идеи «Окружного послания». В своих трудах он отмечал, что причиной раздора, возникшего между старообрядцами Белокриницкой иерархии, стала неготовность старообрядцев принять «Послание» и малочисленность иерархов [1, с. 13-14]. Также Анисим Васильевич в своих работах указывал на то, что в «Окружном послании» указано немало заблуждений Греко-Российской церкви, которые как раз и стали преткновением для неокружников [2, с. 166].

Дореволюционная историография характеризовалась значительной исследовательской активностью при сравнительно невысокой степени теоретического обобщения материала.

Вопросом «неокружнического раздора» Белокриницкой иерархии интересовался историк и богослов Д. И. Скворцов. Он писал о попытках окружников и неокружников достигнуть церковного мира, отмечая, что препятствием к миру была борьба за управление московскими церковными делами митрополита Кирилла (Тимофеева) Белокриницкого и архиепископа Антония (Шутова) Московского [33, с. 23].

С 1907 года издавался старообрядческий журнал «Церковь». С 1915 по 1918 год этот журнал назывался «Слово Церкви». Авторы и корреспонденты периодического издания были окружниками, а статьи имели полемический или критический характер, в некоторых публикациях откровенно высмеивались неокружнические епископы [8, с. 496].

В 1912 году священник синодальной Церкви А. П. Кандарицкий в своих трудах отмечал факт бытования в Белокриницкой иерархии беспоповских взглядов, а также говорил о значимости «Окружного послания», издание которого, по его мнению, приблизило старообрядцев к Греко-Российской церкви [10, с. 7].

Многие церковно-общественные деятели, публицисты второй половины XIX – начала XX века в своих работах с симпатией относились как к автору «Окружного послания» И. Г. Кабанову (Ксеносу), так и к самому документу. Но многие из них отмечали, что для недавно созданной Белокриницкой иерархии не было необходимости публиковать документ, вызвавший столь серьёзную богословскую дискуссию. Представители Греко-Российской церкви — наоборот, положительно оценивали появление «Окружного послания», так как считали, что этот документ может поспособствовать присоединению старообрядцев Белокриницкой иерархии к господствующей Церкви.

В советский период об «Окружном послании» упоминали только лишь в контексте общей истории старообрядчества. Так, в известной работе историка церкви Н. М. Никольского «История русской церкви» «Окружному посланию» и «неокружническому раздору» Белокриницкой иерархии посвящена глава «Борьба за новую поповщинскую идеологию», в которой автор исследовал социально-политическую подоплеку этого раздора [18]. В труде Ф. Е. Мельникова «История древлеправославной (старообрядческой) Церкви» упоминается «Окружное послание» в контексте богословских общественных сторон «неокружнического раздора» [12, с. 352-359].

Из современных крупных исследователей, которые затрагивали тему «Окружного послания» можно назвать В. В. Боченкова [3; 4], С. С. Михайлова [13; 14; 15; 16], Р. И. Перекрестова [32] и С. В. Таранца [35]. Труды В. В. Боченкова посвящены старообрядческим приходам, в том числе неокружническим, Калужского региона. С. С. Михайлова в своих публикациях рассказывает об истории неокружнических общин и храмов. Р. И. Перекрестов — автор двухтомника «Ксенос», посвященного биографии и церковной деятельности автора «Окружного послания» И. Г. Кабанова (Ксеноса). Работы С. В. Таранца посвящены истории становления и развития неокружнического движения на территории Украины.

Последним и на данный момент единственным изданием, в котором опубликованы материалы, посвященные предпосылкам и истории возникновения «Окружного послания»,

стал сборник материалов круглого стола «Неокружническое движение в истории старообрядческой Белокриницкой иерархии: к 160-летию издания “Окружного послания”» [17]. В статье «Актуальные вопросы истории неокружнического движения в Белокриницкой иерархии» историк церкви Г. С. Чистяков обозначает ряд причин и целей издания «Окружного послания», среди которых борьба с беспоповскими богословскими взглядами; легализация белокриницкого старообрядчества в глазах государства, поскольку сторонники «Окружного послания» желали с помощью этого документа добиться послаблений, признания прав, а возможно, и признания старообрядческой иерархии; попытка сблизиться с синодальной Церковью и единоверием [36, с. 5-6].

Таким образом, в анализируемых трудах дается широкое представление о предмете исследования, что позволяет выявить новые факты, связанные с возникновением «Окружного послания». Историографический обзор литературы по проблеме исследования показывает, что большинство публикаций, сделанных за последние 150 лет, имеет публицистический и даже полемический характер. Несмотря на это, они вводят в научный оборот множество фактов, а также разнообразные оценочные мнения религиозного и исторического характера. Вместе с тем, указанные выше авторы опубликовали немало исторических источников по данной научной проблеме. К сожалению, среди имеющихся публикаций нет ни одной, непосредственно и исключительно посвященной истории издания «Окружного послания».

Объект и методы исследования. Объектом исследования являются общественные, мировоззренческие и религиозные представления поповского и беспоповского старообрядчества, повлиявшие на появление церковного документа «Окружное послание» старообрядческих епископов, изданное 24 февраля 1862 года.

В представленном исследовании проведён анализ общественных явлений, с учетом конкретных хронологических рамок и конкретной исторической обстановки; использован принцип социального подхода, обеспечивающий необходимость учитывать интересы, традиции и психологию исследуемых социальных страт и групп; воссоздана

историческая действительность с опорой на доказанные факты и объективные закономерности исторических процессов.

Результаты и их обсуждение. В условиях почти двухвекового отсутствия у старообрядцев поповского согласия трёхчинной иерархии, при разделении на направления и острой нехватке священников в старообрядческих общинах, постоянно сохранялись условия, при которых взгляды, не всегда согласующиеся с церковным учением, не встречая должного сопротивления со стороны священников и грамотных мирян, свободно распространялись и закреплялись в сознании старообрядцев. Искажённым и до конца неясным для большинства старообрядцев являлся вопрос о месте антихриста в современном мире. И представители поповского согласия ещё в начале XVIII века полагали, что пришествие антихриста будет физическим, а не духовным, то на уровне рядовых старообрядцев поповского согласия бытовали взгляды о духовном воцарении антихриста, который возглавляет реформированную патриархом Никоном Церковь.

Политика искоренения старообрядчества при Николае I, направленная в первую очередь против старообрядческого священства, привела к быстрому оскудению священства и возникновению ожиданий новых репрессий. Конец царствования Николая I был отмечен разгромом Выго–Лексинского общезжительства, упразднением старообрядческих скитов, преследованиями старообрядцев [9, с. 28]. Вследствие этого в старообрядческой среде с новой силой ожили эсхатологические ожидания [34, с. 41-43]. Нарастанию эсхатологических настроений способствовали и апологеты лужковского согласия. Они распространяли и переписывали так называемые «беспоповские тетради», в которых искажённо излагались ветхозаветные нормы. В этих сочинениях говорилось о том, что миром уже правит антихрист, а также о наступлении «последнего времени» и о скором пришествии Христа. «Беспоповские тетради» были известны ещё с XVIII века. Исследователь старообрядчества Р. И. Перекрестов пишет, что старообрядческий историк Яков Беляев, в 1783 году, побывав в Новороссийской губернии, познакомился с «беспоповскими

тетрадами», которые бытовали в среде беспоповцев г. Елизаветграда [32, т. 1, с. 388].

Жёсткая политика Николая I по преодолению церковного раскола привела к серьёзным изменениям в религиозном сознании старообрядцев. Даже среди противников лужковского мировоззрения нашлись те, кто стали разделять беспоповские взгляды. Старообрядец белокриницкого согласия из посада Лужки Кашин пророчествовал, что в 1860 году должен был наступить конец света; в Саратовской губернии о приближающемся конце света проповедовал инок Антоний; старообрядческий священник Григорий Акимов Козин из посада Добрянки Черниговской губернии до своего рукоположения одевался в смертные одежды, ожидая Второе пришествие Христа. В среде членов белокриницкого согласия продолжали распространяться представления об уже царствующем духовном антихристе. Поскольку, согласно Священному Писанию, ветхозаветные пророки Илия и Енох должны явиться на землю перед воцарением антихриста, чтобы обличить его, то некоторые из старообрядцев считали пророками Ильёй и Енохом протопопа Аввакума, священников Лазаря, Никиту и иноков Соловецкого монастыря [32, т. 1, с. 315]. Другие уподобляли этим пророкам само Священное Писание, которое было попорано, с их точки зрения, реформой патриарха Никона [32, т. 1, с. 315]. Кроме того, среди представителей белокриницкого согласия распространялось мнение, что Греко-Российская церковь верует в другого Бога [10, с. 7]. Составители «беспоповских тетрадей» предпочли не называть своих имен. Но, изложенное в них совпадало с лужковским учением, которое особенно активно распространяли епископ Конон (Смирнов), священник Григорий Козин и их единомышленники из Стародубья.

В 1850-е годы в Москве, в храмах Рогожского кладбища, священники Белокриницкой иерархии на проскомидии не приносили пятую просфору за царя несмотря на то, что по настоянию инок Павла Белокриницкого сразу после принятия митрополита Амвросия было предписано вернуть это в церковную практику [32, т. 1, с. 447].

По инициативе известного богослова И.Г. Кабанова (Ксеноса) «беспоповские тетради» в 1862 году были привезены

депутатами от старообрядцев Черниговской губернии в Москву для прочтения членами Духовного совета Рогожского кладбища и последующего опровержения. В 1903 году М. И. Бриллиантов опубликовал «беспоповские тетради» в сборнике «Шувойская беседа и материалы для истории раздора именуемых неокружников» [32, т. 1, с. 392].

В первой «беспоповской тетради» имя «Иисус» называется именем антихриста, а четвероконечный крест — «кумиром», «идолом», «образом антихриста», «латинским крыжом». Во второй указано, что после раскола Русской Церкви при патриархе Никоне все церковные таинства «покорились антихристу». Текст третьей «тетради» не сохранился. В четвертой «тетради» говорится о том, что священнический и иноческий чины упразднены. В пятой «тетради» «О десяти рогах и перстах зверя» под рогами зверя, предполагаются русские цари. В шестой «тетради» «О Бражниках и пьяницах, из книги Беседы Евангельския, гл. 24, сл. 19» рассказывается притча о бражнике, который пьянствовал на земле, и после смерти, стоя у врат рая, порицал пророка Давыда, царя Соломона и апостолов Петра и Иоанна Богослова, и таким образом вошел в рай. В седьмой «тетради» указано, что будто бы хмельные напитки человека научил варить бес. Восьмая «тетрадь» представляет сочинение, в котором утверждается, что картофель — нечестивый овощ, который произошел от останков умершего языческого жреца. В десятой «тетради» говорится, что «со времени церковных реформ царствует духовный, который подчинил себе всех земных царей и народ». В последней, десятой «тетради» названа дата конца мира и второго пришествия Христа — 1666 год [5, с. 165-233].

Анонимные авторы «беспоповских тетрадей» ссылались не только на богословские тексты, но и на легенды, народные верования и притчи. «Беспоповские тетради» регламентировали жизнь определенной части старообрядцев, устанавливая культурно-бытовые запреты: запрет на употребление вина, картофеля и кофе, азартные игры и прочее.

В начале 1862 года И. Г. Кабанов (Ксенос) предложил составить «Окружное послание» в опровержение «беспоповских тетрадей». 11 февраля 1862 года епископ Онуфрий (Парусов),

управлявший в тот период российскими старообрядцами, обратился к И. Г. Кабанову (Ксеносу) с письмом, в котором предложил написать такой документ, указав почти все основные его пункты. Составлением «Окружного послания» в течение недели занимался И. Г. Кабанов (Ксенос), а после написания продемонстрировал его некоторым старообрядческим епископам [13, с. 136]. 24 февраля «Окружное послание» было издано от имени всей «единой, святой соборной, апостольской древлеправославно-кафолической Церкви». «Окружное послание» подписали следующие иерархи и священнослужители: архиепископ Владимирский Антоний (Шутов), наместник митрополита Кирилла в России епископ Онуфрий, епископ Казанский Пафнутий (Шикин) и Варлаам (Рымарев) епископ Балтский, священноинок Ефросин, священноинок Илия, священноиерей Петр, священноиерей Феодор, иеродиакон Пахомий, иеродиакон Ипполит, священнодиакон Митрофан, инок Алимпий [21, л. 161 об.].

15 апреля 1863 года состоялся заграничный Освященный собор (без участия митрополита Кирилла), который направил российским епископам «Уведомление» о признании правильным «Окружного послания». «Уведомление» подписали: епископ Аркадий Васлуйский, епископ Аркадий Славский, епископ Иустин Тульчинский, архидиакон Филарет, священноинок Иоасаф и другие священнослужители [32, т. 1, с. 551, 552].

«Окружное послание» начинается с обращения ко всем «Возлюбленным чадам, единыя, святые, соборныя, апостольския древлеправославно-кафолическия церкви, всем и повсюду пребывающим, хранящим и соблюдающим священные догматы правыя веры и предания святых Апостол и святых и богоносных отец, пастырей и учителей вселенских» [19, с. 3]. В самом «Послании» кратко сказано, что причиной издания документа стали «беспоповские тетради», в которых рассматриваются учения, противоречащие православию, авторы тетрадей названы «лжепророками» [21, л. 143].

«Беспоповские тетради» в тексте «Окружного послания» именуется «ложными и баснословными сочинениями», в которых проповедуется: «пресечение Христопреданного священства; прекращение новоблагодатного закона, царствование последнего

антихриста, который будто бы восседает на престолах алтарей Греко-Российской церкви, которая верует и поклоняется якобы иному Богу — антихристу» [21, л. 143].

В «Окружном послании» перечисляются «беспоповские тетради», и каждая критически оценивается. В первой статье автор «Окружного послания», ссылаясь на Евангелие, напоминает, что Церковь, священство и Евхаристия будут до судного дня. Старообрядцы от начала гонений и до воссоздания трёхчинной иерархии имели священников. Во второй статье говорится, что Греко-Российская церковь, несмотря на различия в обрядах, не погрешает в основных догматах веры. Поэтому до митрополита Амвросия старообрядцы признавали хиротонию священников господствующего вероисповедания и принимали их в настоящем сане. Третья статья «Окружного послания» посвящена написанию имени Бога. Здесь автор говорит о том, что имя Иисус не является именем иного Бога и хулить его нельзя, а также указывает на то, что в изданных при патриархе Иосифе Захарием Копыстенским в Киеве и переизданных в Москве «Малом Катехизисе» и «Беседах Апостольских» встречается написание имени Христова — Иисус. В четвёртой статье говорится об отношении к Кресту Христову. Старообрядческая Церковь равнозначно почитает как восьмиконечный, так и четвероконечный крест, приводя в качестве примера крестное знамение, миропомазание, а также его изображение на ризах, стихарях, поручах и т.д. В пятой статье содержится призыв к старообрядцам белокриницкого согласия не хулить и уважительно относиться к Евхаристии, которая совершается в Греко-Российской церкви. Шестая статья «Окружного послания» посвящена молитве за царя. Автор ссылается на слова апостола Павла, который призывал молиться за властей, и «Известительную грамоту» митрополита Кирилла от 17 октября 1861 года, в которой говорится о том, что необходимо вынимать пятую просфору за царя. В шестой статье старообрядцы призывались к единомыслию: необходимо уклоняться от ложных учений и сочинений, противоречащих духу Церкви. В восьмой статье в ответ на учение о том, что пророки Илия и Енох уже убиты антихристом, либо их приход на землю и обличение антихриста уже состоялось, но

это нужно понимать «духовно», говорится о том, что перед концом света пророки Илия и Енох будут посланы Богом для обличения антихриста, они сотворят чудеса и знамения, а потом будут убиты антихристом. Девятая статья отвергала беспоповский тезис «о свершившемся воцарении антихриста, пришествие которого надо воспринимать не чувственно, а духовно, иносказательно». Согласно Иоанну Богослову, последний антихрист явится только чувственно, то есть буквально, а не духовно. В десятой статье ссылкой на евангелистов «Окружное послание» отвергает лжепророчества об уже наступившем последнем времени и призывает отказаться от опасных рассуждений о том, что антихрист уже пришел и царствует в господствующей Церкви. В конце «Окружного послания» объявлено, что будет составлен «Устав, или краткое изложение догматов и преданий древлеправославно-кафолического исповедания единых святых, соборных и апостольских церкви, который и преподаан будет в руководство и окормление всем православным, священным же и мирским...» [32, т. 1, с. 482].

«Окружное послание», целью которого было приведение к единообразной системе идеологии белокриницкого согласия, стало одной из причин его раскола на окружников и неокружников. Среди резких противников послания были добрянский священник Григорий Козин, Кашин из посада Лужки Черниговской губернии, инок Антоний из Саратовской губернии и часть гуслицких старообрядцев и попечителей Рогожского кладбища. Существенный протест консервативно настроенных представителей белокриницкого согласия вызвали утверждения «Окружного послания» о том, что Греко-Российская церковь, равно и Греческая, верует не в иного Бога, но в единого со старообрядцами, что под именем Иисус исповедуется тот же Иисус, и поэтому тот, кто называет Иисуса иным Богом, антихристом и т. п. является богохульником. Весь спор окружников с неокружниками вёлся главным образом вокруг этого пункта. По словам окружников, если допустить, что Греко-Российская церковь верует в иного Бога, то её представителей нужно считать еретиками первого чина, которых следует перекрещивать, и заимствовать священство от них ни в коем случае нельзя. Неокружники же

пытались доказать, что и среди еретиков второго чина были такие, кто допускали погрешности в рассуждениях о Божестве (например, ариане), однако принимать от них священство, по их мнению, не разрешается.

Автор «Окружного послания» Илларион Георгиевич Кабанов (Ксенос) родился в октябре 1819 года в д. Глотова Мосальского уезда Калужской губернии. Родители Иллариона: отец, Георгий Фёдорович, и мать, Стефанида Фёдоровна дали сыну домашнее начальное образование [32, т. 1, с. 272]. В 15 лет, по благословию родителей, Илларион покинул родной дом и отправился в Лаврентиев монастырь, который располагался в Могилевской губернии, неподалёку от Гомеля. В монастыре наставником Иллариона являлся игумен Аркадий, будущий епископ Славский. Именно здесь Илларион приобрел ту начитанность, которой он славился всю свою жизнь. После разорения Лаврентиева монастыря в 1884 году, Илларион посетил многие монастыри, некоторое время жил в Покровском монастыре (около пос. Климовцы Черниговской губернии), затем в Красноборском монастыре во имя святого пророка Иоанна Предтечи у посада Клинцы Черниговской губернии [31, с. 54]. Игумен Аркадий с несколькими лаврентьевскими иноками перебрался за границу, где основал Славский скит [6, с. 196]. Илларион выполнял все иноческие правила, но в монахи пострижен не был. И. Г. Кабанов (Ксенос) отличался эрудицией, обладал необыкновенной памятью. Работал во многих библиотеках Москвы, Петербурга, Киева и других городов.

Учреждение Белокрыницкой иерархии в 1846 году произвело на Иллариона неоднозначное впечатление, он был недоволен тем, что митрополита Амвросия приняли вторым чином, то есть через миропомазание. Он считал, что чиноприём нужно было совершаться третьим чином, а именно через отречение от ереси [7, с. 197].

В старообрядчестве Илларион Кабанов известен больше под псевдонимом «Ксенос», что в переводе с греческого — «странник». Умер Илларион Георгиевич Кабанов (Ксенос) 4 декабря 1882 года в Красноборском Иоанно-Предтечевом монастыре и был погребен на монастырском некрополе [32, т. 2, с. 274].

После смерти И. Г. Кабанова (Ксеноса) осталась обширная библиотека, которая

была разобрана старообрядческим епископом Балтским и Новозыбковским Сильвестром. Часть этих книг поступила в Предтеченский старообрядческий монастырь, находящийся около Клинцов. Кроме библиотеки И. Г. Кабанов оставил и много рукописей своих неизданных сочинений [30, с. 46], а также писем со старообрядческими богословами и епископами [23, л. 89]. Иллариону Георгиевичу Кабанову (Ксеносу) принадлежат многие сочинения, среди которых: «О пророках Илии и Енохе» [22, л. 1-46 об.], «Омышление православных христиан, жительствующих в разных посадах и слободах, Черниговской и Могилевской губерниях, о грамоте, названной: “Объявление об уничтожении Окружного Послания”» [20], «Кратчайшее начертание истории Ветковския церкви» [24, л. 2 об.-47] и другие.

Историк церкви Н. И. Субботин писал, что в лице Ксеноса старообрядчество лишилось одного из самых замечательных людей по уму, познаниям и талантам. В истории старообрядчества за последнюю четверть столетия ему, как автору «Окружного послания», принадлежит самое видное место. Издание «Послания» оставило глубокий, неизгладимый след в старообрядчестве, произвело раскол в Белокрыницкой иерархии, который существовал продолжительное время [6, с. 195]. Сам Субботин несколько раз от имени Синода просил Иллариона Георгиевича оставить Белокрыницкую иерархию и присоединиться единоверию.

Заключение. Белокрыницкая иерархия объединила вокруг себя старообрядцев разных поповских направлений. Внутри иерархии рядом оказались старообрядцы, считающие, что господствующая Церковь сохраняет некоторые стороны православного учения, и готовые к компромиссу с государственными властями, так и старообрядцы, считающие недопустимым молиться за царя и власти и т.д. На этом фоне «Окружное послание» пыталось фиксировать основные церковные догматы и святоотеческие учения и, вместе с тем, выступать против беспоповских учений, которые хотя и не имели широкого распространения в среде приверженцев Белокрыницкой иерархии, но представляли значительное общественное значение в старообрядчестве в целом.

Список литературы

1. Арсений (Швецов), епископ Уральский и Оренбургский. Собрание сочинений: Вып. 1: Сочинения апологетические: (1872-1900 гг.) // Архив и Библиотека редких книг и рукописей («Рогожское книгохранилище») Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ; подгот. текстов к изд., науч. ред., вводн. статья В. В. Боченкова; сост., примеч. В. В. Боченкова; указатели, общ. ред. В. В. Волкова. М.; Ржев: Маргарит, 2008. 376 с.
2. Арсений (Швецов), епископ Уральский и Оренбургский. Собрание сочинений: в 3 Т. Том 3: Полемиические сочинения 1871-1888: Цикл работ об Окружном послании: 1877-1899 гг. // Архив и Библиотека редких книг и рукописей Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ; подгот. текстов к изд., науч., сост., прим. В. В. Боченкова. М.; Ржев: Маргарит, 2013. 496 с.
3. Боченков В. В. Старообрядчество калужского края. Ржев: Парадигма, 2014. 512 с.
4. Боченков В. В. Старообрядчество Советской эпохи. Епископы Русской Православной Старообрядческой Церкви, советский период (1918-1991 гг.): Библиографический словарь / В. В. Боченков. М.: Вече, 2019. 320 с.
5. Бриллиантов М. И. Шувойская беседа и материалы для истории раздора именуемых неокружников. М., 1903. 398 с.
6. Воспоминания об авторе Окружного Послания и переписка с ним // Братское слово. М., 1884. № 1. С. 195-220.
7. Воспоминания об авторе Окружного Послания и переписка с ним // Братское слово. М., 1884. № 8. С. 410-418.
8. Гусяков Д. Ф. Корень раздора // Церковь. М., 1910. № 19. С. 493-497.
9. Ершова О. П. Роль министерства внутренних дел в формировании государственной политики в отношении старообрядчества в 60-е годы XIX века // Старообрядчество: история, культура, современность. М., №5, 1996. С. 26-30.
10. Кандарицкий А. П. Раскол в австрийской «церкви»: (окружники и противокружники). Уфа, 1912. 19 с.
11. Карлович В. М. Критический разбор Окружного Послания и все оттенки направления самого автора его. Черновцы: тип. Г. Чоппа, 1889. 99 с.
12. Мельников Ф. Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) Церкви. Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки строительства храма Покрова...», 2006. 572 с.
13. Михайлов С. С. Из истории старообрядцев-неокружников на территории Московской области в 1940-1950-х годах // Церковно-исторический вестник. М., 2003. № 10. С. 136-147.
14. Михайлов С. С. Старообрядческие иноческие поселения в Западной Мещёре в XVIII-XX вв. М., 2014. 144 с.
15. Михайлов С. С. Старообрядческая моленная в деревне Федино Бронницкого уезда и ее наследие. М., 2018. 104 с.
16. Михайлов С. С. «Чёрная моленная»: судьба старообрядческого храма в Орехово-Зуеве // Старообрядец. Нижний Новгород. 2018. № 71. С. 8, 34.
17. Неокружническое движение в истории старообрядческой Белокриницкой иерархии: к 160-летию издания «Окружного послания»: материалы международного круглого стола. М., 2022. 107 с.
18. Никольский Н. М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1985. 240 с.
19. Окружное послание старообрядческих епископов, изданное 24 февраля 1862 г.: напечатано с подлинника. М.: Типография Рябушинского, 1911. 31 с.
20. Омышление православных христиан, жительствующих в разных посадах и слободах, Черниговской и Могилевской губерниях, о грамоте, названной: «Объявление об уничтожении Окружного Послания» // Братское слово: в 2 т. Т.1. М., 1886. С. 795-825; Т. 2. С. 64-79, 143-156.
21. ОР РГБ. Ф. 247. Оп. 1. Д. 25.
22. ОР РГБ. Ф. 247. Оп. 1. Д. 397.
23. ОР РГБ. Ф. 247. Оп. 1. Д. 402.
24. ОР РГБ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 21.
25. ОР РГБ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 26.

26. ОР РГБ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 142.
27. ОР РГБ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 151.
28. ОР РГБ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 186.
29. ОР РГБ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 242.
30. Перекрестов Р. И. Историческое значение творческого наследия Ксеноса для судеб старообрядчества // *Старообрядчество: история, культура, современность*. Т. 2. М., 2007. С. 38-48.
31. Перекрестов Р. И. Иларион Георгиевич Кабанов (Ксенос) // *Старообрядчество: история, культура, современность*. Выпуск 14. М., 2012. С. 54-58.
32. Перекрестов Р. И. Ксенос: В 2 т. Клинцы: Клинцовская гор. тип., 2013. Т. 1. 606 с., Т. 2. 559 с.
33. Скворцов Д. И. Новая попытка окружников и противокружников к соединению между собою. Чернигов: Тип. Губ. правл., 1900. 43 с.
34. Субботин Н. И. История белокриницкой иерархии. Т. 1. М.: тип. Т. Рис, 1874. 22 с.
35. Таранец С. В. Балтская епархия Древлеправославной Церкви Христовой (не приемлющей Окружного послания) в первой половине XX века // *Липоване: история и культура русских старообрядцев*. Выпуск 6. Одесса, 2009. С. 124-129.
36. Чистяков Г. С. Актуальные вопросы истории неокружнического движения в Белокриницкой иерархии // *Неокружническое движение в истории старообрядческой Белокриницкой иерархии: к 160-летию издания «Окружного послания»: материалы международного круглого стола*. М., 2022. С. 4-6.
37. Шахов М. О. Старообрядческое мировоззрение: религиозно-философские основы и отношение к обществу: автореферат дис. ... доктора философских наук. М., 2000. 377 с.

«THE DISTRICT EPISTLE» OF THE OLD BELIEVER BISHOPS, PUBLISHED ON FEBRUARY 24, 1862: BACKGROUND, AUTHOR AND CONTENT OF THE DOCUMENT

Currently, the history of the emergence of the «District Message» of the Old Believer bishops is little studied. There are also few scientific studies on the events related to the «District Message» of 1862, and the available ones are devoted to individual episodes and names. Insufficient knowledge of this topic leads to inaccuracies in research on spiritual and social thought of the late XIX—early XX century, leads to historiographical errors in the interpretation of certain phenomena. The article examines the prerequisites for the emergence and history of the publication of the "District Message" of the Old Believer bishops. After Metropolitan Ambrose of Bosno-Sarajevo joined the Old Believers and the restoration of the three-rank hierarchy among the Old Believers, a discussion began among the Old Believers-priests on acute issues of attitude to state power, the Greek-Russian Church and other Old Believers. The answers to some of these questions were published in 1862 in a document called The District Message. The «District Message» was prepared by the famous scribe I.G. Kabanov and after a small editorial revision signed by members of the Moscow Spiritual Council. Among the Old Believers of the Belokrinitsky hierarchy, the message caused discord, which in one form or another persisted for almost a hundred years and was expressed in the division of Old Believers into circle and non-circle.

Keywords: history of the church, Old Believers, the second half of the XIX century, the Belokrinitsky hierarchy, 1862, «District Message», «Bespopov notebooks», I.G. Kabanov (Xenos).

References

1. Arseny (Shvetsov), Bishop of Ural and Orenburg. (2008). *Sobranie sochinenij: Vyp. 1: Sochinenija apologeticheskie: (1872-1900 gg.)*. Collected works: Vol. 1: Apologetic writings: (1872-1900)] // *Arhiv i Biblioteka redkih knig i rukopisej («Rogozhskoe knigohranilishhe») Mitropolii Moskovskoj i vseja Rusi RPSC; podgot. tekstov k izd., nauch. red., vvodn. stat'ja V. V. Bochenkova; sost., primech. V. V. Bochenkova; ukazateli, obshh. red. V. V. Volkova. M.; Rzhhev: Margarit, 2008. 376 s.*
2. Arseny (Shvetsov), Bishop of Ural and Orenburg. (2013). *Sobranie sochinenij: v 3 T. Tom 3: Polemicheskie sochinenija 1871-1888: Cikl rabot ob Okruzhnom poslanii: 1877-1899 gg.* [Collected works: in 3 Volumes Volume 3: Polemical writings 1871-1888: A cycle of works on the District Message: 1877-1899] // *Arhiv i Biblioteka redkih knig i rukopisej Mitropolii Moskovskoj i vseja Rusi RPSC; podgot. tekstov k izd., nauch., sost., prim. V. V. Bochenkova. M.; Rzhhev: Margarit, 2013. 496 s.*
3. Bochenkov V.V. (2014). *Staroobryadchestvo kaluzhskogo kraja*. [Old Believers of the Kaluga region]. Rzhhev, 2014. 512 s.

4. Bochenkov V.V. (2019). Staroobryadchestvo Sovetskoj jepohi. Episkopy Russkoj Pravoslavnoj Staroobryadcheskoj Cerkvi, sovetskij period (1918-1991 gg.): Bibliograficheskij slovar'. [Old Believers of the Soviet era. Bishops of the Russian Orthodox Old Believer Church, the Soviet period (1918-1991): Bibliographic dictionary]. M., 2019. 320 s.
5. Brillianty M.I. (1903). Shuvojskaja beseda i materialy dlja istorii razdora imenuemyh neokruzhnikov. [Shuvoy conversation and materials for the history of discord called neokruzhnikov]. M., 1903. 398 s.
6. Vospominanija ob avtore Okruzhnogo Poslanija i perepiska s nim. [Memoirs about the author of the District Message and correspondence with him] // Bratskoe slovo. M., 1884. № 1. S. 195-220.
7. Vospominanija ob avtore Okruzhnogo Poslanija i perepiska s nim. [Memoirs about the author of the District Message and correspondence with him] // Bratskoe slovo. M., 1884. № 8. S. 410-418.
8. Guslyakov D.F. (1910). Koren' razdora. [The root of discord] // Church. Cerkov'. M., 1910. № 19. S. 493-497.
9. Ershova O.P. (1996). Rol' ministerstva vnutrennih del v formirovanii gosudarstvennoj politiki v otnoshenii staroobryadchestva v 60-e gody XIX veka. [The role of the Ministry of Internal Affairs in the formation of state policy in relation to the Old Believers in the 60s of the XIX century] // Staroobryadchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost'. M., 1996. № 5. S. 26-30.
10. Kandaritsky A.P. (1912). Raskol v avstrijskoj «cerkvi»: (okruzhniki i protivookruzhniki). Ufa, 1912. 19 s. [Schism in the Austrian «church»: (circle and counter-circle)]. Ufa, 1912. 19 s.
11. Karlovich V.M. (1889). Kriticheskij razbor Okruzhnogo Poslanija i vse ottenki napravlenija samogo avtora ego. [Critical analysis of the District Message and all shades of the direction of its author himself]. Chernivtsi: type. G. Choppa, 1889. 99 s.
12. Melnikov Fedor E. (2006) Kratkaja istorija drevlepravoslavnoj (staroobryadcheskoj) Cerkvi. [A brief history of the Old Orthodox (Old Believer) Church]. Barnaul: AKOOH-I «Foundation for the support of the construction of the Church of the Intercession ...», 2006. 572 s.
13. Mikhailov S.S. (2003). «Iz istorii staroobryadcev-neokruzhnikov na territorii Moskovskoj oblasti v 1940-1950-h godah» [«From the history of the Old Believers-neokruzhniki on the territory of the Moscow region in the 1940s-1950s. »] // Cerkovno-istoricheskij vestnik, M., № 10. S. 136-147.
14. Mikhailov S.S. (2014). Staroobryadcheskie inocheskie poselenija v Zapadnoj Meshhjore v XVIII-XX vv. [Old Believer monastic settlements in Western Meschera in the XVIII-XX centuries]. M., 2014. 144 s.
15. Mikhailov S.S. (2018) Staroobryadcheskaja molennaja v derevne Fedino Bronnickogo uezda i ee nasledie. [The Old Believers prayer in the village of Fedino of Bronnitsky district and its legacy]. M., 2018. 104 s.
16. Mikhailov S.S. (2018). «"Chjornaja molennaja": sud'ba staroobryadcheskogo hrama v Orehovo-Zueve» [«"Black Prayer": the fate of the Old Believers' church in Orekhovo-Zuev»] // Staroobryadcy. Nizhnij Novgorod, 2018. № 71. S. 8, 34.
17. Neokruzhnicheskoe dvizhenie v istorii staroobryadcheskoj Belokrinickoj ierarhii: k 160-letiju izdanija «Okruzhnogo poslanija»: materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola. [Neocircular Movement in the History of the Old Believer Belokrinitsky Hierarchy: on the 160th anniversary of the publication of the «District Message»: Materials of the international round table. M., 2022. 107 s.
18. Nikolsky N.M. (1985) Istorija russkoj cerkvi. [History of the Russian Church]. M., 1985. 240 s.
19. Okruzhnoe poslanie staroobryadcheskih episkopov, izdannoe 24 fevralja 1862 g.: napechatano s podlinnika. [The district Epistle of the Old Believer Bishops, published on February 24, 1862: printed from the original]. M.: Ryabushinsky Printing House, 1911. 31 s.
20. Omyshlenie pravoslavnyh hristian, zhitel'stvujushhijh v raznyh posadah i slobodah, Chernigovskoj i Mogilevskoj gubernijah, o gramote, nazvannoj: «Objavlenie ob unichtozhenii Okruzhnogo Poslanija». [The Omyshlenie of Orthodox Christians living in different villages and settlements, Chernihiv and Mogilev provinces, about the letter called: «Announcement of the destruction of the District Message»] // Bratskoe slovo: in 2 vols. Vol. 1. M., 1886. S. 795-825. Vol. 2. S. 64-79, 143-156.
21. OR RGB. F. 247. Op. 1. D. 25.
22. OR RGB. F. 247. Op. 1. D. 397.

23. OR RGB. F. 247. Op. 1. D. 402.
24. OR RGB. F. 579. Op. 1. D. 21.
25. OR RGB. F. 579. Op. 1. D. 26.
26. OR RGB. F. 579. Op. 1. D. 142.
27. OR RGB. F. 579. Op. 1. D. 151.
28. OR RGB. F. 579. Op. 1. D. 186.
29. OR RGB. F. 579. Op. 1. d. 242.

30. Perekrestov R. I. (2007). Istoricheskoe znachenie tvorcheskogo nasledija Ksenosa dlja sudeb staroobryadchestva. [The historical significance of the creative heritage of Xenos for the fate of the Old Believers] // Staroobryadchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost'. Vyp. 2. M., 2007. S. 38-48.

31. Perekrestov R.I. (2012). Ilarion Georgievich Kabanov (Ksenos). [Ilarion Georgievich Kabanov (Xenos)] // Staroobryadchestvo: istorija, kul'tura, sovremennost'. Vypusk 14. M., 2012. S. 54-58.

32. Perekrestov R.I. (2013) Ksenos: V 2 t. [Xenos: In 2 vols]. Klintsy: Klintsovskaya mountain. Type, 2013. Vol. 1. 606 s, Vol. 2. 559 s.

33. Skvortsov D. I. (1900). Novaja popytka okruzhnikov i protivookruzhnikov k soedineniju mezhdu soboj. [A new attempt of the circumference and counter-circle to connect with each other]. Chernihiv: Tip. Gubernia pravl., 1900. 43 s.

34. Subbotin N.I. (1874). Istorija belokrinickoj ierarhii. [The history of the Belokrinitsky hierarchy]. Vol. 1. M.: type. T. Ris, 1874. 22 s.

35. Taranets S.V. (2009) «Baltskaja eparhija Drevlepravoslavnoj Cerkvi Hristovoj (ne priemljushhej Okruzhnogo poslanija) v pervoj polovine XX veka» [«The Baltic Diocese of the Ancient Orthodox Church of Christ (which does not accept the District Message) in the first half of the XX century»] // Lipovane: istorija i kul'tura russkih staroobryadcev. Vypusk 6. Odessa. S. 124-129.

36. Chistyakov Gleb S. (2022) «Aktual'nye voprosy istorii neokruzhnicheskogo dvizhenija v Belokrinickoj ierarhii» [«Topical issues of the history of the neocircular movement in the Belokrinitsa hierarchy»]. Neokruzhnicheskoe dvizhenie v istorii staroobryadcheskoj Belokrinickoj ierarhii: k 160-letiju izdanija «Okruzhnogo poslanija»: materialy mezhdunarodnogo kruglogo stola. M., 2022. S. 4-6.

37. Shakhov M.O. (2000). Staroobryadcheskoe mirovozzrenie: religiozno-filosofskie osnovy i otnoshenie k obshhestvu. [Old Believers' worldview: religious and philosophical foundations and attitude to society]: avtoreferat dis. ... doktora filosofskih nauk. M., 2000. 377 s.

Об авторе

Волоскова Марина Николаевна – аспирант 3 года обучения кафедры истории России, Смоленский государственный университет (Россия), E-mail: Lotaringiyaa@yandex.ru

Voloskova Marina Nikolaevna – 3-year post-graduate student of the Department of Russian History, Smolensk State University (Russia), E-mail: Lotaringiyaa@yandex.ru

УДК 355.233.233.1:378

Климко М.К., соискатель, ГУО «Республиканский институт высшей школы» г. Минск (Беларусь)

ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В УЧРЕЖДЕНИЯХ ВИЛЕНСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА В 1870-Е – 1917 ГГ. В СВЕТЕ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

В статье на материалах архивных документов рассматривается организация и проведение в Виленском учебном округе мероприятий, которые были направлены на воспитание будущих защитников и патриотов Отечества. Автором исследованы и проанализированы документы фондов Национального исторического архива Беларуси. Отмечается, что основной массив информации по данному вопросу находится в фонде 2507 Витебской дирекции народных училищ, который содержит циркуляры Министерства народного просвещения, попечителя Виленского учебного округа, отчеты, рапорты, докладные записки руководителей и работников подведомственных учебных заведений, отчеты инспекторских проверок. В меньшей степени вопрос истории военно-патриотического воспитания в учреждениях образования Виленского учебного округа представлен в архивных делах охватывающих 1846–1920 гг. фонда 466 Минской мужской гимназии. Проведенный анализ архивных документов позволил выделить такие основные формы воспитательной работы, как беседы перед богослужением или после него, лекции, литературно-музыкальные вечера, экскурсии, привлечение учащиеся к открытию памятников и участие в подписках на их сооружение, трудовой деятельности учащихся и т.д. В программу преподавания в учреждениях ВУО вводились предметы, направленные на духовно-нравственное и физическое воспитание учащихся.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, воспитание, Виленский учебный округ, источники, архивные фонды.
DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-48-55

Введение. Современная система военно-патриотической подготовки молодежи Республики Беларусь создана на преемственности традиций Российской империи и советской школы. Традиции военно-патриотического воспитания довузовского звена системы военной школы Республики Беларусь заложены в кадетских корпусах (кадетское движение в России начинается с 1731 г., первый кадетский корпус в Беларуси основан в 1745 г. в Несвиже). Истоки военно-патриотического воспитания учащихся в учебных заведениях системы образования Беларуси связаны с гражданско-патриотическим воспитанием учащихся Виленского учебного округа (ВУО). В белорусской историографии деятельность учебных заведений ВУО анализируется в диссертационных исследованиях, монографиях, статьях. Влияние буржуазных реформ на систему образования Беларуси освещалось в диссертационных исследованиях Е.Л. Евдокимовой [3], Н.Е. Новик [10], Т.Г. Шатюк [14], монографии С.В. Снапковской [12]. Особенности образовательной политики и развитие учреждений образования ВУО отражены в работах В.П. Мазуркевич [8], Е.Н. Бусел [1], С.А. Моторова и Н.С. Моторовой [9], Е.И. Шараева [13], С.И. Бусько [2], С.Н. Даниленко

[3], О.И. Ершовой [4], В.М. Остроги [11], А.Н. Куксы [7]. Но тема гражданско-патриотической работы в учреждениях образования ВУО не стала отдельным предметом исследования. Сборники архивных документов по данной теме не издавались.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования является деятельность учебных заведений ВУО, направленная на воспитание гражданственности и патриотизма у учащихся. Источниками данного исследования стали архивные документы фондов Национального исторического архива Беларуси. Хронологические рамки очерчены реформами 60-70-ых гг. XIX в., оказавшими качественное влияние на развитие всех подсистем общества, и октябрьской революцией 1917 г. – коренным образом изменившей ход развития общества. В основе данного исследования лежат принципы историзма и объективности, а также историко-генетический и историко-типологический методы.

Результаты и их обсуждение. Включение в конце XVIII в. в состав Российской империи белорусских земель повлияло на политическую, социально-экономическую, культурную жизнь населения. Важнейшие события, происходящие в России, изменяли ее,

одновременно проявляя национальные особенности. Так, осмысление поражения России в Крымской войне 1853-1856 гг. привело к буржуазным реформам 1860-1870-х годов, которые на белорусских землях проводились с некоторыми ограничениями и только военная, школьная и цензурная реформы соответствовали общероссийским стандартам. Отмена крепостного права активизировала формирование буржуазии на белорусских землях. Ее основу составили торговцы, финансисты, помещики, занявшиеся промышленным производством, но аграрная буржуазия формировалась медленно [6]. После восстания 1863 г. в Беларуси царизмом проводилась превентивная политика в области образования. Согласно правилам 1864 г., начальные школы были отданы под контроль православного духовенства. Самодержавие, православие, народность – основная идея, на которой в дальнейшем держалось народное образование на белорусских землях.

В целом, благодаря буржуазным реформам 1860-1870-х годов, менялась социально-экономическая, политическая сущность Российского государства. Однако события войны с Японией 1904-1905 гг. показали, что принятая всеобщая военная повинность, увеличение числа грамотного населения и развитие промышленности не гарантируют армии побед. Анализ событий русско-японской войны выявил, что первостепенное значение имело воспитание у молодых людей патриотического духа, гражданственности. Для Российского государства важнейшей задачей стала организация гражданско-патриотического воспитания, в которой ведущую роль занимала система просвещения.

Вопросы формирования патриотизма и гражданственности у учащихся Виленского учебного округа (ВУО) раскрывает фонд 2507 «Витебская дирекция народных училищ Министерства народного просвещения» Национального исторического архива Беларуси (НИАБ). В данном фонде содержатся дела за 1820–1919 гг. включающие циркуляры попечителя ВУО, отчеты, докладные записки руководителей и работников подведомственных учебных заведений, учебные программы, результаты инспекторских проверок. В части архивных дел содержится информация об организации и проведении

воспитательной работы в подведомственных учреждениях, анализ которых позволил выделить основные формы гражданско-патриотического воспитания учащихся. Дополняют данные, дела фонда 466 «Минская мужская гимназия Виленского учебного округа» НИАБ. Здесь хранятся циркуляры попечителя ВУО, переписка с работниками гимназии, протоколы заседаний педагогического совета училища за 1846–1920 гг.

В учреждениях образования ВУО большое внимание уделялось вопросам укрепления православной веры и воспитания патриотизма, что сопровождалось тесным взаимодействием с церковью. Основные принципы данного взаимодействия прописывались в Уставе гимназий и прогимназий 1864 г., которым в учебный курс вводилось изучение Закона Божьего. Но только учебным процессом это взаимодействие не ограничивалось – проводилась большая внеурочная работа. Так, для празднования в мае 1872 г. 200-летия рождения Петра I, учащиеся учебных заведений ВУО были освобождены от занятий и вместе с учителями присутствовали в этот день на богослужении. Руководству учебных заведений циркулярно предписывалось своевременно «озаботиться объяснить» учащимся значение этого торжества [19, л. 1]. В октябре 1897 г., по случаю 300-летия годовщины существования Виленского Свято-Духового храма, в учебных заведениях совершались молебны, перед которыми учащимся было объяснено историческое значение для местного края и православной церкви данного храма [21, л. 2, 10]. В 1903 г. учащиеся Невельского народного училища присутствовали на панихиде павшим героям русско-японской войны 1877–1878 гг., а затем в училище было «выяснено значение» этой войны и указаны выдающиеся подвиги русских воинов [27, л. 2].

Совместные мероприятия и богослужения учащихся, учителей и местных жителей способствовали формированию атмосферы гражданственности, преданности Царю и Отечеству. В рапорте учителя-инспектора Велижского городского училища инспектору народных училищ ВУО в ноябре 1905 г., докладывалось об участии учащихся в богослужении о здоровье Императора Николая Александровича по поводу Манифеста 17

октября. Перед молебном, учащимся был зачитан Манифест и разъяснено значение «Высочайше дарованной свободы». Отмечалось, что через несколько дней, крестьяне Маклаковской волости и жители г. Вележа устроили «патриотическую манифестацию», в которой принимали участие все учителя и учащиеся училища. Ученикам было роздано примерно 60 небольших флагов национальных цветов. С портретом Государя Императора учащиеся с манифестантами направились к собору, где на площади был отслужен совместный молебен [28, л.16].

Важным событием было участие учащихся ВУО в мае 1910 г. в торжественной встрече и проводах, в том числе в крестных ходах, мощей святой Евфросинии Полоцкой из Киево-Печерской Успенской Лавры в Полоцкий Спасо-Ефросиньевский монастырь. В эти дни учащиеся были освобождены от занятий. В виду значения данного торжества в «смысле поднятия веры в укрепления идей православия в нашем краю» были устроены чтения, с целью ознакомления учащихся с жизнью и подвигом святой Ефросиньи и розданы брошюры с ее жизнеописанием [32, л. 1, 3, 7, 15, 38-43].

Таким образом, во взаимодействии учреждений образования и церкви сложились такие формы воспитательной работы, как беседы о роли деятельности личностей, событий и их историческом значении, проводимые перед богослужением или после него; участие в «патриотических манифестациях»; в торжественной встрече и проводах святых мощей. В учебной программе важное место занимал такой предмет как Закон Божий.

Особую эмоциональную обстановку, менявшую привычный уклад учащихся ВУО, успешно способствуя нравственному воспитанию, укреплению гражданственности, патриотизма, православной веры, взаимоотношений с учителями и общественностью, выполняли литературно-вокальные (литературно-музыкальные) вечера, которые часто были приурочены к важным событиям, и оформлялась как торжественные мероприятия. Так, например, в апреле 1895 г. в Лепельском начальном еврейском училище был организован литературно-музыкальный вечер по случаю дня тезоименитства Императрицы Александры Федоровны [20, л. 5, 14]; в мае 1895 г. – в Двинском городском училище

в День рождения Императора Николая Александровича; в ноябре 1899 г. – в Себежском уездном училище День рождения и тезоименитства Великого князя Михаила Александровича [24, л. 16-17]; 6 декабря 1899 г. – в Двинском городском училище в день тезоименитства Государя Императора. При этом в отчете сообщалось о том, что классная комната была изящно декорирована и на видном месте «величественно возвышался портрет Государя Императора» [25, л. 4-6].

Участие в литературно-вокальных вечерах принимали не только сотрудники учреждений ВУО и учащиеся, но и родители, представители общественности. В день празднования 4-ой «годовщины коронации Их Императорских Величеств», в мае 1899 г., состоялась литературно-вокальный вечер в народном училище г. Суража, на котором присутствовали представители местных обществ, ученики и ученицы старших классов. Для вечера в классной комнате училища были размещены «изящно декорированные зеленью и цветами» портрет Николая II. В программу вечера были включены «патриотические стихи Пушкина, Лермонтова, "Монолог Осипа" Гоголя, басня "Гуси" Крылова» [24, л. 10-11]. В отчете 2-го Витебского приходского училища указывалось, что для проведения литературно-вокального вечера классные комнаты были торжественно убраны, «царские портреты украшены». На вечере присутствовали инспектора народных училищ, родители и родственники учащихся, а также «сторонняя интеллигентная публика», учителя и ученики других учебных заведений Витебска [25, л. 15]. Литературно-вокальное утро в Режицком городском училище 07.05.1900 г., организованное после панихиды по А. В. Суворову, произвело на присутствующих сильное впечатление. Прочтенное с воодушевлением учеником стихотворение, в котором были изображены военные подвиги А. В. Суворова, вызвало со стороны учащихся «порывы патриотического восторга, сказавшиеся в дружном и громком "ура" при исполнении народного гимна, повторенного по требованию присутствующих два раза». В конце торжества учащимся были розданы брошюры об А. В. Суворове [26, л. 1-7, 9-10].

Особенно празднично и торжественно был организован и проведен в феврале 1908 г. литературный вечер в Двинском четырехклассном городском училище. К началу

вечера у подъезда училища развивались государственные флаги, а помещение было празднично украшено зеленью, флагами, чертежами и рисунками учащихся, транспарантом «с вензелями Их Императорских Величеств» и надписями «Боже, Царя храни». На литературном вечере присутствовали местный инспектор народных училищ, директора средних учебных заведений, начальники и преподаватели других учебных заведений, почетные члены города, епархиальное и воинское духовенство, представители других ведомств, родители и родственники учащихся [29, л. 6]. Также праздничный вид для проведения литературного вечера приняло училищное помещение Двинского четырехклассного городского училища: были размещены портреты Императора, Императрицы, транспаранты с их инициалами [31, л. 7-11].

Одной из форм воспитания любви к родине, уважения к ее культурному наследию было привлечение учащихся городских, уездных учебных заведений ВУО к открытию памятников и участие в подписках на их сооружение. Данные мероприятия сопровождалось объяснением учащимся исторической роли событий, роли личностей, что выполняло просветительскую функцию. Так, например, русский историк Н.М. Карамзин называл императора Александра I «спасителем Европы». Победу над Наполеоном сравнил с подвигом Дмитрия Донского, остановившего «ужасы Батыева нашествия», которые густой тучей «бедствий висели над Европою». Общество настолько вдохновилось подвигами русского народа, что в 1825 г. генерал-губернатор Рязанской, Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской предложил установить памятник на Куликовом поле Дмитрию Донскому в знак победы над татарами. В обращении к начальнику Виленского учебного округа, с просьбой оказать содействие в сборе средств, он писал, что эта битва стала «важной Эпохой в Истории государства российского, от которой началось возрождение славы любезного отечества нашего... дабы тем ознаменовать уважение к бессмертным подвигам предков наших и возбудить в сердцах благодатных потомков патриотическое рвение подражать великим деяниям Российских героев» [14, л. 131]. В дальнейшем учащиеся учебных заведений ВУО приняли участие в подписках на сооружение памятников: русскому

мореплавателю, адмиралу И.Ф. Крузенштерну (1870 г.) [17, л. 3-6], Богдану Хмельницкому в Киеве (1870 г.) – к циркуляру № 4972 от 05.09.1870 г. прилагалась записка «Б. Хмельницкий в Русской истории» [17, л. 8, 13], памятника А.С. Пушкину (1880 г.) [18, л. 1, 3-9, 16], Петру I (1909 г.) [30, л. 1-6].

В октябре-ноябре 1897 г. учащимся городских, уездных учебных заведений была разъяснены исторические заслуги гр. Муравьева как генерал-губернатора Северо-Западного края в 1863–1864 гг. и выражена, «посредством отправления телеграмм» на имя командующего войсками Виленского военного округа генерал-адъютанта В.Н. Троицкого, поддержка закладки памятника. В частности, в рапорте штатного смотрителя Люцинского уездного училища приводится следующий текст телеграммы: «Люцинское уездное училище горячо приветствует закладку памятника славному поборнику православия и носителю народного духа, правды и патриотизма Графу Муравьеву. Молим Бога, чтобы положенные им добрые начала росли и развивались в духе единения и слияния всех братских народностей на славу и счастье нашей дорогой матушке – России» [21, л. 2, 8-10]. В ноябре 1898 г. в учебных заведениях ВУО состоялось празднование памяти и открытия памятника М.Н. Муравьеву: панихиды, чтения о его деятельности с пением патриотических песен и чтением патриотических стихов. Учащиеся в этот день были освобождены от занятий [22, л. 3, 28, 37; 23, л. 1-85].

В день тезоименитства Государя Императора, 06.12.1912 г., в г. Витебске планировалось торжественное открытие и освящение памятника в память героев войны павших 13–15 июля 1812 г. в «достолавных» боях под г. Витебском. Планировалось, что в этом торжестве примут участие учителя и учащиеся подведомственных Дирекции народных училищ Витебской губернии, будут организованы чтения, разъясняющие данное событие [36, л. 256].

Большую роль в гражданско-патриотическом воспитании в учреждениях образования ВУО играли устраиваемые для учащихся экскурсии и прогулки военного характера. Попечитель ВУО уделял значительное внимание организации и проведению экскурсий для учащихся, что должно было позволить

осуществить «непосредственное знакомство с историческими памятниками родной столицы, с ее славным прошлым укрепит любовь к дорогой родине, поднимет национальную гордость и веру в могущество и славу дорогого отечества, что очень важно для подрастающего поколения нашей окраины» [35, л. 3-4]. В начале XX в. в ВУО были организованы: военная прогулка учеников Пинского реального училища [33, л. 236], экскурсия учащихся Двинского Александровского училища [35, 1], экскурсии в разные города и пункты, «прославленные геройскими подвигами русских войск в войну» 1812 г. [34, л. 13].

Первая мировая война выявила высокий уровень патриотизма учащихся учебных заведений ВУО. Прифронтовое расположение учебного округа дало возможность учащимся сразу же включиться и оказывать непосредственную помощь армии: изготовление оборудования для госпиталей,ковка военных лошадей и ремонт повозок [37, л. 575]. Также учащиеся участвовали в сборе средств для поддержки воинов и их семей, закупали подарки для отправки на фронт, изготавливали противогазные очки, респираторы и др. [38, л. 56]. Важно отметить, что впервые на территории Российской империи 10.04.1915 г. из учащихся старших классов Минской мужской гимназии были организованы две трудовых дружины для помощи в деревнях семьям призванных на военную службу. Первое время трудовые дружины помогали хозяйствам «запасных и ратников ополчения, особо нуждающихся в рабочей силе при исполнении главных полевых работ». Вознаграждения за труд учащиеся не получали. После ознакомления с организацией данных дружин, распоряжением Министра народного просвещения такие трудовые дружины организовывались по всей России [40, л. 41-42, 46; 39, л. 86]. Интерес представляет тот факт, что узнав об усердии, с

которым трудовые дружины учащихся Минской губернии работали на полях «своих старших братьев – доблестных защитников родины» помогая их семьям, Николай II выразил «Свою Монаршую благодарность». Об этом циркулярно было сообщено не только попечителю и руководителям учебных заведений ВУО, но были подготовлены и распространены объявления «о благодарности Императора» для ознакомления населения [40, л. 52].

Заключение (выводы). Таким образом, работа по гражданско-патриотическому воспитанию в учебных заведениях ВУО изначально была обусловлена необходимостью воспитания граждан Отечества, верных подданных императора и укреплению православной веры. События русско-японской войны выявили значение и важность гражданско-патриотического воспитания молодежи в противостоянии с иностранными государствами. Исследование документов фондов Национального исторического архива Беларуси, значительная часть которых ранее не публиковалась, позволило сделать вывод о том, что в учебных заведениях ВУО работа по воспитанию учащихся в духе патриотизма к Родине проводилась системно. Исследование материалов архивных дел дало возможность выделить следующие основные формы гражданско-патриотического воспитания учащихся ВУО: беседы; литературно-музыкальные вечера; мероприятия связанные с открытием памятников; проведение экскурсии; создание трудовых дружин; мероприятия приурочивались в основном к юбилейным датам Российского государства, его правителей и выдающихся побед. В учреждениях ВУО была создана атмосфера, которая способствовала воспитанию гражданственности и патриотизма, что наиболее проявилось в годы Первой мировой войны.

Список литературы

1. Бусел Е. Н. Развитие системы образования Витебской губернии второй половины XIX – начала XX века: монография. Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2015. 72 с.
2. Бусько С. И. Система подготовки учителей гимназии в Виленском учебном округе накануне Первой мировой войны // Исторические и педагогические науки: сб. науч. статей ГУО РИВШ. Минск: РИВШ, 2019. С. 207 – 214.
3. Даниленок С. Н. История создания Виленского учебного округа: к 210-летию его организации // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: Педагогіка. Псіхалогія, 2014. № 2. С.28 – 35.

4. Евдокимова Е. Л. Гимназическое образование в Беларуси (XIX –нач. XX вв.): автореф. дис.... канд. пед. наук : 13.00.01. Минск., 1995. 18 с.
5. Ершова О. И. Реформы народного образования на Беларуси в XIX в. // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и Восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории: сб. науч. статей. – Вып. 2. Минск: РИВШ, 2019. С. 137 – 142.
6. Карпиевич В. А. Формирование буржуазии в белорусских губерниях в пореформенный период (вторая половина XIX в.) // Вестник БГУ. Брянск, 2020. № 1. С. 52-57.
7. Кукса А. Н. Техническое образование и Народные университеты (1908-1919 гг.) // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадзянскіх і гуманітарных навук, 2022. № 2 (221).С. 21–27.
8. Мазуркевич В. П. Народное образование на территории Белоруссии в XVI-XX вв. (до октября 1917 г.). Исторический очерк. Минск: БНТУ, 2004. 130 с.
9. Моторов С. А. Развитие системы среднего и профессионального образования на территории Витебской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Моторов С. А., Моторова Н. С. // Учебные записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова». Сер. Общественные и гуманитарные науки. История, 2006. Т. 5. С.3 – 21.
10. Новик Н. Е. Профессиональное образование в Беларуси во второй половине XIX – начале XX в.: автореф. дис.... канд. ист. наук: 07.00.02. Минск, 1998. 17 с.
11. Острога В. М. Общественно-политическое движение учительства Беларуси во второй половине XIX– начале XX вв.: историография проблемы // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. Минск: РИВШ, 2021. С.140-149.
12. Снапковская С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв.: монография. М.: УРАО ИТИП, 2011. 308 с.
13. Шараев Е. И. Политика правительства в области среднего образования в Виленском учебном округе в 60-х гг. XIX в. // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 3. Гісторыя, Сацыялогія. Эканоміка. Права, 2008.№ 1. С. 9 – 10.
14. Шатюк Т. Г. Развитие народного образования Беларуси на микрорегиональном уровне во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис...канд. пед. наук. 13.00.01. Минск, 2000. 17 с.
15. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф.2507. Оп. 1. Д.5
16. НИАБ. Ф. 2507. Оп.1 Д. 839.
17. НИАБ. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 1117.
18. НИАБ. Ф. 2507. Оп. 1. Д. 1161.
19. НИАБ. Ф. 2507. Оп.1..Д. 1194.
20. НИАБ. Ф. 2507.Оп.1 Д. 2032.
21. НИАБ. Ф.2507. Оп. 1 Д. 2128.
22. НИАБ. Ф. 2507. Оп.1. Д. 2217.
23. НИАБ. Ф. 2507.Оп.1. Д. 2220.
24. НИАБ. Ф. 2507.Оп.1 Д. 2246.
25. НИАБ. Ф. 2507. Оп.1. Д.2399.
26. НИАБ. Ф. 2507. Оп.1. Д.2422.
27. НИАБ. Ф. 2507. Оп.1. Д. 2785.
28. НИАБ. Ф.2507. Оп.1. Д.3044.
29. НИАБ. Ф. 2507. Оп.1. Д. 3541.
30. НИАБ. Ф. 2507. Оп.1. Д. 3678.
31. НИАБ. Ф.2507. Оп.1. Д. 3706.
32. НИАБ. Ф. 2507.Оп. 1. Д. 3902.
33. НИАБ. Ф.2507. Оп.1. Д.3922.
34. НИАБ. Ф. 2507. Оп. 1. Д.4027.
35. НИАБ. Ф.2507. Оп. 1. Д. 4085.
36. НИАБ. Ф.2507. Оп.1. Д. 4274.
37. НИАБ. Ф.2507. Оп. 1. Д. 4795.

38. НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 235.
39. НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 313.
40. НИАБ. Ф. 466. Оп. 1. Д. 369.

CIVIC-PATRIOTIC EDUCATION IN THE INSTITUTIONS OF THE VILENSKY EDUCATIONAL DISTRICT DURING THE PERIOD OF THE 1870-S – 1917 ACCORDING TO ARCHIVAL DOCUMENTS

The article on the materials of archival documents considers the organization and conduct of events in the Vilensky educational district, which were aimed at educating future defenders and patriots of the Fatherland. The author examined and analyzed the documents of the funds of the National Historical Archive of Belarus. The article notes that the main body of information on this issue is in the 2507 fund of the Vitebsk Directorate of Public Schools, which contains circulars of the Ministry of Education, the trustee of the Vilensky educational district, reports, reports, memos of heads and employees of subordinate educational institutions, reports of inspection inspections. To a lesser extent, the issue of the history of military-patriotic education in educational institutions of the Vilensky educational district is presented in archival affairs covering 1846–1920. Fund 466 Minsk male gymnasium. The analysis of archival documents made it possible for the author to highlight such basic forms of educational work as conversations before or after worship, lectures, literary and musical evenings, excursions, involvement of students in the opening of monuments and participation in subscriptions for their construction, employment of students, etc. Subjects aimed at the spiritual, moral and physical education of students were introduced into the teaching program in VED institutions.

Keywords: citizenship, patriotism, parenting, Vilensky Educational District, sources, archival funds.

References

1. Busel E. N. (2015) Razvitie sistemy obrazovaniya Vitebskoj gubernii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: monografija [Development of the education system of Vitebsk province in the second half of the XIX - early XX century: monograph]. Vitebsk: VGU imeni P. M. Masherova.
2. Bus'ko S. I. (2019) Sistemapodgotovki uchitelej gimnaziiv Vilenskomuchebnomokrugenanakunne Pervoj mirovoj vojny [Gymnasium teacher training system in the Vilna Educational District on the eve of the First World War] *Istoricheskie i pedagogicheskie nauki: sb. nauch. statej GUORIVSh. [Historical and Pedagogical Sciences: Collection of Scientific Articles of GUO RIVSH]*. S. 207 – 214.
3. Danilenok S. N. (2014) Istorija sozdaniya Vilenskogo uchebnogo okruga: k 210-letiju ego organizacii [History of the Vilna Educational District: to the 210th anniversary of its organization]. *Vesnik Magilejskaga dzjarzhaj'naga y'nivesitjeta. Seryja S. Psiholaga-pedagogichnyja navuki: Pedagogika. Psihologija [Bulletin of the Magilew State University. Series C. Pedagogical and pedagogical sciences: Pedagogy. Psychology]*. N. 2. S. 28 – 35.
4. Evdokimova E. L. (1995) Gimnazicheskoe obrazovanie v Belarusi (XIX – nach. XX vv.): avtoref. dis.... kand. ped. nauk. Minsk., 18 s.
5. Ershova O. I. (2019) Reformy narodnogo obrazovaniya na Belarusi v XIX v. [Reforms of public education in Belarus in the XIX century]. «*Dolgij XIX vek» v istorii Belarusi i Vostochnoj Evropy: issledovanija po novoj i novejshej istorii: sb. nauch. statej. RIVSh [Long XIX century" in the history of Belarus and Eastern Europe: studies on new and modern history: collection of scientific articles. RIVSH]*. N. 2. S. 137 – 142.
6. Karpievich V. A. (2020) Formirovanie burzhuzii v belorusskih gubernijah v poreformennyj period (vtoraja polovina XIX v.) [Formation of the bourgeoisie in the Belarusian provinces in the post-reform period (second half of the XIX century)]. *Vestnik BGU. N. 1. S. 52-57.*
7. Kuksa A. N. (2022) Tehnicheskoe obrazovanie i Narodnye universitety (1908-1919 gg.) [Technical Education and the People's Universities (1908-1919)]. *Vesnik Paleskagadzjarzhaj'naga y'nivesitjeta. Seryja gramadzjanskij i gumanitarnykh navuk. N. 2 (221). S. 21–27.*
8. Mazurkevich V.P. (2004) Narodnoe obrazovanie na territorii Belorussii v XVI-XX vv. (do oktjabrja 1917 g.). Istoricheskij ocherk [Public Education in the territory of Belarus in the XVI-XX centuries (before October 1917). Historical sketch]. Minsk: BNTU.
9. Motorov S.A. (2006) Razvitie sistemy srednego i professional'nogo obrazovaniya na territorii Vitebskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Development of secondary and vocational education in Vitebsk province in the second half of XIX - early XX centuries]. *Uchebnye zapiski UO «VGU imeni P. M. Masherova». Ser. Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. Istorija. N.*

5. S. 3 – 21.

10. Novik N. E. (1998.) Professional'noe obrazovanie v Belarusi vo vtoroj polovine XIX–nachale XX v.: avtoref. dis.... kand. ist. nauk. Minsk. 17 s.

11. Ostroga V. M. (2021.) Obshhestvenno-politicheskoe dvizhenie uchitel'stva Belarusi vo vtoroj polovine XIX– nachale XX vv.: istoriografija problemy [Social and political movement of Belarussian teachers in the second half of the XIX - early XX centuries: historiography of the problem.]. *Istoricheskie i psihologo-pedagogicheskie nauki: sb. nauch. Statej.* S. 140-149.

12. Snapkovskaja S. V. (2011) Razvitie obrazovanija i pedagogicheskoy mysli Belarusi: vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.: monografija [Development of Education and Pedagogical Thought in Belarus: the Second Half of the XIX - the Beginning of the XX Centuries: a Monograph]. M.: URAO ITIP.

13. Sharaev E. I. (2008) Politika pravitel'stva v oblasti srednego obrazovanija v Vilenskom uchebnom okruge v 60-h gg. XIX v. [The government policy in the field of secondary education in the Vilna educational district in the 60s of the XIX century.]. *Vesnik Belaruskaga dzjarzhaj'naga ūnivesitjeta. Seryja 3. Gistoryja, Sacyjalogija. Jekanomika. Prava.* N. 1. S. 9 – 10.

14. Shatjuk T. G. (2000) Razvitie narodnogo obrazovanija Belarusi na mikroregional'nom urovne vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis... kand. ped. nauk. Minsk. 17 s.

15. Nacional'nyj istoricheskij arhiv Belarusi (NIAB). F. 2507. Op. 1. D.5

16. NIAB. F. 2507. Op. 1 D. 839.

17. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 1117.

18. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 1161.

19. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 1194.

20. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 2032.

21. NIAB. F.2507. Op. 1. D. 2128.

22. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 2217.

23. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 2220.

24. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 2246.

25. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 2399.

26. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 2422.

27. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 2785.

28. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 3044.

29. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 3541.

30. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 3678.

31. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 3706.

32. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 3902.

33. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 3922.

34. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 4027.

35. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 4085.

36. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 4274.

37. NIAB. F. 2507. Op. 1. D. 4795.

38. NIAB. F. 466. Op. 1. D. 235.

39. NIAB. F. 466. Op. 1. D. 313.

40. NIAB. F. 466. Op. 1. D. 369.

Об авторе

Климко Марина Константиновна – соискатель кафедры историко-культурного наследия Беларуси, ГУО «Республиканский институт высшей школы» г. Минск (Беларусь), E-mail: kmk-minsk@mail.ru

Klimko Marina Konstantinovna – candidate of the Department of Historical and Cultural Heritage of Belarus at the State Educational Institution "Republican Institute of Higher Education" in Minsk (Belarus); E-mail: kmkminsk@mail.ru

УДК 004.9+94(47).048

Лохов А.Ю., кандидат исторических наук, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского (Россия)

Еремин Е.И., доктор технических наук, профессор, Амурский государственный университет (Россия)

Нацвин А.В., аспирант, Амурский государственный университет (Россия)

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ АЛБАЗИНСКОГО ОСТРОГА ПЕРИОДА ВТОРОЙ ОСАДЫ. III

В предыдущих работах авторов были представлены 3D-модели артиллерийских бастионов, порохового погреба и землянок. Однако для наиболее полноценной трехмерной визуализации Албазинской крепости требовалось разработать трехмерные модели её недостающих элементов – проездной башни и угловых блокгаузов, а также оружейной избы и гранатного погреба. Дополнительно к этому установлено, что для полноценного размещения гарнизона, учитывая, что большее число его защитников постоянно находились непосредственно на боевых позициях, то общее количество реально необходимых жилищ требовалось минимум вдвое меньше от численности 826 человек. Отмечая то, что на обобщенном топографическом плане городища, синтезированном с картой Маака, можно выделить 13, так или иначе, подтверждаемых жилых полуземлянок, следовательно, для достижения их желаемого количества, составляющего 21 землянку, необходимо выбрать наиболее рациональное местоположение еще восьми аналогичных построек. Авторами в работе предпринят комплексный подход при воспроизведении вышеуказанных моделей сооружений Албазинской крепости, опираясь на данные об общем устройстве аналогичных сооружений рассматриваемого периода. А комплексная интеграция всех промежуточных результатов описываемого исследования, а также их последовательно модифицированных вариантов позволяет сформировать достаточно обоснованную трехмерную компьютерную реконструкцию Албазинской крепости 1686 года, представленную в настоящей статье.

Ключевые слова: Албазинский острог, осада, раскоп, сооружение, землянка, гарнизон, топографический план, бастион, проездная башня, блокгауз.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-56-65

Введение. В предыдущих частях настоящей работы был проведен комплексный анализ исходных архивных и археологических данных, предварительные результаты которого позволили сгенерировать оригинальную структурную модель рассматриваемого архитектурного комплекса [1, 2]. При этом выявилось весьма заметное отличие предлагаемого решения от его традиционных аналогов [3, 4], сущность которого заключается в авторской реконструкции артиллерийских бастионов расположенных в центрах северной, западной и южной стен Албазинской крепости. Кроме того, стало очевидным объективная необходимость существования гораздо большего числа жилых полуземлянок, необходимых для размещения русского гарнизона.

В свою очередь, на текущий момент стали доступными результаты археологических раскопок Албазинского городища,

проведенных в рамках полевого сезона 2021 года [5], которые несколько расширили базовый объем используемых исходных данных. Таким образом, заключительная часть исследования была направлена на обобщение всей совокупности предварительных решений, интегрируемых с существующими источниками, описывающими общую численность защитников Албазина при его второй осаде маньчжурами, начавшейся 7 июля 1686 года.

Дополнительные археологические данные

В сезоне 2021 года коллективом Албазинской археологической экспедиции было принято решение разбить новый раскоп IV примыкающий к раскопу III исследованному в 2015-2016 году. Положение нового участка для исследований отражало необходимость увеличения территории сплошного изучения острога, а также освоения наиболее перспективных участков крепости в ее восточной части (рис. 1).

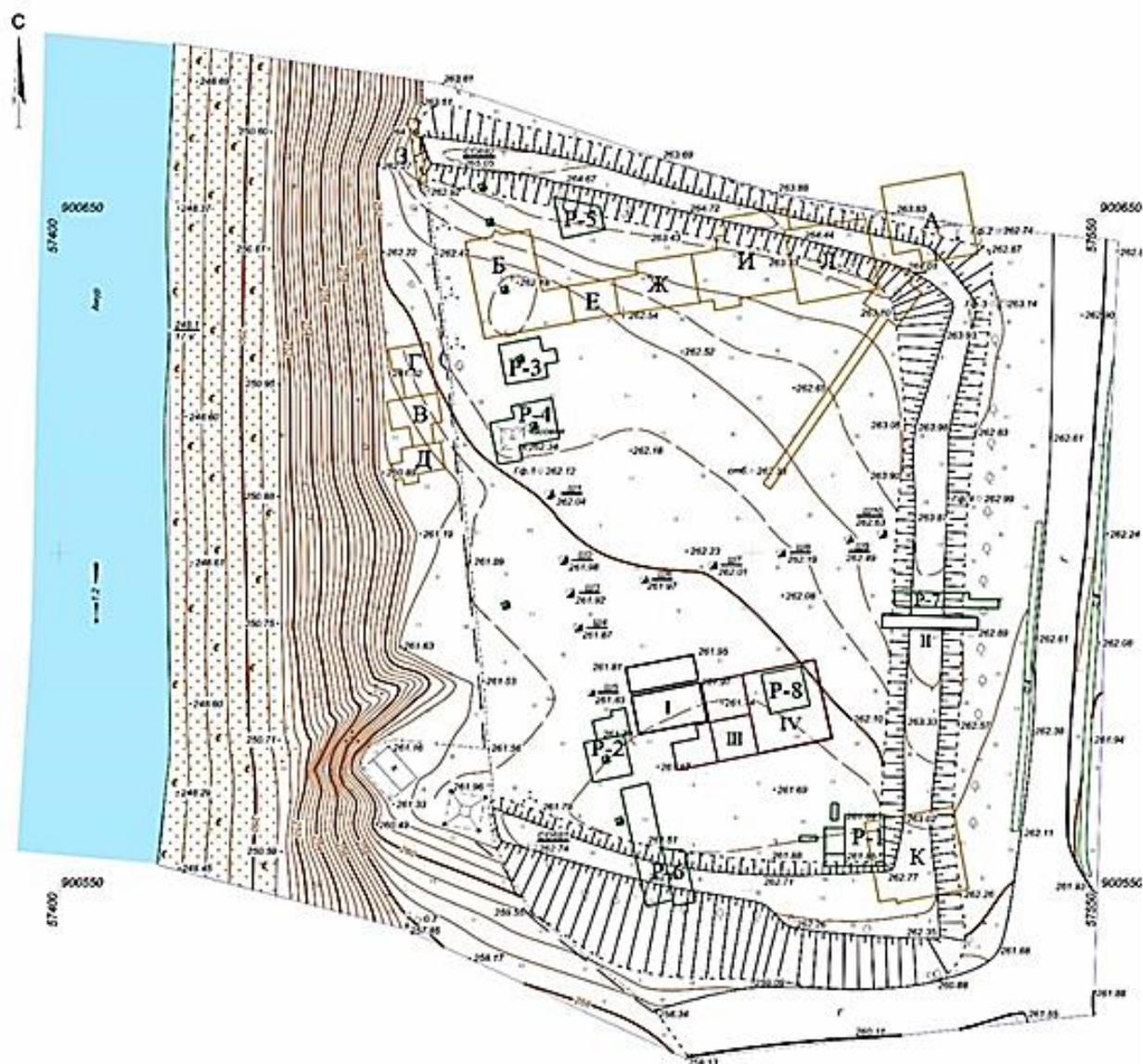

Рис. 1. Синтетический топографический план, верифицирующий взаимную привязку археологических раскопов всех экспедиций.

При этом новый раскоп состоял из пяти пластов общей площадью равной ста квадратным метрам, со следующими характеристиками найденных объектов. Первый пласт был снят до глубины $-0,8$ м от единого для острога репера в основании памятного железного креста, при этом было найдено 339 находок, относящихся как к VII, так и к XIX веку, в том числе и кирпичей, камней и горелой древесины.

Второй пласт был снят до уровня -1 м в котором было найдено 326 находок, среди которых встречаемых ранее фрагментов сооружения было больше.

Третий горизонт был снят до глубины в $-1,15$ м с обнаружением 190 находок, при этом были найдены все те же фрагменты сгоревшего сооружения.

Четвертый слой был на глубине $-1,35$ м и включал 101 находку, при этом присутствовал тот же остов от выше названного сооружения.

Самый нижний пласт находился на глубине $-1,6$ метра, при исследовании которого было найдено несколько погребений, а также, предположительно, остатки еще одного сооружения – заглубленного жилища. При этом исследование нижнего пласта не было завершено полностью из-за наводнения, а раскоп был законсервирован.

Подводя итоги полевого сезона 2021 года, можно выделить новые исходные данные, которые вносят дополнительные коррективы в описываемое исследование – контуры раскопов остатков двух новых заглубленных сооружений XVII века (рис. 2).

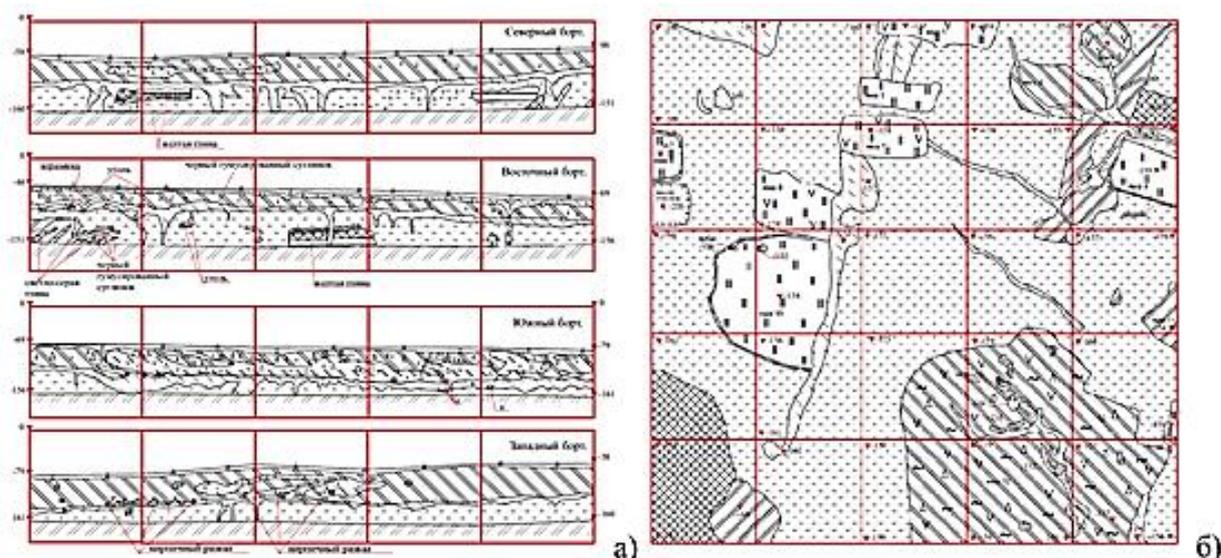

Рис. 2. Раскоп IV Албазинской археологической экспедиции:
а) – стратиграфия раскопа; б) – планиграфия пятого (нижнего) пласта.

В свою очередь, принимая во внимание функциональное назначение типовых построек Албазинской крепости, можно предположить, что второе заглубленное жилище представляет собой одну из полуземлянок, а остатки первого сооружения, представленные большим количеством сгоревшего дерева и камней, относятся к оружейной избе, существование которой подтверждается рисунком Витсена.

Таким образом, предлагаемая идентификация новых сооружений в юго-западной части

крепости потребовала соответствующего изменения текущего положения гряды землянок, расположенной вдоль южной крепостной стены, что положительно сказалось на корреляции онтологической модели исследуемого острога с исторической картой Р. Маака (рис. 3). Однако данная модель, включающая все подтвержденные как археологически, так и на основе анализа карт здания не решила вопроса размещения гарнизона крепости.

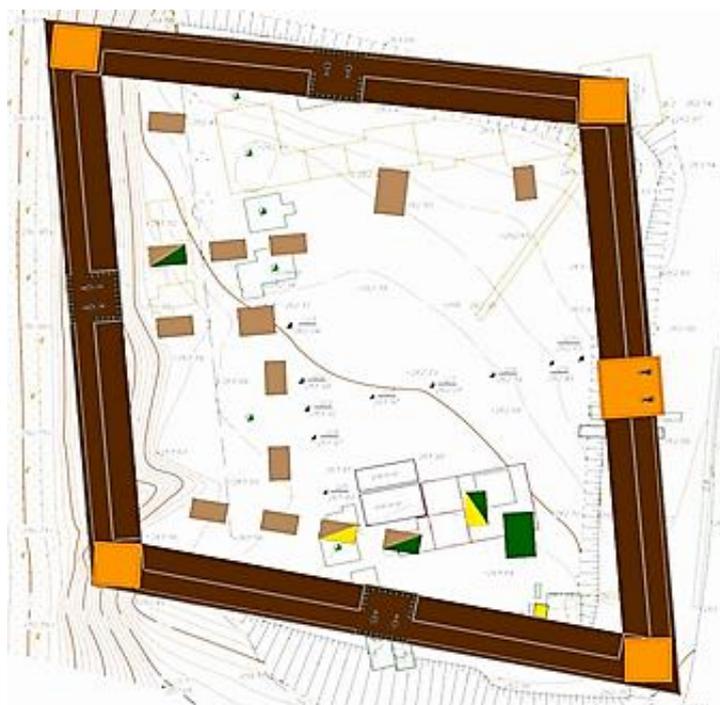

Рис. 3. Синтетическая модель общего устройства Албазинской крепости 1686 г.:
оранжевый – проездная и угловые башни; коричневый – здания по плану Маака;
желтый – остатки землянок по Сухих; зеленый – фактические остатки зданий.

Улучшенная онтологическая модель общего устройства

Согласно общеизвестным архивным данным на момент второй осады Албазина в нем находилось 826 человек, способных участвовать в обороне, из которых 713 были военными, а остальные взрослыми мужчинами из семей пашенных крестьян и охотников [4]. Учитывая внутренний объем жилых полуземлянок, раскопанных экспедициями разных периодов, можно предположить, что в них могло фактически располагаться порядка 20 человек. Иными словами, полноценное размещение гарнизона крепости требовало примерно 40 землянок, а также отдельное жилище для воеводы. Однако особенности жизнедеятельности осажденного острога обуславливают нахождение достаточно большого числа его защитников непосредственно на боевых позициях, иными словами, общее количество реально необходимых жилищ минимум вдвое.

Необходимо отметить, что на обобщенном топографическом плане городища, синтезированном с картой Маака [7], можно выделить 13, так или иначе, подтверждаемых жилых полуземлянок. Следовательно, для достижения их желаемого количества, составляющего 21 землянку, необходимо выбрать наиболее рациональное местоположение еще восьми аналогичных построек. При этом одним из критериев выбора можно считать достаточно очевидное положение внутренней дороги острога, начинавшейся у проездной башни и соединявшей ее с артиллерийскими бастионами. Кроме того, следовало принимать во внимание топологию синтезируемых сооружений, которая должна быть аналогичной общей конфигурации ранее выявленных элементов. Таким образом, наиболее рациональное решение задачи генерации гипотетической модели Албазинской крепости может быть представлено в виде, показанном на рисунке 4.

Рис. 4. Гипотетическая модель общего устройства Албазинской крепости 1686 г.

В свою очередь, для перехода от двухмерной модели крепости к ее трехмерной визуализации требуется разработка трехмерных моделей ее недостающих элементов – проездной башни и угловых блокгаузов, а также оружейной избы и гранатного погреба, принимая во внимание, что 3D-модели артиллерийских бастионов, порохового погреба и землянок уже были реализованы во второй части описываемого исследования.

Детализированные 3D-модели дополнительных элементов

Рассмотрим основные особенности

практической реализации проездной башни. Как известно, основным способом сообщения с полем в деревоземляных крепостях служили проездные башни, как правило, обладавшие двумя этажами, первый из которых оснащался внутренними и внешними воротами. В свою очередь, опираясь на данные об общем устройстве аналогичных сооружений [8], принадлежащих Белгородскому кремлю (рис. 5), можно выделить следующие типовые решения, которые могут быть применены при реконструкции единственной проездной башни Албазинской крепости.

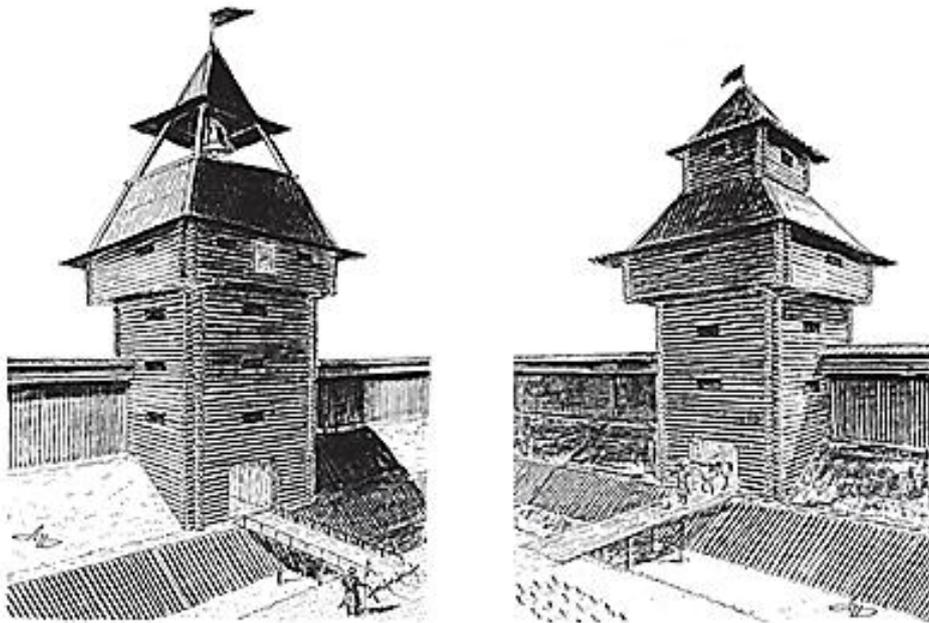

Рис. 5. Реконструкция проездных башен Белгородского кремля.

Общая конструкция рассматриваемого сооружения представляет собой двухэтажный сруб высотой в три печатные сажени, т.е. превосходящий примыкающие деревоземляные стены. Очевидно, что первый этаж башни имел сквозной проезд, а на втором этаже и развале, дополняющем базовую конструкцию, оборудовались стрелковые бойницы и пушечные окна. При этом вход на второй этаж осуществлялся со стороны примыкающих к башне крепостных стен, а его сообщение с развалом реализовывалось с помощью внутренней лестницы. Кроме того, башенный развал (пушечная площадка), должен был заканчиваться четырехскатной кровлей со смотровой площадкой, которая в нашем случае отсутствовала в связи с недостатком времени на ее возведение [9].

В свою очередь, останавливаясь на общем устройстве угловых башен-блокгаузов, можно отметить его следующие особенности. Если угловые башни острога 1685 года однозначно представляли собой двухэтажные срубы, установленные непосредственно на грунт городища, то их аналоги, сооруженные в крепости 1686 года, скорее всего, являлись одноэтажными срубами, фундаменты которых опирались на засыпной хрящ двойных крепостных стен. Принимая во внимание угловые расширения крепостного вала, обнаруженные экспедицией Сухих, рассматриваемые постройки были возведены на заранее подготовленных четырехугольных площадках, обустроенных в качестве неотъемлемых элементов деревоземляной крепостной стены. Кроме того, следуя канонам

средневекового русского фортификационного зодчества, базовые срубы угловых башен должны были оснащаться крытыми стрелковыми площадками (развалами), что видимо и было реализовано, учитывая архивное упоминание ранения воеводы Толбузина через башенную бойницу [9]. При этом, кровли у данных сооружений отсутствовали по вышеназванным причинам.

Детализация ранее упоминаемой гравюры Витсена указывает на объективное наличие в структуре изучаемой крепости

Рис. 6. Реконструкции жилища

оружейной избу, типовое устройство которой может быть рассмотрено аналогично общей структуре русского коллективного жилища (рис. 6). При этом не вызывает особых сомнений, что рассматриваемое строение должно было быть заглубленным [10, 11]. Кроме того, размер данного сооружения показан на гравюре Витсена несколько большим (рис. 7), чем изображения других крепостных построек, следовательно, стены избу могли иметь традиционную срубную конструкцию.

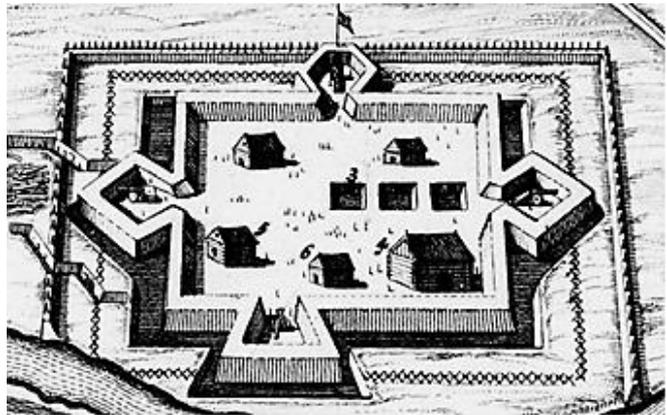

Рис. 7. Фрагмент голландской гравюры Витсена: Донецкого городища. 3 – жилые полуземлянки; 4 – оружейная изба; 5 – пороховой погреб; 6 – гранатный погреб.

И, наконец, реконструкция гранатного погреба, упоминаемого Витсенем, была проведена аналогично компьютерному моделированию порохового погреба, рассмотренному в предыдущей части описываемого исследования. Достаточно очевидно, что оба огнеопасных погреба имели схожую конструкцию, однако, для хранения гранат

требовалось меньший объем функционального пространства, что позволяет приблизить линейные размеры этого сооружения к линейным параметрам полуземлянки. Таким образом, комплексная интеграция предлагаемых авторами решений дает возможность реализовать реконструкцию внешнего облика юго-восточного угла крепости (рис. 8).

Рис. 8. Трехмерная реконструкция юго-восточного угла крепости.

Заключение (выводы). Подводя итоги описываемого исследования, необходимо отметить, что единственной существующей в настоящее время трехмерной реконструкцией исследуемого фортификационного комплекса является его деревянный макет, хранящийся в Албазинском краеведческом музее (рис. 9), для оформления которого послужила гравюра Витсена.

В свою очередь, комплексная интеграция всех промежуточных результатов описываемого исследования, а также их

последовательно модифицированных вариантов позволяет сформировать достаточно обоснованную трехмерную компьютерную реконструкцию Албазинской крепости 1686 года, представленную на рисунке 10. При этом визуальный анализ рассматриваемого изображения, проводимой с точки зрения оценки общей функциональности реконструированного фортификационного комплекса, не обнаруживает каких-либо принципиальных противоречий.

Рис. 9. Макет острога из Албазинского краеведческого музея.

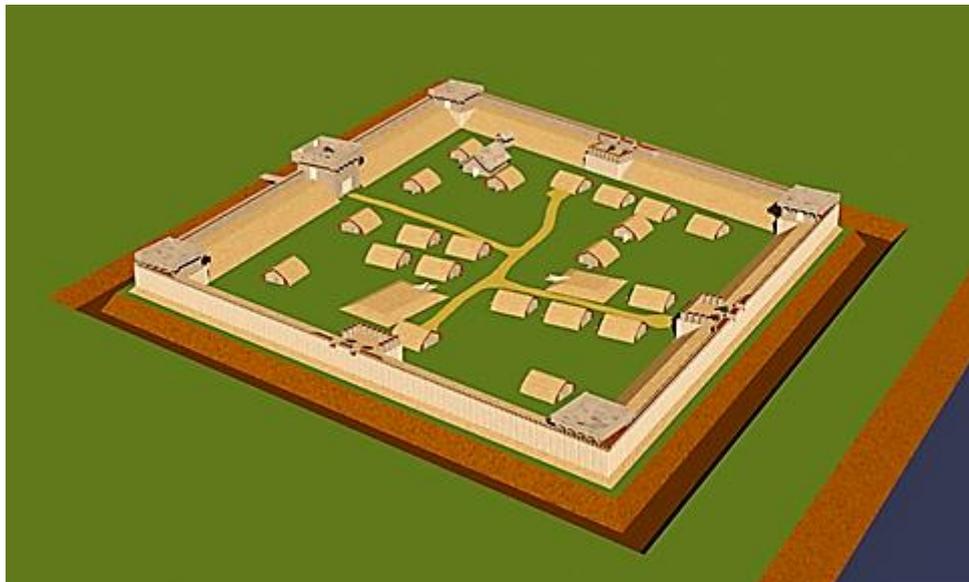

Рис. 10. Авторская реконструкция устройства Албазинской крепости.

В заключении стоит отметить, что используемый авторами подход в очередной раз подтвердил свою практическую эффективность, не смотря на существенное

качественное отличие общего содержания используемого набора исходных данных от аналогичной реконструкции внешнего облика Албазинского острога 1685 года [12-15].

Список литературы

1. Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. I // Вестник Брянского государственного университета, 2022. № 3. С. 70-81.
2. Лохов А.Ю., Еремин И.Е., Нацвин А.В. Историко-археологическое моделирование Албазинского острога периода второй осады. II // Вестник Брянского государственного университета, 2023. № 1. С. 110-118.
3. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 1999.
4. Албазинский острог: история, археология, антропология народов Приамурья / Забияко А.П., Черкасов А.Н. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2019.
5. Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666-1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники, 2019. Т. X. С. 385-431.
6. Черкасов А.Н. Отчет об археологических раскопках на городище «Албазинская крепость» в 2021 году (Амурская область) / Открытый лист № 1092-2021 от 17 июня 2021 года. М., 2022.
7. Маак Р.К. Атлас к «Путешествию на Амур, совершенному по распоряжению Сибирского отдела Императорского русского географического общества в 1855 году». СПб., 1859.
8. Ильин А.И., Лимаров А.И. Белгородский кремль. Харьков: Коллегиум, 2008.
9. Трухин В.И., Крюков В.В. Албазинское воеводство (сборник документов). Хабаровск: Библиотека дальневосточного казачества, 2016.
10. Раппапорт П.А. Древнерусское жилище. Ленинград: Наука, 1975.
11. Внуков В.В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005.
12. Еремин И.Е., Трухин В.И., Бугаев С.Н. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. I // Информатика и системы управления, 2019. № 4(62). С. 10-25.
13. Еремин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. II // Информатика и системы управления, 2020. № 2(64). С. 43-56.
14. Еремин И.Е., Нацвин С.В., Трухин В.И., Лохов А.Ю. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. III // Информатика и системы управления, 2020. № 3(65). С. 14-25.
15. Еремин И.Е., Нацвин А.В., Трухин В.И., Черкасов А.Н. Трехмерное компьютерное моделирование Албазинского острога периода 1684 г. IV // Информатика и системы управления, 2020. № 4(66). С. 3-16.

HISTORICAL AND ARCHAEOLOGICAL MODELING OF THE ALBAZIN FORT DURING THE SECOND SIEGE. III

In previous works, the authors presented 3D models of artillery bastions, a powder magazine and dugouts. However, for the most complete three-dimensional visualization of the Albaza fortress, it was necessary to develop three-dimensional models of its missing elements - a travel tower and corner blockhouses, as well as an armory hut and a grenade cellar. In addition, it was established that for the full-fledged placement of the garrison, given that a larger number of its defenders were constantly directly in combat positions, the total number of really necessary dwellings required at least half the number of 826 people. Noting that on the generalized topographic plan of the settlement, synthesized with the map of Maak, 13, one way or another, confirmed residential semi-dugouts can be identified, therefore, in order to achieve their desired number of 21 dugouts, it is necessary to choose the most rational location of eight more similar buildings. The authors have taken an integrated approach in reproducing the above-mentioned models of structures of the Albaza fortress, based on data on the general structure of similar structures of the period under consideration. And the complex integration of all the intermediate results of the described study, as well as their sequentially modified versions, allows us to form a sufficiently justified three-dimensional computer reconstruction of the Albazin fortress of 1686, presented in this article.

Keywords: Albazinsky prison, siege, excavation, construction, dugout, garrison, topographic plan, bastion, travel tower, blockhouse.

References

1. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2022) Istoriko-arheologicheskoe modelirovanie Al-bazinskogo ostroga perioda vtoroj osady. I [Historical and archaeological modeling of the Al-Bazinsky prison during the second siege. I] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. N. 3. S. 70-81.
2. Lokhov A.Yu., Eremin I.E., Natsvin A.V. (2023) Istoriko-arheologicheskoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda vtoroj osady. II [Historical and archaeological modeling of the Al-Bazinsky prison during the second siege. II] // Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta. N. 1. S. 110-118.
3. Artemyev A.R. (1999) Goroda i ostrogi Zabajkal'ya i Priamur'ya vo vtoroj polovine XVII–XVIII vv. [Cities and prisons of Transbaikalia and the Amur region in the second half of the XVII–XVIII centuries] Vladivostok: Institut istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN
4. Albazinskij ostrog: istoriya, arheologiya, antropologiya narodov Priamur'ya (2019) [Albazinsky prison: history, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region] / Zabyako A.P., Cherkasov A.N. Novosibirsk: Institut arheologii i etnografii SO RAN
5. Trukhin V.I., Bagrin E.A. (2019) Albazinskij ostrog v 1665/1666-1689 gg.: fortifikaciya i zashchitniki – opyt istoricheskoy rekonstrukcii [Albazinsky prison in 1665/1666-1689: fortification and shields – the experience of historical reconstruction] // Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. T. X. S. 385-431.
6. Cherkasov A.N. (2021) Otchet ob arheologicheskikh raskopkakh na gorodishche «Albazinskaya krepost'» v 2021 godu (Amurskaya oblast') [Report on archaeological excavations at the settlement "Albazinskaya krest" in 2021 (Amur region)] / Otkrytyj list № 1092-2021 ot 17 iyunya 2021 goda. M.
7. Maak R.K. (1859) Atlas k «Puteshestviyu na Amur, sovershennomu po rasporyazheniyu Sibirskogo otdela Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva v 1855 godu» [Atlas for "A trip to the Amur River, made by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855"] SPb.
8. Ilyin A.I., Limarov A.I. (2008) Belgorodskij krem!' [Belgorod Kremlin] Har'kov: Kollegium
9. Trukhin V.I., Kryukov V.V. (2016) Albazinskoe vovodstvo (sbornik dokumentov). [Albazin voivodeship (collection of documents)]. Habarovsk: Biblioteka dal'nevostochnogo kazachestva
10. Rappaport P.A. (1975) [Ancient Russian dwelling]
11. Vnukov V.V. (2005) Slavyane do Ryurikovichev [Slavs before Rurikovich] Kursk: Uchitel'.
12. Eremin I.E., Trukhin V.I., Bugaev S.N. (2019) Trekhmernoe komp'yuternoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. I [Three-dimensional computer modeling of the Al-Bazinsky prison of the period 1684 I] // Informatika i sistemy upravleniya. N. 4(62). S. 10-25.
13. Eremin I.E., Natsvin S.V., Trukhin V.I. (2020) Trekhmernoe komp'yuternoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. II [Three-dimensional computer modeling of the Al-Bazinsky prison of the period 1684 II] // Informatika i sistemy upravleniya. N. 2(64). S. 43-56.
14. Eremin I.E., Natsvin S.V., Trukhin V.I., Lokhov A.Yu. (2020) Trekhmernoe komp'yuternoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. III [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period 1684 III] // Informatika i sistemy upravleniya. N. 3(65). S. 14-25.
15. Eremin I.E., Natsvin A.V., Trukhin V.I., Cherkasov A.N. (2020) Trekhmernoe komp'yuternoe modelirovanie Albazinskogo ostroga perioda 1684 g. IV [Three-dimensional computer modeling of the Albazinsky prison of the period 1684 IV] // Informatika i sistemy upravleniya. N. 4(66). S. 3-16.

Об авторах

Лохов Алексей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры тактики, Дальневосточное высшее общевойсковое командное ордена Жукова училище имени Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, Благовещенск, (Россия), E-mail: kluger999@inbox.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Еремин Илья Евгеньевич – доктор технических наук, профессор, профессор Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), E-mail: ilya.eremin.70@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Нацвин Алексей Викторович – аспирант Кафедры информационных и управляющих систем, Амурский государственный университет (Россия), E-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

Lokhov Alexey Yuryevich – Candidate of historical sciences, associate professor of the Department of tactics Far Eastern higher combined arms command of the order of Zhukov, Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky school, Blagoveshchensk, (Russia), E-mail: kluger999@inbox.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-1285-6987>

Eremin Ilya Evgenievich – Doctor of technical sciences, Professor, professor of the Department of information and control systems, Amur state university (Russia), E-mail: ilya.eremin.70@mail.ru ; <https://orcid.org/0000-0002-4038-9124>

Natsvin Alexey Viktorovich – Postgraduate student of the Department of Information and control systems, Amur state university (Russia), E-mail: natsvin1998@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-5392-7462>

УДК 9.94

Мязин Н.А., доцент кафедры государственного и муниципального управления, Калужский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Россия).

ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА В КИТАЕ В XX -XXI ВВ.

В Китае сосуществовали несколько религиозных традиций. Элита исповедовала неоконфуцианство, большинство населения придерживались народной религии, буддизм рассматривался властями в качестве иностранной религии. Христианство несколько раз проникало в Китай, но впоследствии изгонялось. Католическим миссионерам, удалось закрепиться только в конце XVI в. После Опиумных войн христианским миссионерам официально разрешили работать в Китае, наряду с католицизмом стал распространяться протестантизм. Христианской миссии препятствовали антизападные настроения в обществе, протестантизму особенно мешало почитание предков, которое имело религиозную составляющую. В 1940-е гг. христиане составляли менее 1 % населения, большинство из них были католиками. В годы культурной революции деятельность религиозных организаций была запрещена. Дэн Сяопин снова разрешил религиозную деятельность, в настоящее время доля протестантов в населении превысила 2 %. Правительство более благосклонно относилось к протестантским церквям, потому что те имели центры управления в Китае. Развитию протестантизма способствовало то, что их основной соперник - народная религия потеряла значительный ущерб в эпоху Мао Цзэдуна. Христианство получило значительно большее распространение в китайской диаспоре многих других стран.

Ключевые слова: Китай, протестантизм, пятидесятничество, католицизм, народная религия, миссионерство, коммунистическая партия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-66-76

Введение. Распространение протестантизма началось полтора столетия назад, новой религии удалось добиться существенных успехов в последние четыре десятилетия. В статье сделана попытка описать распространение протестантизма во взаимосвязи с радикальными изменениями в китайском обществе XX в., проанализированы причины успеха протестантизма в сравнении с католицизмом и возможности дальнейшего распространения.

Объекты и методы исследования. Статья основана преимущественно на зарубежной историографии. Уделено внимание анализу статистических данных об изменении конфессиональной принадлежности населения Китая. Проведен сравнительный анализ конфессиональной принадлежности населения Китая, Тайваня и китайской диаспоры в других странах.

Первые шаги христианства

В Китае издревле сосуществовали несколько религиозных традиций. Конфуцианство и даосизм сложились в IV-III вв. до н.э., в середине I в. н.э. из Центральной Азии в Китай пришел буддизм. В 845 г. правительство конфисковало земли буддистских храмов, тысячи храмов были разрушены. С этого

времени и до конца XX в. буддизм рассматривался китайскими властями в качестве иностранной религии. Элита придерживалась конфуцианства. Низшие слои населения практиковали народную религию, которая сочетала элементы даосизма, буддизма и конфуцианства с поклонением предкам, верой в местные божества, призраков и демонов.

В VI-IX вв. в Китае имелись церкви ассирийской церкви Востока, принадлежащей к несторианству [26, р. 33-34]. В эпоху правления монгольской династии Юань в XIII-XIV вв. католические храмы были открыты в Пекине. В обоих случаях христианство было запрещено и вытеснено из страны китайскими властями. В третий раз христианские миссионеры приплыли в Китай на португальских кораблях в конце XVI в. В начале XVIII в. христианство было запрещено, но не искоренено [9, с. 94-100]. В первой половине XIX в. число католиков не превышало 250 тыс. человек (0.1 % населения) [6, с. 1039-1040].

Первый протестантский миссионер, англичанин Роберт Моррисон прибыл в Китай в 1807 г., он работал переводчиком в Британской Ост-Индской компании. Моррисон был членом Лондонского миссионерского общества и занимался переводами христианских

текстов. Он обратился в христианство несколько человек, в том числе Лян Фа, которого произвел в пасторы. Лян Фа познакомил с основами христианства будущего лидера тайпинского восстания Хун Сюцюаня, который создал синкретическую религию, используя элементы христианства, и провозгласил себя младшим братом Иисуса Христа [5, с. 65-66].

Возможности для распространения протестантизма возникли позднее. В результате Первой опиумной войны 1839-1842 гг. для торговли были открыты пять портовых городов, европейцы и американцы получили право открывать в них свои храмы. По итогам Второй опиумной войны 1856-1860 гг. возможность миссионерства распространена на весь Китай [30, р. 1665].

Вследствие колониальной политики в Китае были сильны антизападные настроения, которые часто принимали антихристианский характер, пиком этого стало ихэтуаньское восстание 1899-1901 гг. В ходе восстания было убито 30 тыс. католиков и 2 тыс. протестантов, погибло больше ста католических и протестантских европейских миссионеров [5, с. 113].

Тем не менее, христианская миссия продолжала развиваться. Среди протестантских миссионеров в самом начале XX века численно преобладали представители Великобритании, через 10 лет на первое место вышли американцы. [5, с. 140].

Христианство в республиканском Китае

В 1911 г. династия Цин была свергнута и провозглашена республика. Падение феодальной системы в Китае сопровождалось ослаблением влияния религии на китайское общество. Большинство политической элиты поддерживало идеологию секуляризма [27, р. 223]. Первый президент Китайской республики и основатель партии Гоминьдан Сунь Ятсен был крещен в конгрегационалистской церкви, активным приверженцем протестантизма был генерал Фэн Юйсян. Но это не привело к укреплению позиций христианства. Недовольство решением Парижской мирной конференции не возвращать Китаю захваченные Японией бывшие немецкие концессии в провинции Шаньдун, привело к созданию антиимпериалистического движения четвертого мая. Движение выступало

против иностранного присутствия в Китае, а также против религии, как китайской, так и иностранной. В этих условиях миссионерские учреждения сосредоточились на благотворительной деятельности, в первую очередь на развитии образования и оказании медицинской помощи. [22, р. 101-102].

В результате роста китайского национализма некоторые протестантские церковные лидеры разорвали связи с зарубежными странами и иностранными миссиями. «Коренизация» происходила и в католической церкви. В 1926 г. были рукоположены шесть китайских епископов, первый китаец стал кардиналом в 1946 г. [24, р. 490-491].

Численность католиков выросла с 250 тыс. в 1840 (0.06 % населения) до 3.3 млн. в 1949 г. (более 0.6 %) [4, с. 65]. Число протестантов в 1949 г. достигло 1 миллиона (0.2 % населения). Большая популярность католицизма была связана с тем, что почитание святых и вера в чудеса были значительно ближе к народной религии, чем рациональный традиционный протестантизм [30, р. 1665]. В 1936 г. Католической церковью почитание предков и Конфуция были признаны светскими церемониями, участвовать в которых верующим не запрещалось [6, с. 1041-1043].

Государственная политика по отношению к религии в Китайской Народной республике

Гражданская война завершилась в 1949 г. победой коммунистов и созданием Китайской Народной республики, после этого из страны были изгнаны иностранные миссионеры. Полного запрета религии не предусматривалось. Конфессии должны быть институционализированы и поставлены под государственный контроль. Политическая и экономическая борьба с пережитками феодализма и империализмом должны заменить борьбу с теократией и суевериями. Отмирание религии должно идти через воспитание общества [19, р. 57].

Первыми на сотрудничество с новой властью пошли протестанты. В мае 1950 г. протестантский деятель У Яоцзун встретился с Мао Цзэдуном, после чего Яоцзун совместно с 40 протестантскими деятелями опубликовал декларацию «Пути приложения усилий китайским протестантизмом в строительстве нового Китая». Свои подписи под декларацией

поставили более полутора тысяч представителей протестантских общин [1, с. 39-40].

До 1957 г. были созданы пять патриотических ассоциаций, которые объединяли протестантские, католические, буддистские, даосские и исламские организации. За взаимодействие с христианами отвечали китайская католическая патриотическая ассоциация и комитет китайского протестантского патриотического движения за «три самостоятельности» [19, р. 54]. Народная религия признана суеверием, храмовые праздники запрещены. При Мао подлежало искоренению и почитание предков [30, р. 1690].

В период с 1957 по 1966 гг. религиозная политика была ужесточена. В эпоху культурной революции 1966-1976 гг. религиозные организации подвергались гонениям. Множество храмов, в том числе являющихся объектами культурного наследия, были уничтожены.

После прихода к власти Дэн Сяопина деятельность религиозных организаций была возобновлена. Под эгидой правительства проведена работа по восстановлению буддистских и даосских храмов, которые обладали туристическим потенциалом.

Все религиозные организации должны получить регистрацию, при этом религиозные организации национального и местного уровня не имеют отношений господства и подчинения. Это создает трудности для христианских деноминаций [2, с. 544-548], особенно для Римско-католической церкви. Такая система увеличивает возможности контроля со стороны государства, поскольку исключает руководителя религиозного объединения национального уровня как посредника в отношениях между государством и местными религиозными объединениями. Вместо них эту функцию выполняют патриотические ассоциации, которые как правило объединяют представителей разных деноминаций и в большей степени контролируются государством. Контроль над зарегистрированными церквями достигается в основном за счет самоцензуры церковных лидеров, которая связана как с административным давлением отделов по делам религии, так и с желанием получить помощь с их стороны при взаимодействии церквей с другими органами власти. Параллельно с «патриотическими» существовали независимые христианские церкви,

в большинстве случаев органы власти «закрывали глаза» на их деятельность. Репрессиям подвергались отдельные организации, носившие явно сектантский характер, такие как «Фалунь Дафа» [30, р. 1707].

После избрания Си Цзиньпина на должность генерального секретаря Коммунистической партии в 2012 г. взят курс на ужесточение государственного контроля и «китаизацию» религиозных организаций. Конфуцианство признано источником традиционных китайских ценностей [1, с. 165-167]. Значительное число христианских церковных зданий разрушены, с более двух тысяч церквей убраны кресты под предлогом устранения нарушений архитектурных норм, из страны около тысячи корейских миссионеров [12, р. 512].

Таблица 1.

Конфессиональный состав населения КНР

Конфессия	Доля населения [29, р. 287-289; 33, р. 26-27]
Буддизм	17 %
Протестантизм	2.3 %
Народные религии	0.8 %
Даосизм	0.7 %
Ислам	0.5 %
Католицизм	0.4 %

Для оценки религиозного состава населения обобщены результаты четырех социологических опросов, проводившихся в Китае в 2001-2014 гг., эти данные близки к официальным оценкам китайского правительства [8]. Две трети верующих составляют женщины. Доход на душу населения у христиан несколько выше среднего. Среди христиан нет членов КПК, при этом 12 % опрошенных членов КПК исповедовали буддизм [29, р. 54-55].

По сравнению с довоенным периодом, доля католиков в населении практически не изменилась, а доля протестантов увеличилась в 10 раз (см. табл. 1). Число протестантских пасторов выросло с 5.9 тыс. в 1982 г. до 37 тыс. в 2009 г. [19, р. 54-55] и до 57 тыс. в 2018 г. [8]. Отсутствие роста католиков во многом связано с более жесткой позицией властей Китая по отношению к Римско-католической церкви, как имеющей центр за пределами страны в Ватикане. Католическая церковь разделилась на «патриотическую», которая не признается

Папой и независимую, которая преследуется властями [23, р. 120-121].

Протестанты после культурной революции

В годы Культурной революции деятельность патриотических ассоциаций была оставлена. В конце 1970-х гг. репрессии прекратились, протестантские группы первыми вышли из подполья. [30, р. 1693]. Рост протестантизма происходил главным образом за счет местных евангелистов. Западные миссионеры посещали Китай в качестве преподавателей иностранных языков, но в условиях повышенного внимания к иностранцам они не могли успешно проповедовать [30, р. 1710]. Не менее важна разница в менталитете - успешная деятельность протестантских миссионеров, как в странах Африки [17, р. 76], так и Латинской Америки [7, с. 85-86] связана с проповедью местным жителям. Иностранцы в большинстве случаев оказались не способны преодолеть культурный барьер.

Деятельность религиозных организаций в Китае подвергается регламентации. Проводить публичные богослужения разрешено только на территории культовых объектов, требуется лицензия на проведение проповедей. Уличный евангелизм является незаконным, миссионерство среди лиц моложе 18 лет запрещено, не разрешается проводить воскресные школы или молодежные лагеря с целью евангелизации. Не поощряются проповеди о миллениаризме и практика экзорцизма [30, р. 1693-1695].

Религиозные деятели проходят проверку благонадежности со стороны местных органов власти. Верующие-миряне помогают в повседневной работе и фактически образуют коллективный руководящий орган вместе с официальным руководством [25, р. 127-130]. Служения церквей «за три самостоятельности» включают исполнение церковных гимнов, молитвы и длительные проповеди о значении библейских текстов [32, р. 18].

Помимо официальных церквей существуют независимые церкви, не имеющие регистрации. Для независимых церквей характерен более харизматический характер служения [23, р. 123]. Неформальные отношения внутри всего протестантского сообщества поддерживаются не зависимо от наличия или отсутствия регистрации. Не

регистрированные протестантские церкви нарушают законодательство. Несмотря на это в большинстве своем они развиваются. Большинство независимых церквей и церквей «за три самостоятельности» имеют одинаковое происхождение, теологию и религиозные практики. По-видимому, с этим связано довольно лояльное отношение властей к не зарегистрированным церквям [30, р. 1701]. Члены независимых церквей проводят евангелизацию не только через личные знакомства, но и публично на улицах. Они также практикуют миссионерство в больницах: пользуясь возможностью посещения госпитализированных членов церкви. Независимые церкви на местном уровне создают союзы служителей, организуют воскресные школы, а также летние и зимние молодежные лагеря [30, р. 1706].

Протестантские церкви негативно относятся к культу предков и традициям, которые берут свое начало в народной религии. Изображение традиционного для китайской культуры дракона считается символом дьявола. Поклонение предкам и посещение могил для принесения умершим продуктов питания и бумажных денег строго запрещены. Многие из зарегистрированных церквей позволяют в знак памяти оставлять букеты цветов на могилах. Самые консервативные церкви требуют, чтобы их прихожане отказались от празднования традиционных китайских праздников, таких как Праздник весны и Фестиваль лодок-драконов [30, р. 1678-1679].

Более подробно рассмотрим самую массовую протестантскую деноминацию - пятидесятников.

Пятидесятники

В мировом протестантизме во второй половине XX в. быстрее всего развивалась молодая протестантская деноминация, созданная в 1906 г. - пятидесятничество. К 1990 г. пятидесятничество обогнало по численности остальные направления протестантизма. По данным метаисследования Дэвиса Брауна и Джеймса Патрика в 2015 г. китайские пятидесятники составляли 8 млн. человек (0.55 % населения Китая) [14]. Особенностью пятидесятничества является наличие особого духовного опыта - крещения Святым Духом. Пятидесятники считают, что верующие

могут получить духовные дары: дар говорения на иных языках (глоссолалии), исцеления и пророчества.

«Церковь истинного Иисуса», является крупнейшей пятидесятнической церковью Китая. Основанная в Пекине в 1917 г. в антизападной атмосфере, она изначально придерживалась принципов самообеспечения и самоуправления. Учение церкви носило фундаменталистский характер. Члены церкви активно занимались прозелитизмом, ведя проповедь среди представителей других направлений христианства. «Церковь истинного Иисуса» автократически управлялась ее лидерами. К 1949 г. в Китае насчитывалось более 700 церквей со 125 тыс. прихожан, преимущественно проживавшими в сельской местности.

«Церковь истинного Иисуса» отказалась присоединиться к Патриотическому движению «за три самостоятельности». В конце 1950-х гг. лидеры церкви, были арестованы, но большинство продолжили религиозную практику подпольно. Во время культурной революции деятельность церкви была приостановлена в Китае, но она продолжалась в Тайване, который стал ее центром. В настоящее время церкви имеются в 53 странах на пяти континентах. Руководящий орган - Международная ассамблея, созданная в 1975 г., в основном управляется тайванцами или иммигрантами из Тайваня. В середине 1970-х гг., когда коммунисты ослабили регулирование религиозной деятельности, группы, связанные с «Церковью истинного Иисуса» снова начали действовать в Китае. Первоначально отношение церкви к «патриотическим» церквям было резко отрицательным [21, р. 409-410]. Церковь получила распространение в граничащей с Тайванем провинции Фуцзянь, которая в 1978 г. стала особой экспортной зоной. Это способствовало формированию среднего класса, в который вошли, в том числе, члены церкви. Молодое поколение желало существовать в правовом поле. В начале 1980-х гг. молодые реформаторы стали выступать за вхождение церкви в состав «патриотических» церквей. Председатель Международной ассамблеи посетил Фуцзянь и поддержал эту позицию. «Церковь истинного Иисуса» в середине 1980-х гг. присоединилась к комитету китайского

протестантского патриотического движения за «три самостоятельности» и направила студентов в официальные семинарии. Постепенно были «смягчены» пятидесятнические практики: перед применением экзорцизма необходимо пройти психиатрическую экспертизу. Изменилась и форма экзорцизма, экстравагантные и опасные ритуалы были заменены пением гимнов и молитв. Пятидесятники стали отказываться от практики говорения на иных языках и пророчеств во время коллективных богослужений.

На примере «Церкви истинного Иисуса» показано развитие объединения пятидесятников от замкнутой общины сектантского характера к уважаемой церкви. Церковь стала привлекать людей с более высоким социальным статусом, был перенесен акцент с духовных практик на изучение Библии, это снизило напряженность в отношениях с государством и обществом [21, р. 411-415].

Пятидесятничество также распространялось благодаря африканской диаспоре, проживающей в прибрежных городах. Вследствие не эмоционального характера служения в традиционных христианских церквях, африканские мигранты, которые по рождению принадлежат к католикам и пресвитерианам зачастую предпочитают пятидесятнические не зарегистрированные церкви. Иностранцы имеют право зарегистрировать религиозную организацию, но такие службы могут посещать только иностранцы. Пятидесятнические африканские церкви чаще не регистрируются. Органы местного самоуправления в Гуанчжоу «закрывают глаза» на существование таких церквей до тех пор, пока их присутствие не привлекает внимания. Учитывая большую религиозную свободу иностранцев, по сравнению с местными жителями, у африканских пасторов есть стимул ограничивать число китайских прихожан в своих церквях. Пасторы больше занимаются прозелитизмом среди африканцев, чем миссионерством среди китайцев, нарушителей этого правила могут депортировать из страны [18, р. 87-89].

В современном протестантизме получили распространение мегацеркви - церкви с числом прихожан более 2 тысяч человек собирающихся в одном здании, и использующих для своего развития и продвижения

современные маркетинговые приемы. Наиболее крупная церковь Китая - «Иисус это Бог» находится в Гонконге и является пятидесятнической церковью филиппинского происхождения, ее посещают 30 тыс. человек [13].

Протестантизм среди китайцев в других странах

Сравним религиозные предпочтения китайцев, проживающих в других странах на примере Тайваня, Гонконга (вернулся в состав Китая в 1997 г.), США и Индонезии.

Христианство закрепилось в Тайване в 1860-е гг., миссию проводили доминиканцы из Филиппин и пресвитерианские миссионеры из Англии. По результатам Симоносекского мирного договора 1895 г., Япония

установила контроль над островом и сохранила его до 1945 г. Христианская миссия была в основном направлена на японских жителей, работа среди коренного населения была начата в 1915 г., но первоначально успех был очень ограниченным [3, с. 77-78].

После поражения в гражданской войне сторонники Гоминьдана отступили на Тайвань. Правительство Китайской Республики благожелательно относилось к христианам. Президенты Чан Кайши (1950-1975 гг.) и Цзян Цзинго (1978-1988 гг.) были методистами, а Ли Дэньхуэй (1988-2000 гг.) пресвитерианином. Тем не менее, на Тайване протестантизм не добился значительного успеха, этому способствовало сохранение позиций народной религии среди населения.

Таблица 2.

Конфессиональный состав населения Китая, Тайваня и Гонконга

	Китай [29, р. 286; 33, р. 26-27]	Тайвань [31]	Гонконг [20, р. 42]
Буддизм	17 %	35.1 %	>14 %
Дзен-буддизм, народная религия и даосизм	1.5 %	33 %	>14 %
Синкретические и «спасительные» религии		8.1 %	
Протестантизм	2.3 %	2.6 %	6.5 %
Католицизм	0.4 %	1.3 %	5.1 %
Ислам	0.5 %	0.3 %	4.1 %
Не религиозны	78 %	19 %	

Пресвитерианская церковь Тайваня является крупнейшей христианской деноминацией страны. Христианство получило большее распространение среди коренного населения острова, чем среди ханьцев [32, р. 18], но едва ли этот фактор оказал существенное влияние на религиозный состав, поскольку представители коренного населения составляют 2 % жителей острова. В Тайване число буддистов в два раза превосходит Китай, имеется значительное число приверженцев новых религиозных движений синкретического и спасительного характера. В 2009 г. число храмов всех конфессий на душу населения было в 7 раз больше по сравнению с Китаем [19, р. 54-55].

В Гонконге христиане составляют 11.6 % населения, из них протестанты: 6.5 %, католики: 5.1 % (табл. 2). Больше число христиан в населении Гонконга связано как с полутора столетиями пребывания под британским владычеством, а также соседством с

Макао, который в течении 442 лет управлялся португальцами и с тем, что в структуре населения 3.6 % составляют филиппинцы, британцы, американцы и австралийцы - в большинстве христиане [34].

В США, по данным исследовательского центра Пью, 30 % членов китайской диаспоры являются христианами: 22 % протестанты и 8 % католики. Большой процент христиан объясняется тем, что христиане чаще уезжали из Китая, а также тем, что многие принимали новую религию, прежде всего протестантизм, в иммиграции [11].

43% проживающих в Индонезии китайцев исповедуют христианство [10, р. 273], из них более половины составляют протестанты. Успех христианства среди диаспоры во многом связан с особенностями индонезийской религиозной политики. В 1965 г. к власти пришел генерал Сухарто, который потребовал, чтобы каждый гражданин исповедовал одну из пяти официальных религий: ислам,

протестантизм, католицизм, буддизм или индуизм [16, р. 204-206], многие из китайцев, знакомые с христианством, благодаря деятельности миссионеров, сделали такой выбор.

В Сингапуре христианами являются 22 % китайцев [15, р. 34], в соседней Малайзии с меньшей свободой христианской миссии - 11 % [28, р. 82].

Заключение (выводы). К моменту прихода протестантских миссионеров, большинство населения исповедовали народную религию, а элита придерживалась конфуцианства. Католическая церковь в Китае непрерывно существует с конца XVI в., но из-за запрета христианства, число приверженцев новой религии было не велико.

Христианство было разрешено в Китае после Опиумных войн. В страну пришли как католические, так и протестантские миссионеры. Христианизации мешали антизападные настроения, получившие широкое распространение в китайском обществе вследствие колониальной политики. Тем не менее, доля христиан росла, к 1940-м гг. католичество исповедовали 0.6 % населения, протестантизм 0.2 %.

После прихода к власти Коммунистической партии Китая христианство было поставлено под жесткий контроль. В годы культурной революции религиозная деятельность была заморожена. С приходом к власти Дэн Сяопина деятельность религиозных организаций возобновилась. Государство контролирует церкви через зонтичные ассоциации, куда должны входить все религиозные

организации. Государство более негативно относится к Католической церкви, вследствие невозможности контролировать Ватикан. В протестантизме параллельно официальным церквям существуют независимые церкви, которые отказались проходить процедуру регистрации. Если они не привлекают внимания, их деятельность не пресекается.

За последние десятилетия доля католиков в населении практически не изменилась, а доля протестантов выросла в 10 раз (до 2.3 %). Антирелигиозная компания, проводившаяся в годы культурной революции, значительно ослабила народную религию, часть освободившегося духовного пространства была занята протестантизмом.

За пределами Поднебесной китайцы оказались более готовыми к смене религии. В странах, которые ранее были европейскими колониями развитие получило христианство, в Тайване, который пол века был контролем Японии - синкретические религии, несмотря на то, что большую часть времени островом правили президенты протестантского вероисповедания.

Значительный рост числа христиан в Китае маловероятен. Это связано как с увеличением давления на церковь со стороны государства, которое, начиная с 2012 г. стремится поставить религиозные организации под более жесткий контроль, так и с тем, что в Китае значительно больше распространение получила другая мировая религия - буддизм, которая в последние десятилетия укрепила свои позиции за счет народной религии.

Список литературы

1. Афонина Л.А. Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978-2015 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2016. 218 с.
2. Афонина Л.А. Китайская модель регулирования религиозной деятельности // Общество и государство в Китае, 2016. № 1(46). С. 542-553.
3. Бертова А.Д. Христианство в Японии: опыт историко-религиоведческого анализа. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. СПб., 2013. 226 с.
4. Горохов С., Дмитриев Р. Католицизм в конфессиональном пространстве Большого Китая: территориальный аспект // Государство, религия, церковь в России и за рубежом, 2022. № 2(40). С. 63-83.
5. Дацышен В.Г. Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. 240 с.
6. Католическая энциклопедия. М., Издательство францисканцев, 2011. Том 2. 1818 с.
7. Мязин Н.А. Распространение пятидесятничества в странах Латинской Америки // Латинская Америка, 2022. № 9. С. 83-97.
8. Полный текст Белой книги «Политика и практика обеспечения свободы

вероисповедания в Китае». Синьхуа Новости. 25.05.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://russian.news.cn/2018-05/25/c_137206040.htm (дата обращения: 02.05.2023).

9. Смертин Ю.Г. Миссия иезуитов в Китае: первый диалог христианской и конфуцианской цивилизаций (вторая половина XVI в. - начало XVII в.) // *Studia Culturae*, 2018. № 4(34). С. 91-102.

10. Ananta A., Arifin E.N., Hasbullah M.S., Handayani N.B., Pramono A. Demography of Indonesia's Ethnicity. Singapore Institute of Southeast Asian Studies, 2015. 384 p.

11. Asian Americans: A Mosaic of Faiths. Pew Research Center. 19.07.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2012/07/19/asian-americans-a-mosaic-of-faiths-overview/> (дата обращения: 02.05.2023).

12. Au C. Globalization and Asian Pentecostalism in the Twenty-First Century // *Pneuma*, 2020. Vol. 42. pp. 500-520.

13. Bird W. 2023 Global Megachurches - World's Largest Churches, Compiled by Warren Bird, Ph.D. [Электронный ресурс]. URL: <https://leadnet.org/world/> (дата обращения: 02.11.2023).

14. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project - Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. Center for Open Science. [Электронный ресурс]. URL: <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage> (дата обращения: 02.05.2023).

15. Census of Population 2020. Department of Statistics Singapore. 522 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.singstat.gov.sg/-/media/files/publications/cop2020/sr1/cop2020sr1.pdf> (дата обращения: 28.12.2023).

16. End T., Aritonang J.S. 1800-2005: a National Overview (eds. Aritonang J.S., Steenbrink K.) *A History of Christianity in Indonesia*. Brill, 2008. pp. 137-228.

17. Ezenweke E., Ikechukwu K. «Perspectives of Syncretism and its Modern Trend: A Case of Christian and African Traditions» // *Unizik Journal of Arts and Humanities*, 2012. N. 2(13). pp. 71-84.

18. Haugen H.O. African Pentecostal Migrants in China: Marginalization and the Alternative Geography of a Mission Theology // *African Studies Review*, 2013. N. 1(56). pp. 81-102.

19. Helle H. *China: Promise or Threat?* Leiden, 2017. 174 p.

20. Hong Kong: The Facts. Religion and Custom. Home and Youth Affairs Bureau. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.hk/en/about/abouthk/factsheets/docs/religion.pdf> (дата обращения: 02.05.2023).

21. Huang K.H. Sect-to-Church Movement in Globalization: Transforming Pentecostalism and Coastal Intermediaries in Contemporary China // *Journal for the Scientific Study of Religion*, 2016. N. 2(55). pp. 407-416.

22. Laamann L.P. Christianity, Magic and Politics in Qing and Republican China // *Central Asiatic Journal*, 2015. N. 1-2(58). pp. 89-105.

23. Malek R. *Christendom and its Manifestations in China Today*. (ed. Deeg M.) Religion in China: Major Concepts and Minority Positions. Vienna, 2015. pp. 113-142.

24. Mariani P.P. The First Six Chinese Bishops of Modern Times: A Study in Church Indigenization // *The Catholic Historical Review*. 2014. N. 3(100). pp. 486-513.

25. McLeicer M. Popular Christianity, Sensation, and Ling'en Authority in Contemporary China // *Asian Ethnology*, 2019. N. 1(78). pp. 127-154.

26. Missick S.A. Mar Thoma: the Apostolic Foundation of the Assyrian Church and the Christians of St. Thomas in India // *Journal of Assyrian Academic Studies*, 2000. N. 2(XIV). pp. 33-61.

27. Ni Z. Rewriting Jesus in Republican China: Religion, Literature, and Cultural Nationalism // *The Journal of Religion*, 2011. N. 2(91). pp. 223-252.

28. *Population Distribution and Basic Demographic Characteristics 2010*. Department of Statistics, Malaysia, 2011. 134 p.

29. Stark R., Liu E.Y. The Religious Awakening in China // *Review of Religious Research*, 2011. N. 3(52). pp. 282-289.

30. Sun Y. The Rise of Protestantism in Post-Mao China: State and Religion in Historical Perspective // *American Journal of Sociology*, 2017. N. 122(6). pp. 1664-1725.

31. Taiwan yearbook. Government Information Office. 2005. [Электронный ресурс]. URL:

<https://web.archive.org/web/20070708213510/http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/yearbook/22Religion.htm> (дата обращения: 02.05.2023).

32. Weller R.P. Global Religious Changes and Civil Life in Two Chinese Societies: a Comparison of Jiangsu and Taiwan // *The Review of Faith & International Affairs*, 2015. №N.2(13). pp. 13-24.

33. Wenzel-Teuber K. Statistics on Religions and Churches in the People's Republic of China - Update for the Year 2016 // *Religions & Christianity in Today's China*, 2017. N. 2(7). pp. 20-43.

34. 2021 Population Census. Summary Results. 2021 Population Census Office. Census and Statistics Department. Hong Kong, 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.census2021.gov.hk/doc/pub/21c-summary-results.pdf> (дата обращения: 02.05.2023).

FEATURES OF THE SPREAD OF PROTESTANTISM IN CHINA IN THE XX - XXI CENTURIES.

Several religious traditions coexisted in China. The elite practiced Neo-Confucianism, the majority of the population adhered to the folk religion, and Buddhism was regarded by the authorities as a foreign religion. Christianity penetrated China several times but was later expelled. Catholic missionaries managed to gain a foothold only at the end of the 16th century. After the Opium Wars, Christian missionaries were officially allowed to work in China, and Protestantism began to spread alongside Catholicism. The spread of Christianity was hindered by anti-Western sentiments in society; Protestantism was particularly hindered by ancestor worship, which had a religious component. In the 1940s, Christians comprised less than 1% of the population, most of whom were Catholics. During the Cultural Revolution, all religious organizations were banned. Deng Xiaoping allowed religious activity again, and now the proportion of Protestants in the population exceeded 2%. The government was more favorable to Protestant churches, because they had control centers on the territory of the country. The development of Protestantism was facilitated by the fact that their main rival - the people's religion suffered significant damage in the era of Mao Zedong. Protestantism became more widespread in the Chinese diaspora of many other countries.

Keywords: China, Protestantism, Pentecostalism, Catholicism, folk religion, missionaryism, Communist Party.

Referenses

1. Afonina L.A. (2016). Gosudarstvennaja politika Kitajskoj Narodnoj Respubliki v sfere religij v period reform (1978-2015). [State Policy of the People's Republic of China in the Sphere of Religions during the Reform Period (1978-2015)] Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. [PhD Thesis] Moskva. 218 s.

2. Afonina L.A. (2016). Kitajskaja model' regulirovanija religioznoj dejatel'nosti. [Chinese Model of Regulation of Religious Activity] *Obshhestvo i gosudarstvo v Kitae*. [Society and State in China] N. 1(46). S. 542-553.

3. Bertova A.D. (2013). Hristianstvo v Japonii: opyt istoriko-religiovedcheskogo analiza. [Christianity in Japan: the Experience of Historical and Religious Analysis] Dissertacija na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. [PhD Thesis]. St. Peterburg. 226 s.

4. Gorohov S., Dmitriev R. (2022). Katolicizm v konfessional'nom prostranstve Bol'shogo Kitaja: territorial'nyj aspekt. [Catholicism in the Confessional Space of Greater China: Territorial Aspect] *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*. [State, Religion, Church in Russia and Abroad] N. 2(40).S 63-83.

5. Dacyshen V.G. (2007). Hristianstvo v Kitae: istorija i sovremennost'. [Christianity in China: History and Modernity] M.: Nauchno-obrazovatel'nyj forum po mezhdunarodnym otnoshenijam. [Moscow: Scientific and Educational Forum on International Relations]. 240 s.

6. Katolicheskaja jenciklopedija. (2011) [Catholic Encyclopedia]. M., Izdatel'stvo franciskancev. Tom 2. 1818 s.

7. Miazin N.A. (2022). Rasprostranenie pjatidesjatinichestva v stranah Latinskoj Ameriki. [The spread of Pentecostalism in Latin America] *Latinskaja Amerika* [Latin America] N. 9. S. 83-97.

8. Polnyj tekst Beloj knigi «Politika i praktika obespechenija svobody veroispovedanija v Kitae». (2018) [Full text of the White Paper, "The Politics and Practice of Religious Freedom in China] *Sin'hua Novosti*. 25.05.2018. [Xinhua News. 25.05.2018]. URL: http://russian.news.cn/2018-05/25/c_137206040.htm (accessed in: 02.05.2023).

9. Smertin J.G. (2018). Missija iezuitov v Kitae: pervyj dialog hristianskoj i konfucianskoj civilizacij (vtoraja polovina XVI v. - nachalo XVII v.). [Jesuit Mission in China: the First Dialogue of

- Christian and Confucian Civilizations (Second half of XVI Century - Beginning of XVII Century)]. *Studia Culturae*. N. 4(34). S. 91-102.
10. Ananta A., Arifin E.N., Hasbullah M.S., Handayani N.B., Pramono A. (2015). *Demography of Indonesia's Ethnicity*. Singapore Institute of Southeast Asian Studies. 384 p.
 11. Asian Americans: A Mosaic of Faiths. Pew Research Center. 19.07.2012.URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2012/07/19/asian-americans-a-mosaic-of-faiths-overview/> (accessed: 02.05.2023).
 12. Au C. (2020). Globalization and Asian Pentecostalism in the Twenty-First Century // *Pneuma*. N. 42. pp. 500-520.
 13. Bird W. (2023). *Global Megachurches - World's Largest Churches*, Compiled by Warren Bird, Ph.D. URL: <https://leadnet.org/world/> (accessed: 02.05.2023).
 14. Brown D., James P. Religious Characteristics of States Dataset Project - Demographics. V. 2.0 (RCS-Dem 2.0), Countries only. Center for Open Science. URL: <https://osf.io/7sr4m/files/osfstorage> (accessed: 02.05.2023).
 15. Census of Population 2020. (2021). Department of Statistics Singapore. 522 p. URL: <https://www.singstat.gov.sg/-/media/files/publications/cop2020/sr1/cop2020sr1.pdf> (accessed: 28.12.2023).
 16. End T., Aritonang J.S. (2008). 1800-2005: a National Overview (eds. Aritonang J.S., Steenbrink K.). *A History of Christianity in Indonesia*. Brill. pp. 137-228.
 17. Ezenweke E., Ikechukwu K. (2012). «Perspectives of Syncretism and its Modern Trend: A Case of Christian and African Traditions» // *Unizik Journal of Arts and Humanities*. N. 2(13). pp. 71-84.
 18. Haugen H.O. (2013). African Pentecostal Migrants in China: Marginalization and the Alternative Geography of a Mission Theology // *African Studies Review*. N. 1(56). pp.81-102.
 19. Helle H. (2017). *China: Promise or Threat?* Leiden. 174 p.
 20. Hong Kong: The Facts. Religion and Custom. Home and Youth Affairs Bureau. (2022). URL: <https://www.gov.hk/en/about/abouthk/factsheets/docs/religion.pdf> (accessed: 02.05.2023).
 21. Huang K.H. (2016). Sect-to-Church Movement in Globalization: Transforming Pentecostalism and Coastal Intermediaries in Contemporary China // *Journal for the Scientific Study of Religion*. N. 2(55). pp. 407-416.
 22. Laamann L.P. (2015). Christianity, Magic and Politics in Qing and Republican China // *Central Asiatic Journal*. N. 1-2(58). pp. 89-105.
 23. Malek R. (2015). *Christendom and its Manifestations in China Today*. (ed. Deeg M.) Religion in China: Major Concepts and Minority Positions. Vienna. pp. 113-142.
 24. Mariani P.P. (2014). The First Six Chinese Bishops of Modern Times: A Study in Church Indigenization // *The Catholic Historical Review*. N. 3(100). pp. 486-513.
 25. McLeicer M. (2019). Popular Christianity, Sensation, and Ling'en Authority in Contemporary China // *Asian Ethnology*. N. 1(78). pp. 127-154.
 26. Missick S.A. (2000). Mar Thoma: the Apostolic Foundation of the Assyrian Church and the Christians of St. Thomas in India // *Journal of Assyrian Academic Studies*. N. 2(XIV). pp.33-61.
 27. Ni Z. (2011). Rewriting Jesus in Republican China: Religion, Literature, and Cultural Nationalism // *The Journal of Religion*. N. 2(91). pp.223-252.
 28. *Population Distribution and Basic Demographic Characteristics 2010*. (2011). Department of Statistics, Malaysia. 134 p.
 29. Stark R., Liu E.Y. (2011). The Religious Awakening in China // *Review of Religious Research*. N. 3(52).pp. 282-289.
 30. Sun Y. (2017). The Rise of Protestantism in Post-Mao China: State and Religion in Historical Perspective // *American Journal of Sociology*. N. 6(122). pp. 1664-1725.
 31. Taiwan yearbook. Government Information Office. (2005). URL: <https://web.archive.org/web/20070708213510/http://www.gio.gov.tw/taiwan-website/5-gp/yearbook/22-Religion.htm> (accessed: 02.05.2023).
 32. Weller R.P. (2015). Global Religious Changes and Civil Life in Two Chinese Societies: a Comparison of Jiangsu and Taiwan // *The Review of Faith & International Affairs*. N. 2(13). pp.13-24.
 33. Wenzel-Teuber K. (2017). *Statistics on Religions and Churches in the People's Republic of*

China - Update for the Year 2016 // Religions & Christianity in Today's China. N. 2(7). pp. 20-43.

34. 2021 Population Census. Summary Results. (2022). 2021 Population Census Office. Census and Statistics Department. Hong Kong. URL: <https://www.census2021.gov.hk/doc/pub/21c-summary-results.pdf> (accessed: 02.05.2023).

Об авторе

Мязин Николай Александрович – доцент кафедры государственного и муниципального управления Калужского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Россия), e-mail: marknote@rambler.ru

Miazin Nikolai Alexandrovich – Associate Professor, Department of State and Municipal Management, Kaluga Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia).

УДК 94(73)"1830/1857"

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПЕРВЫЕ СВЕДЕНИЯ О МОРМОНАХ В РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (1850–1857 гг.)

В статье рассматриваются первые сведения о мормонах (Церкви Иисуса Христа Святых последних дней) в России, содержащиеся в сообщениях, заметках и статьях в периодической печати (1850–1857 гг.). Уникальный феномен мормонов и успешное освоение ими обширных территорий в районе Большого Соленого озера и Скалистых гор привлекали внимание современников не только в США, но и в других странах. Проведен анализ сведений о религиозной организации, ее особенностях, основных идеях, возникновении, истории и перспективах, содержащихся в российской периодической печати. Показано, что первые отечественные исследователи приводили в основном достоверные сведения о раннем мормонизме. Религиозное движение мормонов было основано пророком Джозефом Смитом-младшим (1805–1844) в западных районах штата Нью-Йорк в 1830 г. К новому религиозному движению в 1830–1840-е гг. присоединились десятки тысяч сторонников, включая многочисленных обращенных иммигрантов из Канады и Западной Европы. Отечественные журналисты и публицисты отмечали, что мормоны постоянно подвергались преследованиям и вынуждены были мигрировать на Запад США. После гибели первого пророка от рук местных ополченцев в 1844 г. их возглавил Бригам Янг (1801–1877). В 1847 г. под его руководством началось переселение мормонов в Западную Америку на территорию Юты, где они создали квазигосударственное образование, просуществовавшее до 1890-х гг. В отечественных периодических изданиях в 1850-е гг. наряду с достоверными сведениями содержались также нелепые слухи, необоснованные предположения, мифы, искаженная, а иногда и абсолютно ложная информация о мормонах. Во многом это было связано с противоречивостью ранней истории мормонов и непроверенными данными о них, распространявшимися в американской и европейской публицистике и журналистике XIX в.

Ключевые слова: новые религиозные движения в XIX в., история Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, мормоны в США в 1830–1850-е гг., Джозеф Смит-младший, Бригам Янг, отражение исторических событий в российской периодической печати.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-77-83

Введение. Внимание российской периодической печати в середине – второй половине XIX в. было приковано преимущественно к событиям в странах Западной и Восточной Европы. Большое внимание уделялось Франции. Европа во всех смыслах была ближе к России, чем Новый Свет. Тем не менее, на страницах русской прессы содержались отдельные заметки и относительно большие по объему статьи, посвященные Соединенным Штатам. Интерес вызывали: природа Америки, освоение западных земель, американская экономика, строительство железных дорог, отношения с индейцами, сенсационные новости, связанные с «золотой лихорадкой» в Калифорнии, «которая сделалась обетованною странюю всех искателей приключений», практицизм и деловые качества американцев, их новые открытия в технике и изобретения [4; 5; 6; 7; 9; 10].

О восприятии Северной Америки в 1850-е гг. в России можно составить представление по публицистике известного

писателя и востоковеда-полиглота О.И. Сенковского (1800–1858). По его мнению, «Соединенные Северо-Американские Штаты» – «земля, во всех главных отношениях чрезвычайно похожая на Россию – так же обширна и обильна, как Россия, так же редко населенная». В этой стране «на равном с нами пространстве обитает только треть нашего народонаселения», поэтому она «так же по превосходству земледельческая и так же наделенная разнородными климатами». «Природные богатства этой земли, подобно богатствам русской, разбросаны на огромных пространствах, так что богатствами и назвать их нельзя..., они, скорее, простая, нередко разорительная собственность...». «...Это – земля скорее бедная, чем богатая, во всех других отношениях, кроме земледельческого...» [7, с. 397–398]. Возникшие в этой стране мормоны, попытавшиеся на незаселенных западных территориях Северной Америки реализовать на практике свою религиозную утопию, выглядели невероятным явлением.

В историографии тема данной статьи является практически неисследованной. Предшественником в изучении проблематики являлся историк, религиовед, публицист, главный редактор журнала «Наука и религия», пресс-секретарь Федерального архивного агентства Российской Федерации (Росархива) Сергей Георгиевич Антоненко (1974-2021). В своей книге и статьях он охарактеризовал восприятие Святых последних дней и их идей российскими дореволюционными писателями, литераторами, философами в период 1857–1917 гг., а также представил информацию о мормонах, которая печаталась в советских изданиях 1917–1991 гг. Антоненко также упомянул и работы отечественных постсоветских исследователей «мормонского вопроса» 1990-х – 2000-х гг. [1, с. 102–103; 2].

Объекты и методы исследования.

Упоминаний о мормонах в отечественной периодической печати до 1850 г. мною обнаружено не было. Справедливо с большой долей вероятности утверждать, что сообщения в российских журналах в 1850-1857 гг. являлись первыми сведениями о Святых последних дней, опубликованными в нашей стране. Российские журналисты и публицисты называли регион, населенный Святыми последних дней, «Утахом» (т.е. Ютой), «Дезеретом», «Землей Мормонов» и «Соляной пустыней» [11]. Сведения о мормонах публиковались на страницах журналов «Москвитянин», «Отечественные записки», «Пантеон» и «Русский Вестник». Значительное внимание авторы публикаций уделяли истории о том, как Джозеф Смит нашел Книгу Мормона – золотые пластины, якобы содержавшие Священное Писание древних американцев-нефийцев. Сакральные тексты были записаны и впоследствии спрятаны нефийским пророком, полководцем, историком и хранителем летописей Мормоном, жившим по преданию в IV в. н.э. Не менее важными сюжетами в отечественных журналах было описание миграции мормонов в Юту и их жизни на новых землях.

Появившиеся в российской прессе в 1850-е гг. публикации о мормонах, как правило, являлись переведенными с иностранных языков сочинениями. Ранее они уже издавались в странах Западной Европы (часть

из них была отчетами о путешествиях на Дальний Запад). Также это были статьи, написанные отечественными журналистами и публицистами на основе сообщений в заграничных изданиях. Первые публикации о мормонах в Российской империи отличались разным уровнем объективности и научности. Они представляют различную ценность для исторической науки. Как правило, в них создавался противоречивый образ мормонов и их лидеров. Задачей данной статьи является исследование того, насколько разносторонне и правильно освещались мормоны в отечественной периодической печати в рассматриваемый исторический период.

Результаты и их обсуждение. В мартовском номере за 1850 г. журнала «Москвитянин» в разделе «Разные известия» появилась статья «Мормоны», которая содержала вместе с достоверными сведениями о новой религиозной организации множество ошибок и неточностей. Появление мормонов автор статьи считал настоящим чудом: «... в числе всех чудес американской жизни преимущественно внимание привлекает к себе общество *святых кончины мира*, или, как обыкновенно называют их, секта *Мормонов*». «Возле Большого Соленого озера, среди своих набожных собраний и обработки полей с пшеницей и картофелем» они образовали «дивный штат» с «главным городом Новый Иерусалим», построенным «не из сапфира, а из кирпичей». Упорный труд, «тяжелая работа», преодоление серьезных испытаний и трудностей, привели к «чрезвычайно быстрому процветанию Сиона». «И подлинно, происхождение этой секты принадлежит к числу глупостей; но за то история ее движения от Иллиноя (Иллинойса) к Тихому океану должна быть причислена к необыкновенным явлениям нашего века» [8, с. 30–31].

Достаточно подробно в статье описывались события, связанные с «различными откровениями» и нахождением с помощью Ангела в 1825 г. (на самом деле – в 1823 г.) «Джое Смитом из штата Вермона (Вермонт)» Книги Мормона. «Наставление на новоегипетском языке», написанное на «медных досках» (в действительности – на золотых листах или пластинах) являлось «странным произведением ума». Также в статье кратко излагается основное содержание Книги

Мормона: история переселения древних евреев «со времен Езекии» в Новый Свет и их жизнь на новом месте (600 г. до н.э. – 400 г. н.э.), происхождение племен американских индейцев от мигрировавших израильтян, которые «1 500 лет вели кровавые войны», появление в Америке Иисуса Христа после воскресения и обращение им местного населения и т.п. «...Спаситель после своего Воскресения явился в Америке и ввел здесь Библию, Пророков, Апостолов и т.п.», но «народ погряз во грехах, и последний Пророк написал *Book of Mormon* (книгу Мормона) на упомянутых медных досках, которые спрятал в земле, пока они, явившись снова, не будут приняты к исполнению воли Божией при кончине мира». Автор статьи о мормонах делался из данных событий справедливый вывод: «Все доказывает совершенное незнание истории». [8, с. 31]. В статье приводятся достоверные факты из истории мормонов: их миграция в 1830-е гг. в штат Миссури, откуда они были изгнаны в Иллинойс, поскольку «Смит, как глава этой секты, хотел господствовать». «Обвинения против Мормонов становились все жесточе, и наконец вспыхнула война: сделано было нападение на город Нову (Наву)». Затем последовало изгнание мормонов из построенного ими города в Иллинойсе в сентябре 1846 г. после вооруженного конфликта. Мормоны вынуждены были организованно переселиться за реку Миссисипи на Запад.

Летом 1848 г. «передовой их отряд, около тысячи человек, перешел Утесистые (т.е. Скалистые) горы и поселился в стране возле пристани св. Франциска» (здесь путаница: известно, что группа мормонов в количестве 238 чел. высадилась с корабля «Бруклин» («Бруклинские святые») в районе залива Сан-Франциско в июле 1846 г., а первый отряд мормонских пионеров прибыл в долину Большого Соленого озера 24 июля 1847 г.). «Тут они вскоре положили основание штата и приступили к постройке города. Неимоверны трудности, которые надо было им преодолеть в этой стране» [8, с. 31–32]. Например, «в первые два года их поселения кобылки пожирали хлеб на поле и готовили им голодную смерть». Но «наконец с озера тучей слетелись чайки, и с жадностью напали на кобылок». «Таким образом, в несколько

недель кобылки совершенно были уничтожены». «Теперь путешественник, проходя по новому Штату, основанному Мормонами и называемому Дезерет, видит одно безмерное поле, засеянное пшеницей, по крайней мере в 10 тыс. акров» [8, с. 32]. Здесь описана мормонская легенда, известная как «чудо с чайками». В июне 1848 г. калифорнийские чайки якобы чудесным образом спасли урожай и избавили сельскохозяйственные угодья Святых последних дней от нашествия саранчи или «мормонских сверчков» (англ. Mormon crickets, лат. *Anabrus simplex*) – местных крупных нелетающих кузнечиков.

В 1853 г. в журнале «Отечественные записки» появилась статья «Большое Соленое озеро в Северной Америке», в которой подробно освещалась топографо-геодезическая экспедиция под командованием капитана Стэнсбюри (Стэнсбери) (август 1849 г. – июль 1850 г.). Речь идет о деятельности в Юте подразделения Корпуса инженеров-топографов США во главе с офицером Говардом Стэнсбери (1806-1863), изучавшего в 1849-1851 гг. труднодоступные районы Дальнего Запада. По заданию Конгресса США экспедиция должна была исследовать область Соленого озера, где нашли «убежище» мормоны. Первоначально мормоны отнеслись враждебно к деятельности Стэнсбери, опасаясь, что Конгресс якобы «намерен продать с публичного торга вновь обработанные ими земли, а их самих прогнать». Однако после личной встречи капитана с пророком Брейгамо-Юнгом (Бригамом Янгом) экспедиция заручилась всесторонней поддержкой мормонов и успешно осуществила намеченные работы. Стэнсбери первый в американской истории со своими людьми обошел все озеро и изучил прилегающие территории [3, с. 44–45].

Отчет об экспедиции Стэнсбери содержал интересные сведения о населении, экономике Юты, образе жизни Святых, природе «Страны Мормонов» и ее двух главных городах – Солт-Лейк-Сити и Огдене. Юта отличалась солеными почвами, недостатком пресной воды, обильными снегопадами зимой, но также наличием «плодоносных долин» и «богатых пажитей», благоприятных для выпаса скота даже в зимний период. «Плодородие земли здесь чрезвычайное. Средний урожай бывает сам-40. Ранние морозы мешают

возделыванию маиса; но свекла, репа и в особенности картофель достигают удивительных размеров и лучшего качества». «В городе Соленого озера (Солт-Лейк-Сити) есть уже фабрика ножей, суконная, горшечная, и строится сахарный завод. Если вспомнить, что четыре года тому назад здесь была бесплодная пустыня, то в будущем от развития этой колонии можно ожидать многого». «Все жилища колонии, как снаружи, та и внутри, обнаруживают видимое благосостояние жителей» [3, с. 49]. «В северной части города есть источник горячих вод, которые искусно проведены в разные заведения общественных бань. Во время экспедиции Стенсбюри было в этом городе 8 тыс. жителей; в числе зданий есть монетный двор» [3, с. 48–49].

Любопытны зарисовки о жизни и быте первопоселенцев в мормонских поселениях в Юте. Из-за перенаселенности зимой 1849/1850 гг. большая часть пионеров «должна была жить на улице, в телегах, превратив их в палатки, нагреваемые печами и обитые коврами». «Безопасность, с которой несколько сот людей жили на улице, свидетельствует о честности и порядке этой колонии» [3, с. 46]. Мормоны стараются никого не обманывать. «Полицейские законы строго у них выполняются». «Все товары при ввозе платят здесь 1% со своей ценности, кроме крепких напитков, которые обложены 50%. Этот огромный акциз наложен для того, чтоб воздерживались от пьянства». «В торговле Мормоны честны и добросовестны... Права собственности здесь свято почитаются, и законы строго преследуют каждое нарушение их. Стенсбюри бывал часто на балах и вечерах Мормонов. Никогда он не видел ни одной ссоры: все были веселы, разговорчивы, любезны и спокойны» [3, с. 49]. «По выступлении своем отсюда, капитан встретил еще 95 телег Мормонов. Это был авангард нового переселения, для усиления этой колонии. Перед ним шли два больших стада баранов. Каждая телега была запряжена тремя, или пятью парами волов. Телеги были наполнены женщинами, детьми, гусями и индейками. Всего было в этом отряде 500 чел., 1 000 быков и 100 баранов» [3, с. 47].

В статье о Большом Соленом озере делались прогнозы о будущем «мормонского царства»: «Отдельные колонии Мормонов

основывались в долине Сен-Пете, в 150 милях отсюда по дороге к Калифорнии, и другие в 250 милях на широкой реке, близ лесов, угольных копей, железных и квасцовых руд. Последнее селение названо: *городом кедров*. Таким образом, до Тихого океана все будут возделанные земли и проложенные дороги» [3, с. 49].

В отечественной периодической печати в подробностях описывались некоторые эпизоды из истории мормонов в период 1830–1857 гг., но в них часто содержались фактологические ошибки и неверная информация. Так, в опубликованных отрывках из отчета Стэнсбери утверждалось, что мормоны «возникли в 1830 г. в Киртланде, в штате Огио; но тамошние жители не хотели терпеть их соседства и прогнали их в штат Иллиной, где на берегах Миссисипи они основали город Ниву, достигнувший вскоре цветущего состояния. Здесь они жили спокойно до 1844 г.; но окрестные жители и тут требовали их изгнания. Принужденные уступить, они решились удалиться в пустыню, и в феврале 1846 г. переправились в город Иозе. Здесь им тоже отказали в убежище, и они пошли за границы Соединенных Штатов. Здесь на берегах Миссисипи остановились они и засеяли некоторое пространство земли, чтоб основать колонию. Вдруг явился отряд североамериканских войск и потребовал от них 500 чел. рекрутов для мексиканской войны». Здесь речь идет о знаменитом Мормонском батальоне, отличившемся в период Американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. Считалось, что «это было лучшее войско в числе американских волонтеров». В 1850 г. территория мормонов Юта официально вошла в состав США. «Вскоре, вероятно, они составят собственный штат, который будет принят в Союз». «Мормоны уже послали в Вашингтон просьбу о принятии *их штата* в Союз» [3, с. 48].

В журнале «литературно-художественном» «Пантеон» в 1856 г. печатались очерки о поездке европейского путешественника в Северную Америку. Он посетил «небольшой городок в Иллиное, *Новоо* (Наву), где секта Мормонов давно уже основала свою главную квартиру. Там видны еще остатки их величественного храма; прекрасное здание, довольно поместительное для 3 тыс. чел.; но оно было превращено в пепел по злому умыслу 9 октября 1848 г.; оно стоило полмиллиона

долларов (560 т. руб. сер.). За четыре года до пожара основатель мормонизма Джозеф Смит был убит чернью в темнице Новоо. Джозеф (Иосиф) Смит – уроженец штата Вермонта; в слишком молодых годах ему пришлось в голову подражать Магомету и учредить новую секту. Без особенного труда он уверил своих приверженцев, что получил от неба алкоран; ему достаточно было для этого представить им большую книгу ... на греческом языке. Конечно, он наперед уверился, что из множества последователей ни один не понимал ни слова, даже не знал азбуки этого языка. Когда Мормоны переменили свое местопребывание, богатейший город сделался владением и жилищем начальников великого магистра икарийцев Кабе» (община французских утопистов – икарийских коммунистов существовала в Наву в 1849–1860 гг.). «Что касается Мормонов, все эти сектанты в числе 11 т. живут на земле, называемой *Утах*, лежащей на многие сотни льё к западу от Миссисипи, почти у Соленого озера [9, с. 11]. Новый штат, составленный ими недавно, управляется губернатором, примерным и ревностным последователем одного из главных пунктов учения Мормонов, именно, утверждающего неограниченное многоженство». «Другая добродетель этих сектантов есть унижение себя, но, как бы сказать, унижение навыворот; потому что они и все и каждый признают себя святыми». В середине 1850-х гг. в Европу пришли известия, что «Мормоны возмутились против американских властей в своей новой колонии Утах, которая, как известно, недавно включена, как штат, в общий состав Соединенных Штатов». В российских журналах также печатались анекдоты о Святых последних дней. В качестве примера приведем один из них: «У этого достойного президента (имеется ввиду пророк Бригам Янг), как говорили нам, 24 жены и уверяют, несколько месяцев назад, он прогуливался в коляске с 16 супругами, из которых 14 кормили грудью детей своих» [9, с. 12].

Российская пресса констатировала «успехи» мормонов не только в строительстве Нового Иерусалима – Сиона в Америке, но и в проведении миссионерской работы в Европе. «Недавно происходила в Лондоне их шестая годовичная конференция. Из речей, произнесенных по этому случаю, видно, что общество процветает. На издержки

переселения в Америку было собрано 50 тыс. франков в нынешнем году. В Швейцарии долгое время мормонов почти не было. Теперь число их увеличилось. В конце августа (1857 г.) на Цюрихском озере происходил торжественный обряд крещения их новообращенных. В длинных рубашках мужчины и женщины погружались в озеро при большом стечении народа. Полиция не мешала церемонии, но со стороны толпы не обошлось без насмешек и побоев сектаторам» [12, с. 55].

В 1857 г. российская периодическая печать с тревогой сообщала об угрозе возможного конфликта правительства США с мормонскими ополченцами в Юте (известного как Ютская война 1857-1858 гг.). «Экспедиция в Утаг (Юту) против мормонов, задержанная происшествиями в Канзасе, началась теперь. Нельзя не пожелать, чтоб эта безнравственная и вредная секта наконец унялась. Деспотизм, с которым управляет обществом «святых» президент их Бригам Йонг (Янг), не имеет пределов. Он раздаёт, например, старикам молодых девушек, допускает всякого рода своеволие и со стороны своих подчиненных. Убийствами нередко заключаются митинги мормонов» [12, с. 59]. «По последним известиям из Утага мормоны намерены сопротивляться союзному войску» (т.е. федеральной армии) [12, с. 113]. «Кажется, что мормоны готовятся к упорной обороне. Великий первосвященник Брейгам Йонг запретил издание мормонского журнала и повелел закрыть все их храмы. По-видимому, эти меры находятся в связи с предстоящей войной» [12, с. 167].

Заключение (выводы). Таким образом, первоначально сведения о Святых последних дней в России носили в определенной степени мифологизированный и искаженный характер. Мормонская религия привлекала внимание читающей публики, поскольку являлась экзотическим явлением для России и россиян в XIX в. Непроверенные слухи и невероятные домыслы наполняли страницы печатных изданий. Публиковались курьезные случаи, ужасные истории и анекдоты о мормонах, способствовавших формированию их негативного образа в общественном сознании. Наличие подобных сообщений о жизни мормонов и особенностях их вероучения можно объяснить отдаленностью американского континента и отсутствием у Российской империи в

середине XIX в. нормальная коммуникация с ним. Но степень достоверности информации о мормонах в периодической печати постоянно возрастала, а тональность в их оценках менялась. Многие опубликованные в 1850-е гг. статьи были выполнены на высоком уровне. В них содержалось подробное описание истории Святых с момента зарождения этого религиозного движения, анализ их быта и образа жизни в Юте, приводились разнообразные дополнительные сведения об Америке и мормонах. В итоге в русских периодических изданиях была создана целостная и во многом правдивая картина мормонизма. В 1856-1857 гг. по мере назревания конфликта между мормонской церковью и федеральным правительством в периодической печати России

мормонов начали рассматривать как антиобщественную и антигосударственную силу. Но авторы статей оказались неспособными к глубокому анализу и, как правило, не понимали природу верований, основания популярности данного движения и причины гонений на него (каковыми являлись полигамия и религиозно-политический радикализм). Создание Сиона – реализация религиозной утопии на пустынных землях возле Большого Соленого озера в окружении Скалистых гор рассматривалось как настоящее чудо. Современники событий сумели детально описать, но не смогли объективно изучить, понять и объяснить мормонизм, тесно связанный с общественными явлениями на Западе, миграционными и колониционными процессами в Америке.

Список литературы

1. Антоненко С.Г. Мормоны в России. Путь длиной в столетие: Опыт историко-культурного исследования. М.: ООО «Родина», 2007. 304 с.
2. Антоненко С.Г. Путь длиной в столетие. Формирование образа мормонов в российском общественном сознании // Родина, 2007. №8. С. 116–121.
3. Большое Соленое озеро в Северной Америке // Отечественные записки, 1853. Т. 90. №10. С. 42–49.
4. Золотые прииски в Калифорнии // Москвитянин, 1849. Январь. №1. Кн.1. С. 57–58.
5. Железная дорога от Атлантического к Тихому океану // Современник, 1856. Т.60. №11. С. 134–141.
6. Калифорнийское золото // Москвитянин, 1849. Октябрь. №19. Ч.1. С. 45.
7. Листки Барона Брамбеуса. Ч. 1. СПб.: Типография И.И. Глазунова и Комп., 1858. 420 с. (еженедельные статьи 1856 г. О.И. Сенковского, печатавшиеся в журнале «Сын Отечества», изданные отдельной книгой).
8. Мормоны // Москвитянин, 1850. Март. №5. Ч.2. С. 30–32.
9. Олифф Ш. Северная Америка в наше время. Ч. 1 // Пантеон, 1856. Т.26. №4. С. 1–48.
10. Путешествие из Парижа в Сан-Франциско (Сцены калифорнских нравов) // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений, 1856. 15 марта. Т. 89. №354. С. 109–133.
11. Путешествие немецкого туриста по Американскому матерiku из Сан-Луи в Калифорнию // Пантеон, 1856. Т. 26. №4. С. 62.
12. Русский Вестник. Современная летопись, 1857. Т. 11. С. 55, 59, 113, 167.

THE FIRST INFORMATION ABOUT MORMONS IN THE RUSSIAN PERIODICALS (1850–1857)

The article examines the first information about the Mormons (the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints) in Russia, contained in messages, notes and articles in the periodical press (1850–1857). The unique phenomenon of the Mormons and their successful development of vast territories in the Great Salt Lake and Rocky Mountains attracted the attention of contemporaries not only in the United States, but also in other countries. An analysis of information about the religious organization, its features, main ideas, emergence, history and prospects contained in the Russian periodicals was carried out. It is shown that the first domestic researchers provided mostly reliable information about early Mormonism. The Mormon religious movement was founded by the Prophet Joseph Smith, Jr. (1805-1844) in western New York in 1830. Tens of thousands of supporters joined the new religious movement in the 1830s and 1840s, including numerous converted immigrants from Canada and Western Europe. Domestic journalists and publicists noted that Mormons were constantly persecuted and forced to migrate to the Western United States. After the death of the first prophet at the hands of local militias in 1844, they were led by Brigham Young (1801-1877). In 1847, under his leadership, the migration of Mormons

to Western America began on the territory of Utah, where they created a quasi-state entity that existed until the 1890s. In the Russian periodical press in the 1850s, along with reliable information, there were also ridiculous rumors, unfounded assumptions, myths, distorted and sometimes completely false information about Mormons. This was largely due to the inconsistency of the early history of the Mormons and the unverified data about them that was distributed in American and European journalism of the XIXth century.

Keywords: new religious movements in the XIXth century, the history of the Church of Jesus Christ of Latter-day Saints, Mormons in the USA in the 1830s–1850s, Joseph Smith Jr., Brigham Young, the reflection of historical events in the Russian periodical press.

References

1. Antonenko S.G. (2007). *Mormony' v Rossii. Put' dlinoj v stoletie*. [Mormons in Russia. A way of century] M.: ООО «Rodina». 304 s.
2. Antonenko S.G. (2007) *Put' dlinoj v stoletie. Formirovanie obraza mormonov v rossijskom obshchestvennom soznanii* [A century-long path. The formation of the image of Mormons in the Russian public consciousness] // *Rodinaro* N. 8. S. 116–121.
3. *Bol'shoe Solenoe ozero v Severnoj Amerike (1853)* [The Great Salt Lake in North America] // *Otechestvennye zapiski*. T.90. N.10. S. 42–49.
4. *Zolotyie priiski v Kalifornii (1849)* [Gold mines in California] // *Moskvityanin. Yanvar'*. №1. Kn.1. S. 57–58.
5. *Zheleznaya doroga ot Atlanticheskogo k Tihomu okeanu (1856)* [The railway from the Atlantic to the Pacific Ocean] // *Sovremennik*. T.60. N. 11. S. 134–141.
6. *Kalifornijskoe zoloto (1849)* [Californian gold] // *Moskvityanin. Oktyabr'*. N.19. Ch.1. S. 45.
7. *Listki Barona Brambeusa. (1858)*. [The leaflets of Baron Brambeus]. CH. 1. SPb.: Tipografiya I.I. Glazunova i Komp. 420 s. (ezhenedel'nye stat'i 1856 g. O.I. Senkovskogo, pechatavshiesya v zhurnale «Syn Oteche-stva», izdannye otdel'noj knigoj).
8. *Mormony (1850)* [Mormons] // *Moskvityanin. Mart*. N. 5. Ch.2. S. 30–32.
9. *Oliff Sh. (1856) Severnaya Amerika v nashe vremya. Ch. 1* [Oliff Sh. North America in our time. Part 1] // *Panteon*. T. 26. N. 4. S. 1–48.
10. *Puteshestvie iz Parizha v San-Francisko (Sceny kalifornskih nravov) (1856)* [Travel from Paris to San Francisco (Scenes of Californian morals)] // *Zhurnal dlya chteniya vospitannikam voenno-uchebnyh zavedenij*. 15 marta. T. 89. N. 354. S. 109–133.
11. *Puteshestvie nemeckogo turista po Amerikanskomu materiku iz San-Lui v Kaliforniyu (1856)* [A German tourist's journey across the American continent from St. Louis to California] // *Panteon*. T. 26. N. 4. S. 62.
12. *Russkij Vestnik. Sovremennaya letopis' (1857)* [Russian Bulletin. Modern chronicle]. T.11. S. 55, 59, 113, 167.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

УДК 944.04.1

Самсаров А.И., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия).

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И КРУГ ОБЩЕНИЯ ТАЛЕЙРАНА НАКАНУНЕ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В статье характеризуется малоизвестный период жизненного пути одного из крупных деятелей Великой французской революции – Шарля Мориса Талейрана. То было время его молодости и начало карьеры священнослужителя. Одновременно происходило становление общественно-политических представлений. Изучение этой фигуры несомненно важно, поскольку Талейран сыграл одну из ключевых ролей в таких переломных событиях революции, как: отмена сеньориальных привилегий, принятие Декларации прав человека и гражданина, секуляризация имущества церкви, становление дипломатических и финансовых инициатив Конституанты. В мировую историю он вошел прежде всего как выдающийся дипломат. Махинации коррупционеров, неприязнь к церкви и масонские интриги – все это приписывали именно ему. Его представляли неким депутатом – дельцом, тесно связанным с так называемой новой буржуазией. Внимательное изучение его молодости, похоже, плохо согласуется с подобными представлениями и версиями. Это был человек с трудным детством и врожденным заболеванием. Его поведение напоминало стиль жизни многих молодых дворян своего времени. Так же, как и они, он состоял в масонской ложе, посещал салоны, был внимателен к новым общественным веяниям. Уже при Старом порядке этот дворянин и епископ склонялся к переменам. Начавшаяся революция ускорила данный процесс.

В настоящем исследовании уделяется первостепенное внимание малоизученным ранее моментам биографии Талейрана, складыванию его общественно-политических представлений. Речь в статье идет также о широких связях молодого человека в финансовых и дипломатических кругах. Характеризуется сквозь призму деятельности Талейрана и светская жизнь в Париже до революции.

Ключевые слова: Французская революция, Талейран, Мирабо, дипломатия, масоны, Париж, физиократы, Просвещение.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-84-91

Введение. Шарль Морис Талейран – весьма противоречивая фигура в истории Франции. Исследователей привлекали как его бурное прошлое, так и изменчивая политическая позиция. Историки хотели найти ответ на вопрос, как такой влиятельной фигуре удавалось оставаться в верхних эшелонах власти во время революции, империи Наполеона и Реставрации. В отечественной историографии Талейран удостоился в основном отрицательных оценок. Авторы рисовали сугубо его ловецом, коррупционером и политическим хамелеоном. Между тем, исследование его деятельности в конце Старого порядка показывает нам Шарля Мориса весьма прогрессивным деятелем новой формации, интересующимся литературой, экономикой и дипломатией.

Объект и метод исследования. Объектом исследования является общественная и политическая жизнь Франции в 70-е – 80-е годы XVIII в. Используются историко-сравнительный и ретроспективный методы.

Результаты и их обсуждение. Со времен юности Талейран увлекался чтением различных книг. В свое время, проходя обучение

в семинарии Сен-Сюльпис, Шарль Морис много времени посвящал библиотеке: «Я проводил там дни за чтением великих историков, жизнеописаний государственных людей, моралистов, некоторых поэтов – все это обладало для меня большой привлекательностью» [9, с.147]. В Сорбонне в его распоряжении была уже одна из лучших библиотек в Париже, насчитывавшая порядка 60 тысяч томов. В ней можно было найти произведения известных философов и мыслителей того времени: Локка, Лейбница, Спинозы, Кларка и Вольтера. Поселившись в особняке на улице Бельшас, аббат Перигор продолжил свое увлечение, занявшись обустройством собственной библиотеки. Ему удалось собрать превосходную библиотеку. В доме хранилось около двух тысяч книг, преимущественно светского содержания. В частности, на полках стояли работы по экономике таких авторов как: Кэне, аббата Бурдо, Мерсье де Ла Ривьера, Дюпона де Немура, Рейналя, Тюрго и Кондильяка. Впоследствии многие книги станут предметом целого ряда аукционов [21, p.201-202]. Каким авторам он

отдавал предпочтение и какие работы читал сказать сложно. В своих мемуарах Талейран это не конкретизировал. Скорее всего, он имел достаточно четкое представление обо всех течениях внутри французского Просвещения. Его поведение, высказывания, стиль руководства на посту генерального агента духовенства позволяют нам сделать предположение о его взглядах.

Талейран сочувствовал идеям Вольтера. Они встретились в 1778г. Философ был сторонником гибкого курса в государственном управлении. Важно отметить, что Вольтер не призывал к полному уничтожению религии. По его мнению, суть религии - борьба с неповиновением, а ее главная задача - пресекать всякое непослушание. Характерную черту вольтеровской морали составляет реабилитация чувственного человека, человека плоти, ее потребностей и наслаждений [2, с.8]. В основе справедливого мироустройства, по мнению того же Вольтера, лежат свобода и собственность.

Довольно много общего у Талейрана и с Монтескье. Это все тот же гибкий стиль руководства, лежащий в основе теории политического компромисса с любыми существующими социальными и политическими формами. В своем главном труде «О духе законов» автор констатировал: «Благо политическое, как и благо нравственное, всегда находится между двумя пределами... Люди всегда почти лучше уживаются с серединой, чем с крайностями» [7, с.159]. Монтескье много внимания уделял английскому государственному устройству, как одной из форм ограниченной монархии. В то время многие известные люди, противники радикальных изменений, считали такую форму правления образцовым для будущей Франции. Талейран, будучи не понаслышке знакомым с английскими порядками тоже грезил о медленном эволюционном пути развития французской монархии [5, с.70].

Вся его политическая и дипломатическая карьера буквально говорит нам, что он против резких радикальных перемен в обществе. Его не привлекали идеи, например, Жан Жака Руссо (за исключением, наверное, сентиментальных работ о воспитании), на которых во многом опиралась идеология робеспьеристов [8, с. 32].

Увлечение аббата Перигора экономикой привело его к знакомству с еще одним

течением Просвещения – школой физиократов. В то время во Франции обнаруживалось противоречие между требованиями экономического развития страны и господствовавшими в стране устаревшими сеньориальными отношениями. Это находило свое отражение во всех областях хозяйственной жизни Франции. Потребность в переменах назрела и в сфере торговли, и в сфере промышленности, и в финансовой политике государства, и в сельском хозяйстве. Жизнь ставила перед общественной мыслью Франции большие экономические проблемы, настоятельно требовавшие своего разрешения: свободы торговли и промышленности, подъема отсталого сельского хозяйства, проблему оздоровления финансов и т.п. Стало появляться много актуальной литературы [1, с.33]. Наиболее влиятельной в XVIII веке и наиболее значимой для дальнейшего развития экономической теории была, группа писателей-экономистов, известных под общим именем физиократов. Основателем и крупнейшим представителем школы физиократов был Франсуа Кенэ (1694-1774). Им были заложены основные идеи школы: право личной собственности на приобретенные для удовлетворения своих потребностей вещи; право частной собственности на вещи, созданные трудом человека; право на землю. Эти права вытекали из естественных законов и соответствовали общественным интересам. Необходимым условием благополучия человечества, по мнению Кенэ, являлось экономическое преуспевание. Для экономического процветания необходима полная свобода человеческой деятельности во всех экономических сферах - в сельском хозяйстве, промышленности и торговле. Государственное вмешательство в сферу экономики нарушает естественные права и приносит лишь вред. Всякая монополия наносит ущерб национальному доходу, а, следовательно, и населению. Верховная власть, устанавливая законы, ни в коем случае не должна посягать на естественный строй общества. Таким образом, основной принцип экономической политики физиократов – это полная свобода конкуренции. Очень скоро вокруг Кенэ сформировалась группа сторонников его новой экономической теории, состоявшая из Мирабо, Дюпона де Немура, Мерсье де ла Ривьера и других. Многие из них постоянно проводили время в особняке Талейрана за так

называемыми интеллектуальными завтраками. Вероятно, епископ Отенский был приверженцем умеренного крыла Просвещения.

Продолжая разговор об экономических увлечениях Шарля Мориса, нельзя не отметить тот факт, что это был весьма устойчивый интерес, перешедший в практическую фазу. Вместе со своим другом Лозеном Талейран становится одним из главных акционеров сразу двух компаний - угольной и торфяной, открытой в 1785-1786гг. Вложение капиталов в добывающую промышленность было в те годы делом новым и рискованным, но в то же время перспективным, сулящим прибыль. Во Франции еще только зарождалась металлургическая промышленность и потребность в угле была не высока. Торфяное топливо так же пока уступало в конкуренции дереву. Рискнув, Талейран получил хорошую прибыль около 34 тысяч ливров за год [23, р.89]. В Париже он находился в кругу виднейших капиталистов того времени: казначея флота Бодара де Сент-Джеймса, казначея военного министерства Мегре де Серийи, директора Индийской компании Огюстена Перье, спекулянтов аббата д'Эспаньяка и Радикса де Сент-Фуа, финансового интенданта Жозефа Фулона, генерального прокурора синдика Жана Фавье [22, р.59].

Вместе с этими людьми аббат де Перигор открыл все финансовые тонкости, уловки, комбинации, а также аферы. Среди них - Жозеф Франсуа Фулон, неудавшийся юрист и военный администратор периода Семилетней войны (1756-1763). Родился в Соmjуре в 1715г. Изучал право в Париже под руководством военного министра графа д'Аржансона, своего родственника. Во время войны завел влиятельные знакомства, в частности с маршалами Саксом и де Брогли. после мира 1763 г. поселился в Париже, чтобы выполнять функции статского советника при короле. Его большая финансовая и административная репутация побудила короля несколько раз безуспешно предлагать ему общий контроль над финансами. Фулон хотел применить строгую программу управления и реформ, от которых отказался король. Когда Талейран встретил его около 1780 года, он считался одним из лучших специалистов в области государственного административного и финансового управления. С этим уже пожилым и строгим человеком Шарль-

Морис открыл для себя работу государства во всей ее сложности.

Жан Луи Фавье родился в 1711г. в Тулузе. Рано заняв пост генерального прокурора синдика (вместо покойного отца), он вскоре уходит в отставку. Затем переехал в Париж и приступил к работе в сфере иностранных дел со своим соотечественником из Тулузы Жаном дю Барри. Исполнял обязанности агента по иностранным делам, специалиста по европейским договорам, секретаря французского посла в Турине. Участник секретных миссий в Испании и России. Карьера закончилась его заключением в Бастилии за просмотр конфиденциальной дипломатической переписки короля. Впоследствии при Людовике XVI граф Вержен даровал Фавье 40 000 ливров для погашения его долгов и пенсию в размере 2 000 экю. Участвовал в спекуляциях Сент-Фуа и в делах Жана дю Барри, поставщика продовольствия и фуража для королевских армий. Этот разочарованный, циничный, но талантливый человек и хранитель дипломатических тайн познакомил Талейрана с внешней политикой в ее официальных аспектах, но также и в ее тайнах [21, р. 283].

Но самым главным учителем в области экономики для Талейрана следует признать Паншо. Он родился в Лондоне около 1735 года. Его отец английский торговец родом из Швейцарии. Предприимчивый по духу, Исаак в молодом возрасте увлекся торговлей с Индией, путешествовал по Индийскому океану, затем постоянно перемещался между Парижем, Лондоном и Амстердамом, прежде чем в 1763 году поселиться в Париже, на улице Сен-Совер со своим зятем Жан-Франсуа Паншо из Берна. Вместе они становятся крупными акционерами английской и французской Ост-Индской компаний. Паншо участвовал во множестве разнообразных спекуляций. В 1780 году он через Шуазеля-Гуфье познакомился с Талейраном. Его репутация финансового теоретика была настолько велика, что он собрал вокруг себя школу убежденных и очень активных финансистов-любителей. В число последних входили граф де Лорагэ, Мирабо, Клавьер, будущий министр финансов Революции, Талейран, герцог де Лозен, Нарбонн и многие другие. Главной идеей Паншо было создание новой финансовой системы. Он и его английский единомышленник Прайс предлагали амортизировать государственный долг на регулярной

и постоянной основе путем отвлечения 1% от суммы каждого заключенного кредита и направления его на погашение долгов. Процент использовался для выкупа других ценных бумаг. Механизм амортизации облегчал государственный долг и придавал большую гибкость фондовому рынку и торговле ценными бумагами. В рамках этой программы Паншо добился создания в 1776г. финансового учреждения «Caisse d'Amortissement» (амортизационный фонд). Оно располагалась в Париже на улице Вивьен. Капитал организации составлял 15 миллионов ливров, разделенный на 5000 акций по 3000 ливров. Фактически это был настоящий банк, не имеющий титула, созданный чтобы сблизить интересы государства с интересами капиталистической торговли [23, р.95-97]. В 1783г. в фонде случился кризис. В связи с войной в Америке во Франции обнаружилась нехватка наличных денег. Капитал «Caisse d'Amortissement» оказался израсходованным. В числе узкого круга лиц, участвовавших в управлении этого финансового учреждения, мы находим и имя Талейрана.

Другим модным увлечением Шарля Мориса была игра на бирже. Можно смело утверждать, что в 1786-1787гг. он был одним из трех сильнейших биржевых маклеров Старого порядка. Вместе с Клавьером и аббатом д'Эспаньяком они получали значительную прибыль, действуя фактически от имени генерального контролера финансов Калонна.

Влечение Талейрана к дипломатии удовлетворялось контактами с влиятельными политическими деятелями. В 1783г. после отставки британский премьер-министр Уильям Питт Младший приехал в Реймс для знакомства с французской культурой. В это время там находился Талейран со своим дядей. Известно, что Питт останавливался в течение шести недель в апартаментах аббата Перигора в замке Сен-Тьерри. Молодые люди проводили много времени, обсуждая проблемы обоих государств [17, р.65]. Аббат был сторонником курса сближения с Англией, что противоречило ранее созданной дипломатической доктрине герцога Шуазеля. Последний мечтал о создании коалиции держав по религиозному признаку, католических против протестантских. В 1784г. Шуазель – Гуфье познакомил Шарля Мориса со своим дядей, находившемся в то время в Шантелу.

Там у генерального агента и герцога состоялся разговор о международной обстановке и политике. «Сейчас в мире происходит много катастрофических событий... Кто будет работать в министерстве иностранных дел? Мы не должны зарываться в бумаги и учиться в кабинетах. Вы, мой дорогой аббат, если не можете быть премьер-министром, вы можете быть послом...» - говорил герцог [20, р.15]. В этой беседе раскрывается образ государственного чиновника будущего, который станет качественно отличаться от нынешнего-эпохи Старого порядка. Шуазель, справедливо оценивая прозорливость и талант Талейрана, видел его одним из таких политических деятелей.

Во время этого визита аббат познакомился еще с одним единомышленником - профессором д'Отриве (1754-1830). Последний станет помощником Талейрана в 1798г. в министерстве иностранных дел. Дипломатической инициативой периода Старого порядка следует считать активное участие Шарля Мориса в секретной миссии Мирабо в Пруссии. Последний был не только другом, но и его компаньоном по биржевым спекуляциям. К его услугам даже прибежал сам генеральный контролер финансов Калонн. По его заказу Оноре написал две брошюры. Одна в поддержку фонда Паншо, другая против банка Испании. Но если первая помогла снять финансовый ажиотаж в стране, то вторая способствовала снижению стоимости акций банка для дальнейших спекуляций. Это вызвало протест посла Испании, и книгу запретили. Автор оказался в опале. Цель миссии - составить отчет о впечатлении, произведенном смертью Фридриха Великого, «позондировать» его молодого преемника и подготовить почву для крупного займа. Французское правительство надеялось в скором будущем сформировать тройственную коалицию совместно с Англией и Пруссией, направленную против империи Габсбургов [6, с.188]. Новое секретное предприятие финансировалось Калонном, контролировалось Министерством иностранных дел и находилось под непосредственным надзором Талейрана, единственного корреспондента Мирабо, ответственного за рассмотрение его отчетов до того, как они будут переданы министру Вержену и королю. Посланец действовал неофициально, но его донесения были очень ценны, во многом дополняя донесения французского посла графа

д'Эстерно. В течение одиннадцати месяцев (июль 1786 г. - май 1787 г.) аббат де Перигор был корреспондентом своего друга. Мирабо отправил более шестидесяти пяти информационных писем, то есть в среднем одиннадцать писем в месяц. Только три из них предназначались Лозену, остальные Талейрану [18, р.9-23].

Последний не только читал, но и редактировал сообщения для Верженна и Колона, а возможно и для самого короля. Талейран попросил своего будущего корреспондента дополнить его дипломатический анализ экономическими и финансовыми наблюдениями, полезными для спекулятивных операций. Существование таких замыслов подтверждает секретная переписка. В письме от 7 ноября 1786г. обсуждались планы открытия в Пруссии амортизационного фонда по системе Паншо либо, наоборот, во Франции развернуть деятельность совместного банка. Это способствовало финансовым операциям между Пруссией, Францией, Англией и Швейцарией. Такие проекты даже обсуждались с министром финансов и торговли Пруссии Шарлем Струенсе [19, р.114-340].

Во Франции конца восемнадцатого столетия появляется новое явление – так называемая общественно – политическая сфера. Последняя возникла непосредственно из другой сферы, общественно – литературной. Таким образом, частные лица получили возможность публично выражать свое мнение, не зависящее от королевского двора. Это способствовало развитию критического мышления и положило начало становлению гражданского общества [10, с.30-32]. Выразителями общественного мнения стали многочисленные философские и литературные салоны, кофейни, провинциальные академии. Эти внесословные объединения, расцвет которых пришелся на 1760-80-е гг., служили выявлению потенциальных лидеров, формированию интеллектуальных элит, просвещению в каждом городе, в каждой провинции; здесь устанавливались личные контакты интеллектуалов (философов, экономистов, публицистов) с государственными людьми и предпринимателями [4, с.15-50]. В Париже Талейран, подобно другим людям своего круга, пристрастился по вечерам посещать различные салоны, чтобы услышать новости, но и сыграть в вист. Например, в апреле 1787г. аббат Перигор проиграл 33800 ливров

Боллиуду де Сен-Жульену – сборщику налогов духовенства. Он посещал салоны министра финансов Неккера, мадам де Монтессон (любовницы герцога Орлеанского), мадам де Буффлер, герцогини де Полиньяк, виконтессы Лаваль-Монморанси, графини Луизы Роан де Брионн и другие. На вечеринках элегантно одетый Талейран закрепил за собой статус щеголя и остряка. География его парижских знакомств была весьма обширна.

Так, Луиза де Брионн была дочерью принца Шарля де Роан Монтобана, супругой Шарля де Лорена, графа Брионского. Об этой красивой женщине Талейран впоследствии писал: «С ней я провел самые приятные годы моей юности» [22, р.93]. Графиня явно благоволила ему. В 1784г. она даже писала шведскому королю Густаву III, чтобы тот ходатайствовал перед папой Пием VI о назначении аббата Перигора кардиналом. Но вариант не прошел, возможно, из-за громкого дела об ожерелье королевы. В процессе одним из обвиняемых проходил кардинал Роан, а графиня была его кузиной [17, р. 67]. Такое внимание со стороны мадам Брионн Талейран прекрасно компенсировал, будучи ее молодым любовником (графиня была на двадцать лет старше). В мемуарах Шарль Морис признавал, что «красота этой женщины, ее благородная гордость, смешанная с престижем знатной крови, распространяли особое очарование на чувства, которые она вызывает». В своем салоне Луиза познакомила аббата с двумя дочерьми, принцессами Кареньян и Шарлоттой де Лорен. Последняя станет аббатисой Ремиремон и любовницей Талейрана. Благодаря Луизе Шарль-Морис часто посещал салоны ее близкой подруги, графини Кински. Даже невестка де Брионн- мадам Монморанси (принцесса Водемон) стала объектом преклонения священнослужителя. У них завязался роман длиной в полвека. Маркиза де Монтессон устраивала регулярные собрания для писателей, художников и светских персон. Увлеченная театром, она сама сочиняла комедии, которые весьма талантливо исполняла. «Дом мадам де Монтессон был в высшей степени приличным и приятным» - вспоминает Талейран [22, р.49]. Графиня де Буффлер- фрейлина герцогини Орлеанской тоже ж входила в круг знакомств Талейрана. Ее салон располагался на улице Гранж-Бательер. Очень часто аббат Перигор бывал в гостях в доме на авеню

Габриэль, что на углу Елисейских полей. Здесь щедрые пиры устраивала Сюзанна де Жаренте, дочь маркиза д'Оржеваля, жена Гримоде ла Рейньера. Каждую неделю Талейран встречался со своими друзьями в салоне мадам д'Эрикур, которая «любила хорошую еду и молодых людей» [22, р.41-44]. С подачи Шамфора Талейран начал посещать салон бывшей танцовщицы Парижской оперы Жюли Каро. Она была известна благодаря своему литературному и артистическому кругу. Салон посещали известные политические и культурные деятели: Мирабо, Шенье, Ролан, Лавуазье и другие. По утверждениям некоторых биографов, епископ Отенский посещал чуть ли не все столичные салоны, где принимали знатных людей.

Еще одним после салонов источником новостей и знакомств для Талейрана было масонство. Эпоха конца Старого порядка известна многочисленными масонскими ложами, где состояли многие аристократы и буржуа. Первая была создана еще в 1725г. английскими эмигрантами. В шестидесятые – восьмидесятые годы количество масонских организаций по темпам роста даже превосходило традиционные салоны и провинциальные академии. От последних ложи отличала массовость, преемственность и четкая организация. Отчасти это связано с большей степенью открытости масонских объединений для представителей третьего сословия. Например, доля последних в составе провинциальных лож составляла 80%, в то время как у академий -только 38% [10, с.177-178]. В одном Париже насчитывалось 173 ложи, а всего в королевстве функционировало не менее 1250 [15, р.31-33]. С уверенностью можно утверждать, что масонство было самым многочисленным интеллектуальным сообществом Старого порядка. В 1789г. во Франции насчитывалось 50 тысяч масонов.

Велико было их влияние и в политической сфере. Историк Пьер Ламарк установил, что из 1165 депутатов Учредительного собрания 220 были масонами (20%) [3, с.118]. Одной из самых известных дореволюционных лож во Франции была ложа «Девяти Сестер», основанная в 1769г. профессором-астрономом Жозефом Лаландом. В 1783г. она насчитывала 118 членов. Это были известные ученые, члены Французской академии, политики, писатели и художники. Самыми выдающимися

членами ложи были философ и математик Жан Д'Аламбер, юрист Жорж Дантон, публицист Камиль Демулен, философ-энциклопедист Дени Дидро, экономист, философ и математик маркиз Мари Жан Антуан де Кондорсе, писатель Жан Франсуа Мармонтель, изобретатели первого аэростата братья Жозеф Мишель и Этьен Монгольфье, аббат Эмманюэль Сийес, писатель-моралист Никола Шамфор, просветитель Вольтер и многие другие [11, р.1-8]. Точной информации, в какой ложе числился Талейран, не существует, но многочисленные исследования специалистов сходятся на том, что в 1786-87г. он вступил в ложу «Les Amis Réunis» (ложа Объединенных друзей). Последняя основалась в 1771г. в Париже королевским казначеем маркизом Шарлем Пьером Савалетом де Ланжем [13, р.200-205]. Ее членами состояли виднейшие представители аристократии и военных кругов, а также юристы, учёные и деятели искусства. Но уникальность ей придавала небывалая концентрация финансовой элиты: 84 члена из 340 являлись банкирами или финансистами. Среди ее членов многие друзья аббата Перигора: Мирабо, Бирон, Немур. Согласно официальному списку от 1790г. имя Талейран присутствует в числе членов братства [12, р. 361]. Сюда он сумел войти благодаря протекции герцога Орлеанского (будущего Филипа Эгалите), который, как утверждается, был великим магистром самой крупной французской ложи – Великого Востока [16, р.10].

В 1788г. Талейран фигурирует в политической организации «Общество тридцати», так же известное как «Комитет тридцати». Это объединение формировалось из членов лож «Девяти сестер» и «Объединенных друзей» [14, р. 679]. Организация являлась центром либеральной оппозиции, так называемой национальной партии с многочисленными представительствами в провинциях. Его возглавлял советник Парижского парламента А. Дюпор. Членами организации являлись Мирабо, Лафайет, Лепелетье, Кондорсе, Дюпон де Немур, Редерер, герцог де Бирон, Ларошфуко, Люин, Омон и др. Однозначно можно утверждать, что к началу революции епископ Отенский был высокопоставленным масоном.

Заключение. Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что Талейран был не просто светским щеголем и приспособленцем, а весьма

предприимчивым и любознательным человеком. Это был непростой епископ Старого порядка, довольствующийся своим положением и воспевающим прелести жизни.

Шарль Морис сумел использовать все необходимое для успешной карьеры: связи, опыт и деньги. Все это он сполна использовал после начала революции на посту депутата.

Список литературы

1. Волгин В.П. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII в. М.: Академия наук СССР, 1958. 203 с.
2. Вольтер. Философские повести и рассказы, мемуары и диалоги. Т. 1. М-Л.: Академия, 1931. 498 с.
3. Глаголева Е.В. Повседневная жизнь масонов в эпоху Просвещения. М.: Молодая гвардия, 2012. 425 с.
4. Кожокин Е.М. Французская буржуазия на исходе Старого порядка // Сб. Буржуазия и Великая французская революция. М.: МГУ, 1989. 216 с.
5. Лодей Д. Талейран: главный министр Наполеона. М.: АСТ: АСТ Москва, 2009. 509 с.
6. Манфред А.З. Три портрета эпохи Великой французской революции. М.: Мысль, 1989. 432 с.
7. Монтескье Ш. Избранные произведения. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 799 с.
8. Руссо Ж. Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 703 с.
9. Талейран Ш.М. Мемуары. М.: Академия, 1934. 750 с.
10. Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Издательский дом «Искусство», 2001. 256 с.
11. Amiable L. Loge Maçonnique d'avant 1789. Les neuf soeurs. P.: Ancienne librairie Germer. 1897. 400 p.
12. Bord G. La Franc-maçonnerie en France, des origines à 1815. T I. P.: Nouvell librairie nationale. 1908. 551 p.
13. Estampes L. La Franc-Maçonnerie et la Revolution. Avignon. Seguin frères. 1884. 510 p.
14. Forestier R. Les Illuminés de Bavière et la Franc-maçonnerie allemande. P.: Réimpression de lédition. 1914. 729 p.
15. Hourtoulle F. Franc-maçonnerie et revolution. P.: Carrère. 1989. 506 p.
16. Hutin S. La Franc-maçonnerie et la Révolution française. P.: Ed. des Marais. 1989. 123 p.
17. Lacour-Gaye G. Talleyrand. T. 1. (1754-1799). P.: Payot. 1928. 468 p.
18. Loménie L. Mirabeau. T. IV. P.: Dentu éditeur. 1891. 514 p.
19. Mission secrete de Mirabeau a Berlin 1786-1787. P.: Librairie Plan. 1900. 522 p.
20. Montor A. Histoire de la vie et des travaux politiques du comte d'Hauterive. P.: Librairie d' adrien. 1839. 576 p.
21. Poniatowski M. Talleyrand et l'ancienne France 1754-1789. P.: Perrin. 1988. 565 p.
22. Talleyrand. Mémoires du prince. T. I. P.: Calman-levy éditeur. 1891. 458 p.
23. Waresquiel E. Talleyrand: le prince immobile. P.: Fayard. 2003. 796 p.

SOCIO-POLITICAL IDEAS AND SOCIAL CIRCLE OF TALLEYRAND ON THE EVE OF THE FRENCH REVOLUTION

The article characterizes a little-known period in the life of one of the major figures of the Great French Revolution - Charles Maurice Talleyrand. That was the time of his youth and the beginning of his career as a clergyman. At the same time, the formation of socio-political ideas took place. The study of this figure is undoubtedly important, since Talleyrand played one of the key roles in such crucial events of the revolution as: the abolition of seigneurial privileges, the adoption of the Declaration of the Rights of Man and Citizen, the secularization of church property, the formation of diplomatic and financial initiatives of the Constituents. He entered world history primarily as an outstanding diplomat. The machinations of corrupt officials, hostility towards the church and Masonic intrigues - all this was attributed to him. He was presented as a certain deputy - a businessman closely associated with the so-called new bourgeoisie. A careful study of his youth does not seem to fit well with such ideas and versions. This was a man with a difficult childhood and a congenital disease. His behavior was reminiscent of the lifestyle of many young nobles of his time. Just like them, he was a member of the Masonic lodge, visited salons, and was attentive to new social trends. Already under the Old Order, this nobleman

and bishop was inclined towards change. The outbreak of the revolution accelerated this process. In this study, primary attention is paid to previously little-studied aspects of Talleyrand's biography and the formation of his socio-political ideas. The article also talks about the young man's extensive connections in financial and diplomatic circles. Characterized through the prism of Talleyrand's activities and social life in Paris before the revolution.

Keywords: French Revolution, Talleyrand, Mirabeau, diplomacy, Freemasons, Paris, Physiocrats, Enlightenment.

References

1. Volgin V.P. (1958). Razvitiye obshestvennoy misli vo Francii v XVIII [Development of social thought in France in the 18th century]. M.: Akad. Nauk SSSR. 203 s.
2. Volter. (1931). Filosofskie povesti I rasskazi, memuari I dialogi. T.I. [Philosophical novels and stories, memoirs and dialogues]. Moskva-Leningrad: Akademiya. 498 s.
3. Glagoleva E.V. (2012). Povsednevnyaya zhizn masonov v epohu Prosvesheniya [Daily life of Freemasons during the Age of Enlightenment]. Moskva: Molodaya gvardiya. 425 s.
4. Kozhokin E.M. (1989). Francuzskaya burzhuaziya na ishode Starogo poryadka [French bourgeoisie at the end of the Old Order]. Burzhuaziya I Velikaya francuzskaya revoliuciya. Moskva: MGU. 216 s.
5. Lodei D. (2009). Taleiran: glavniy ministr Napoleona [Talleyrand: Napoleon's chief minister]. Moskva: AST. 509 s.
6. Manfred A.Z. (1989). Tri portreta epohi Velikoi francuzskoi revoliucii [Three portraits from the era of the French Revolution]. Moskva: Misl. 432 s.
7. Monteske Sh. (1955). Izbrannie proizvedeniya [Selected works]. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoi literature. 799 s.
8. Russo Zh. Zh. (1969). Tractati [Treatises]. Moskva: Nauka. 703 s.
9. Taleiran Sh. M. (1934). Memuari [Memoirs]. Moskva: Akademiya. 750 s.
10. Shartie R. (2001). Kulturnie istoki Francuzskoi revoliucii [Cultural origins of the French Revolution]. Moskva: Izdatelskii dom "Iskusstvo". 256 s.
11. Amiable L. Loge Maçonique d'avant 1789. Les neuf soeurs. Paris. Ancienne librairie Germer. 1897. 400 p.
12. Bord G. La Franc-maçonnerie en France, des origines à 1815. T I. Paris. Nouvell librairie nationale. 1908. 551 p.
13. Estampes L. La Franc-Maçonnerie et la Revolution. Avignon. Seguin frères. 1884. 510 p.
14. Forestier R. Les Illuminés de Bavière et la Franc-maçonnerie allemande. Paris. Rêimpression de l'édition. 1914. 729 p.
15. Hourtoulle F. Franc-maçonnerie et revolution. Paris. Carrère. 1989. 506 p.
16. Hutin S. La Franc-maçonnerie et la Révolution française. Paris. Ed. des Marais. 1989. 123 p.
17. Lacour-Gaye G. Talleyrand. T. 1. (1754-1799). Paris. Payot. 1928. 468 p.
18. Loménié L. Mirabeau. T. IV. Paris. Dentu éditeur. 1891. 514 p.
19. Mission secrete de Mirabeau a Berlin 1786-1787. Paris. Librairie Plan. 1900. 522 p.
20. Montor A. Histoire de la vie et des travaux politiques du comte d'Hauterive. Paris. Librairie d' adrien. 1839. 576 p.
21. Poniatowski M. Talleyrand et l'ancienne France 1754-1789. Paris. Perrin. 1988. 565 p.
22. Talleyrand. Mémoires du prince. T. I. Paris. Calman-levy éditeur. 1891. 458 p.
23. Waresquiel E. Talleyrand: le prince immobile. Paris. Fayard. 2003. 796 p.

Об авторе

Самсаров Александр Ивайлович – аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

Samsarov Aleksandr Ivajlovich – post-graduate student of the Department of World History, international Relations and International Law, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: a.i.samsarov@gmail.com

УДК 94(100)"1914/19"+356.2"1914/16"+070

Свиридова А.С., аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ГАЗЕТА «НОВОЕ ВРЕМЯ» О ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914-1916 гг.)¹

В статье предпринят анализ материалов российской периодической печати, посвященных военной цензуре в Российской империи в период Первой мировой войны. Для формирования целостного восприятия освещения в российской прессе деятельности военной цензуры для исследования были отобраны, систематизированы и проанализированы статьи газеты «Новое время» (1914–1916 гг.). Газетные материалы этого периода содержали информацию о процессе принятия и корректировки законодательства о военной цензуре, об особенностях реализации этого направления военной и государственной деятельности на практике, о работе военных цензоров. Одна из важных проблем исследования заключается в оценке возможностей освещения периодической печатью военных событий и высказывания ею своего мнения в отношении военно-цензурного законодательства. В связи с поставленной целью в статье осуществляется анализ восприятия и отражения российской печатью процесса утверждения и реализации военно-цензурного законодательства в условиях Первой мировой войны. В статье также показано как периодическая печать, функционировавшая в условиях цензурных ограничений периода войны, оставшаяся одним из ключевых источников формирования общественного мнения, пыталась вести диалог с властью по проблемам распространения информации о происходивших событиях.

Ключевые слова: Российская империя, Первая мировая война, Государственная Дума, Временное положение о военной цензуре, военно-цензурная реформа, периодическая печать, «Новое время».

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-92-98

Введение. «Временное положение о военной цензуре» [11], принятое на второй день с момента начала Первой мировой войны, регулировало публикации в печати, почтово-телеграфную корреспонденцию, речи и доклады в военное время. Как правило, периодическая печать не давала оценок «Временному положению о цензуре», ограничиваясь лишь сообщениями о введении этой законодательной меры.

Периодические издания, освещавшие вопросы цензуры в годы войны, были осторожны в своих публикациях. Тем не менее, на основе анализа статей, размещенных на страницах российской прессы и касавшихся вопросов военной цензуры, можно сформировать представление о процессе принятия изменений в законопроект о цензуре Государственной Думой. В качестве примера можно рассмотреть материалы одной из крупнейших петроградских и российских газет – «Нового времени», являющейся источником для изучения проблем, возникавших в процессе взаимодействия периодической печати и военной

цензуры в период Первой мировой войны.

«Новое время» – политическая и литературная газета, издававшаяся в период с 1868 г. по 1917 г. в Санкт-Петербурге и Петрограде. На протяжении своего существования она освещала внутреннюю и международную политику и была популярна не только среди основной массы российского населения. Ее также предпочитал читать Николай II, многие из приближенных к нему лиц. Объяснение тому заключалось в близости проводимых изданием взглядов к позиции российского императора, в информационной насыщенности выпусков газеты, а также в ее влиянии на господствовавшее в то время общественное мнение.

Объекты и методы исследования. В основе представленного исследования находится совокупность принципов, методов, подходов и приемов, входящих в инструментарий современной исторической науки. Их использование позволяет проанализировать материалы периодической печати в процессе освещения ею военно-цензурной реформы.

¹ Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00900) «Российская периодическая печать и цензура на театре военных действий как индикаторы общественно-политических настроений и практик (1914–1917 г.)»

Изучение в последние годы истории Первой мировой войны в значительной мере расширило представления о настроениях, царивших в различных странах накануне и в ходе военных событий [6, с. 152; 7, с. 697].

Однако для понимания сложных контекстов этого важного этапа истории, во многом предопределившего мировое развитие в XX столетии, необходимо иметь всестороннее представление о самых разных его составляющих, сложившихся накануне войны и сформировавшихся на всей ее протяженности. При этом уже высказанные общие соображения и предпринятые обобщения не всегда способны отразить всю многогранность этого события. С этой точки зрения рассмотрение проблем, связанных с функционированием военно-цензурной практики в годы войны, выходит за рамки простого решения вопросов сохранения военной тайны и ограничений распространения информации, затрагивая особенности формирования массовых настроений российского общества в этот период [1]. Роль периодической печати и ее взаимоотношений с военной цензурой обретает в этой связи гораздо более широкое значение.

На современном этапе развития исторической науки этой проблеме уделено внимание в ряде исследований [2, 4, 17, 3, 5], однако изучение вопросов формирования общественного мнения на фоне создания особых условий функционирования информационного пространства в военных условиях, требует расширения исследовательской базы на основе привлечения новых материалов, сопоставления этих вопросов с международной практикой.

Результаты и их обсуждение. Материалы статей «Нового времени» на начальном периоде войны в основном транслировали читателям государственные постановления и законодательные акты, связанные с введением военной цензуры в приграничных районах империи и на театре военных действий. Одна из первых заметок, относившихся к сентябрю 1914 г., отразившая позицию газеты в этих вопросах, являлась информацией для читателей о деятельности военно-цензурной комиссии в Финляндии, начавшей свою работу после введения «Временного положения о военной цензуре»: «Особой финляндской военно-цензурной комиссией

выработано в отношении периодической печати ряд правил применительно к требованиям Высочайше утвержденного положения о военной цензуре, которые сегодня опубликованы и вступили в силу» [10].

Стоит отметить, что территория Финляндии в 1914–1915 гг. в информационном отношении являлась важнейшим транзитным путем для союзников, поэтому военная цензура здесь должна была не только пресекать утечку важных военных сведений, но и выявлять информационные каналы шпионской и диверсионной деятельности [2, с. 8].

Ноябрьский выпуск «Нового времени» содержит текст «Приказа Верховного главнокомандующего 31 октября 1914 г. № 135». Он был составлен на основе анализа фронтовой корреспонденции, в частности, писем офицеров и нижних чинов, в которых продолжали «обнаруживаться сведения о ходе военных действий, расположении частей и других данных, кои, по закону и по существу, не могут подлежать оглашению во время войны» [19]. Анализ содержания Приказа позволяет сделать вывод о том, что многочисленные наставления и ограничения офицеров российской армии, нацеленные на сохранение военных сведений, не получали должной поддержки и требовали принятия более жестких мер, которые можно было реализовать через практику самоцензуры: «Я еще раз обращаюсь к чувству патриотизма всех чинов Высочайше вверенных мне армий и флота в уверенности, что в сознании важности переживаемого времени они сами воздержатся от сообщений в своих письмах неподлежащих оглашению сведений» [19].

Итак, военная цензура выполняла важную функцию сохранения военных секретов, но без сознательного участия самих военнослужащих решения этой задачи добиться было практически невозможно. Речь шла в первую очередь о личной переписке – письмах солдат, необходимых для общения с родными и друзьями. Если в письмах цензором была обнаружена запрещенная для разглашения информация, то они «конфискуются и не доставляются по назначению» [19], соответственно и все иные сведения, содержащиеся помимо этого в письме, также не доходили до получателей.

Принятие Верховным главнокомандующим такого приказа имеет логическое

объяснение и в целом является результатом анализа предшествующего военного опыта, связанного с Русско-японской войной 1904–1905 гг. Подтверждение этому мы находим в материалах заседания Государственной думы от 25 августа 1915 г.: «Сведения, касающиеся военных тайн, могут быть оглашаемы преимущественно путем печати, засим в письмах, телеграммах, оглашение может происходить не только намеренно, но и ненамеренно. <...> Вследствие этого необходима не только последующая кара за уже совершенное преступное деяние, <...> но и предупреждение такого деяния. За примерами ходить недалеко. Во время японской войны все вы читали невинные, казалось бы, телеграммы, которые посылались без всякого злого умысла о перевале той или иной нашей части за Урал. Оказалось, что по этим телеграммам японский генеральный штаб составлял себе совершенно точные сведения о тех частях, которые направились из России на Дальний Восток» [15].

В большинстве связанных с вопросами военной цензуры выпусков газеты «Новое время» за 1915 г. фигурируют проходившие в это время в Государственной Думе дебаты о принятии цензурного законопроекта. Эти статьи в количественном отношении являются самыми объемными материалами о военной цензуре в «Новом времени» за период Первой мировой войны. Обратимся к анализу сюжетных линий обсуждения Государственной Думой законопроекта о военной цензуре.

В октябре 1915 г. основным предметом обсуждения в Государственной Думе стал вопрос о составе Главной военно-цензурной комиссии. К слову, статья, на основе которой эта структура состояла при Главном управлении Генерального штаба, была принята «без прений» [9]. Думе важно было решить – представители каких гражданских ведомств будут входить в состав Главной военно-цензурной комиссии. В процессе обсуждения высказывали свое мнение и начальник Главной военно-цензурной комиссии Алексей Иванович Звонников, и другие депутаты. Так, А.И. Звонников отмечал, что по первоначальной мысли проекта, Главная военно-цензурная комиссия рассматривалась, как своего рода Сенат по делам редакторов на действия местных комиссий и цензоров. Однако, поскольку спорные вопросы в области печати

всегда имели срочный характер, редакторы предпочитали обращаться с телеграфными жалобами к военному министру или к членам Государственной Думы.

Один из докладчиков заявил, что к нему поступали возражения относительно присутствия в составе Главной военно-цензурной комиссии представителей Министерства юстиции, иностранных дел и внутренних дел. Кроме того, звучали предложения об исключении из состава комиссии представителей гражданских ведомств: Министерства иностранных дел, Министерства юстиции и, в особенности, Министерства внутренних дел. Вслед за этим было отмечено, что вопрос об участии представителя Министерства внутренних дел в комиссии стоит в тесной связи с вопросом об объеме военной цензуры.

Если цензура будет чисто военная, Министерству внутренних дел, может быть, там действительно нечего делать. На вопрос о том, почему важно было определить представители каких министерств должны входить в состав Главной военно-цензурной комиссии, в ходе заседания Государственной Думы отвечал сам начальник Главной военно-цензурной комиссии А.И. Звонников: «Главная военно-цензурная комиссия фактически существует больше на бумаге; все спорные вопросы все равно разрешаются по докладу председателя комиссии военному министру» [9]. То есть важно было законодательно зафиксировать представителей Военного министерства в составе Главной военно-цензурной комиссии, которые на практике уже решали основные спорные вопросы, связанные с военной цензурой.

В результате долгих прений, большинство депутатов Государственной Думы высказалось за исключение из состава комиссии представителей Министерства юстиции и внутренних дел [9]. Таким образом, в составе этой структуры оставались лишь председатель и представители следующих министерств: военного, морского и иностранных дел. Кроме того, были расширены функции председателя Главной военно-цензурной комиссии: ему предоставлялось право приглашать на заседания комиссии представителей других ведомств и вменялось в обязанность периодически созывать совещания с представителями печати. Сам же председатель назначался военным

министром и был подчинен непосредственно начальнику Генерального штаба.

Помимо состава военно-цензурной комиссии, Государственная Дума оказала немалое влияние на еще один важный аспект, связанный с реализацией в стране цензурного режима – отделение гражданской цензуры от военной. Статья «Печать и цензура», опубликованная в 1915 г. в «Новом времени», свидетельствует о том, что именно благодаря деятельности Государственной Думы произошло «отделение действительно военной цензуры от примеси чисто политической» [18]. Важно отметить, что в статье от лица периодической печати звучат нотки благодарности Государственной Думе за это решение, об этом свидетельствуют фразы: «обещает печати то, чего она давно добивалась», «и это можно только приветствовать» [18]. «Новое время» выражало надежду, что в связи с вышеназванными обстоятельствами, публикационная деятельность гражданской периодической печати, к которой, собственно говоря, и относилась сама газета, теперь не будет зависеть от «произвола в бесконечном расширении рамок цензуры, как это было до сих пор» [18].

В феврале 1916 г. в очередном выпуске газеты «Новое время» была опубликована заметка, которая в целом передает отношение Государственной Думы к итоговому варианту законопроекта о военной цензуре: «Не только Государственная Дума, но и вся страна приняла бы без прений такое положение, и прежде всего не нашлось бы ни одного протестующего голоса в самой русской печати – в этом вопросе все сойдутся, лишь бы не причинить ущерба военным интересам государства» [12]. То есть Государственная Дума резюмирует, что интересы государства в отношении защиты военной тайны – превыше всего в условиях продолжающейся войны. Итак, не смотря на недостатки законопроекта, который «сам по себе не блещет особыми достоинствами» [16], он был одобрен Думой. Периодическая печать, «Новое время» в частности, резюмировала это следующим образом: «Пусть будет суров закон, но пусть он будет закон» [12].

В целом, отражение в периодической печати обсуждений содержания военно-цензурного законопроекта в Государственной Думе в 1916 г. затихает. В сюжетном отношении в

1916 г. на страницах периодической печати стало транслироваться не содержание законопроекта, а особенности его реализации, в том числе и деятельность цензоров. Так, «Новое время» демонстрировало некоторые примеры «перегибов» в цензурировании информации в рамках обсуждаемого законопроекта. Осенью 1915 г. была опубликована заметка о том, как военная цензура повлияла на жизнь в приграничных районах империи: «Запрещение со стороны военной цензуры писать о том, как выводилось население из западных губерний, привело к тому, что центральная власть не знала об отсутствии плана и порядка в этом деле. Край благодаря этому разорен, имущество уничтожено, население подверглось ненужным разорению и страданиям, а государство должно будет за это расплачиваться миллиардными расходами» [9].

Примечателен еще один пример, получивший освещение в статье «Запрос о военной цензуре», в февральском номере 1916 г. газеты «Новое время». Депутат А.А. Бубликов (прогрессист, член IV Государственной Думы от Пермской губернии) ознакомился с деятельностью цензоров и обратил внимание на два следующих аспекта. Во-первых, он отметил явно излишнее усердие цензоров: «Сегодня ночью мне принесли из редакции целую коллекцию гранок, зачеркнутых красными чернилами, их более пятисот» [13]. Во-вторых, особое негодование у депутата Думы вызвал сюжет, который, по его мнению, «лишает возможности говорить о таких вещах, которые вселили бы в наших сердцах радость и подняли бы дух», а с точки зрения цензоров – разглашал военную тайну. Речь шла о подвергнутом цензуре отрывке: «Гвардейская дивизия решила прорваться почти при полном отсутствии патронов и, обойдя немцев и прокладывая себе дорогу штыками, по трупам германцев соединилась со своими» [13].

А.А. Бубликов был убежден, что действия цензора были не правомерны, однако он действовал в соответствии с законом – годом ранее, на августовском заседании Государственной Думы, посвященном первому обсуждению законопроекта об учреждении военной цензуры, было установлено, что военным цензорам, вменяется в обязанность не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, хотя бы и не

предусмотренных правилами, но которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства [14].

В связи с этим не вызывает удивления доклад депутата Государственной Думы от монархистов, редактора газеты «Киевлянин» В.В. Шульгина о деятельности военных цензоров в приграничных районах. В своем выступлении он акцентировал внимание на следующем эпизоде: «Я получил вызов, как редактор газеты явиться к лицу, которому поручено было рассказывать местным газетам требования военной цензуры. Я застал следующую сцену: лицо, было окружено стайей газетчиков, которые испуганно спрашивали: это можно? Нет. А это? Ни в коем случае. А это? Боже сохрани. <...> А когда кто-то спросил – почему – ответ получился еще более интересный – ну как вы этого не понимаете, ведь информацию в Германию послать нельзя, а газеты пошлют» [8].

С ответным словом выступил начальник главного управления по делам печати А.А. Катенин и пояснил депутатам, что если цензура была не на должной высоте, то отсюда едва ли можно сделать вывод, что плох закон, к тому же цензоры не проявляли никакого произвола, а руководствовались самим законом, который говорит, что все то, что с точки зрения цензора может оказаться вредным для военных интересов государства, должно быть исключено [8].

Заключение (выводы). Итак, военная цензура фактически запрещала упоминание в периодической печати любых фактов, связанных с военными действиями, поскольку опасалась использования информации противником. На протяжении всей мировой войны работа цензоров в первую очередь сводилась к сохранению военной тайны. Они обязаны были руководствоваться основным законом о военной цензуре, а также, так называемыми Перечнями, содержащими вопросы, которые не следовало освещать периодическим изданиям. Пресса того времени являлась одним из основных средств передачи информации как внутри страны, так и за ее пределы, поэтому цензурирование газет в условиях ведения военных действий было неотъемлемой частью повседневной жизни Российской империи. «Новое время» в цензурных условиях продолжало достаточно успешно функционировать как одно из крупнейших периодических изданий Российской империи. Тема военной цензуры, несмотря на отрицательное отношение к этому цензурного ведомства, регулярно затрагивалась в публикациях газеты. Анализ таких статей, изучение законодательных материалов, связанных с функционированием военной цензуры, позволяет сформировать довольно целостное представление по вопросам практической деятельности цензуры, определить особенности формирования информационного пространства в экстремальных условиях войны.

Список литературы

1. Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020.
2. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княжества Финляндского) // Вестник Брянского государственного университета, 2022. №4. С. 7–15.
3. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленинградский юридический журнал, 2012. № 4. С. 152–165.
4. Блохин В.Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Волынь») // Цензура в России: история и современность. Сб. научных трудов. Российская национальная библиотека. Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН. СПб., 2017. С. 169–186.
5. Богомоллов И.К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Российская история, 2022. № 4. С. 96–117.
6. Булдаков В.П. Революция, эмоции, политики: к переосмыслению событий 1914–1917 гг. // Политическая концептология, 2017 г. № 2. С. 147–180.
7. Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. 720 с.
8. В Государственной Думе // Новое время, 1915. № 14177. 11 сентября.
9. В комиссии о печати // Новое время, 1915. № 14155. 20 октября.

10. В Финляндии // Новое время, 1914. №13817. 12 сентября.
11. Временное положение о военной цензуре, в связи с действующим Уставом о цензуре и печати. Одесса: тип. «Спорт и наука», 1914. 40 с.
12. Заметка // Новое время, 1916. № 14347. 29 февраля.
13. Запрос о военной цензуре // Новое время, 1916. № 14344. 26 февраля.
14. Заседание двадцать восьмое от 29 февраля 1916 г. Государственная Дума. Стенографические отчеты. Петроград, 1916 г. Ст. 2426.
15. Заседание четырнадцатое от 25 августа 1915 г. Петроград, 1915 г. Ст. 1005.
16. Опасность для печати // Биржевые ведомости, 1916. № 15464. 25 марта.
17. Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX – начале XX века. М., 2013.
18. Печать и цензура// Новое время, 1915. № 14174. 8 сентября.
19. Приказ Верховного главнокомандующего 31 октября 1914 г. № 135 // Новое время, 1914. № 13884. 18 ноября.

«NOVOYE VREMYA» NEWSPAPER ON MILITARY CENSORSHIP OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1916).

The article analyses the materials of the Russian periodical press devoted to military censorship in the Russian Empire during the First World War. In order to form a holistic perception of the Russian press coverage of military censorship, the articles of the newspaper "Novoe Vremya" (1914-1916) were selected, systematised and analysed for the study. Newspaper materials of this period contained information about the process of adopting and adjusting the legislation on military censorship, about the peculiarities of the implementation of this direction of military and state activity in practice, about the work of military censors. One of the important problems of the study is to assess the possibilities of the periodical press to cover military events and express its opinion on the military censorship legislation. In connection with this goal, the article analyses the perception and reflection of the Russian press of the process of approval and implementation of military censorship legislation in the conditions of the First World War. The article also shows how the periodical press, which functioned under the censorship restrictions of the war period and remained one of the key sources of public opinion formation, tried to conduct a dialogue with the authorities on the problems of disseminating information about the events that took place.

Keywords: World War I, censorship legislation, military censorship, military censorship reform, periodicals, newspapers, «Novoe Vremya», State Duma.

References

1. Aksenov V.B. (2020). Sluhi, obrazy, emocii. Massovye nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918) [Rumours, images, emotions. Mass moods of Russians in the years of war and revolution (1914-1918)]. М., 2020.
2. Alferova, I. V. (2022). Voенно-cenzurny`e praktiki v gody` Pervoj mirovoj vojny` (na materialax Velikogo knyazhestva Finlyandskogo) [Military censorship practices during the First World War (on the materials of the Grand Duchy of Finland)] // *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. N. 4. S. 7-15.
3. Batulin P.V. (2012). Perechni voennoj cenzury 1912–1923 gg.[Military censorship lists 1912-1923] // *Leningradskij juridicheskij zhurnal*. N. 4. S. 152–165;
4. Bloxin, V. F. (2019). Voennaya cenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoj mirovoj vojny` [Military censorship of the Minsk Military District and the beginning of the First World War] // *Novyj istoricheskij vestnik*. N. 3 (61). S. 29-43.
5. Bogomolov, I. K. (2022). Gosudarstvennaya дума i cenzurnaya politika v gody` Pervoj mirovoj vojny` [State Duma and censorship policy in the years of the First World War] // *Rossijskaya istoriya*. N.4. S. 96-117.
6. Buldakov V.P. (2017). Revolyuciya, emocii, politiki: k pereosmysleniyu sobytij 1914–1917 gg. [Revolution, Emotions, Politicians: Towards a Rethinking of the Events of 1914-1917] // *Politicheskaya konceptologiya*. N. 2. S. 147–180.
7. Buldakov V.P., Leont'eva T.G. (2015). Vojna, porodivshaya revolyuciyu [The war that gave birth to revolution]. М. 720 с.
8. V Gosudarstvennoj Dume (1915). [In the State Duma] // *Novoe vremya*. N. 14177. 11 sentyabrya

9. V komissii o pechati (1915). [In the Commission on the Press] // Novoe vremya. N. 14155. 20 oktyabrya
10. V Finlyandii (1914). [In Finland] // Novoe vremya. N. 13817. 12 sentyabrya
11. Vremennoe polozhenie o voennoj cenzure, v svyazi s dejstvuyushhim Ustavom o cenzure i pechati. (1914). [Temporary Regulations on Military Censorship, in connection with the current Statute on Censorship and the Press] - Odessa: tip. «Sport i nauka». 40 s.
12. Zametka (1916). [Note] // Novoe vremya. N. 14347. 29 fevralya
13. Zapros o voennoj cenzure (1916). [Enquiry about military censorship] // Novoe vremya. N. 14344. 26 fevralya
14. Zasedanie dvadczat' vos'moe ot 29 fevralya 1916 g. Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety' (1916). [Session twenty-eighth of 29 February 1916. State Duma. Verbatim reports] Petrograd. St. 2426.
15. Zasedanie chetyrnadczatoe ot 25 avgusta 1915 g. (1915). [Session fourteenth of 25 August 1915] Petrograd. St. 1005.
16. Opasnost' dlya pechati (1916). [Danger to the press] // Birzhevye Vedomosti. N. 15464. 25 marta
17. Patrusheva N.G. (2013). Cenzurnoe vedomstvo v gosudarstvennoj sisteme Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX – nachale HKH veka [Censorship department in the state system of the Russian Empire in the second half of the XIX - early XX century]. M.
18. Pечат' i cenzura (1915). [Printing and censorship] // Novoe vremya. N. 14174. 8 sentyabrya
19. Prikaz Verhovnogo glavnokomanduyushhego 31 oktyabrya 1914 g. №135 (1914). [Order of the Supreme Commander-in-Chief 31 October 1914 №135] // Novoe vremya. N. 13884. 18 noyabrya

Об авторе

Свиридова Алина Сергеевна – аспирант, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

Sviridova Alina Sergeevna – post-graduate student, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University (Russia), E-mail: Alinasv.17@yandex.ru

УДК 94(47).08«1861/1917»:338.433

Хисамутдинов А.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия)

Гао Мингью, аспирант, Дальневосточный федеральный университет (Россия)

РУССКАЯ ОБЩИНА В ХАНЬКОУ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)

В статье раскрываются подробности разнообразной деятельности русской общины в г. Ханькоу¹, одном из крупнейших торговых портов Китая, открытых для иностранной торговли. Анализируется процесс развития и становления Ханькоу от первых операций русских торговцев чаем в середине XIX в. и открытия фабрик до появления Русской концессии (1896 г.), затем отказа от нее после событий 1917 г. в России. Исследование показывает, каким образом появление в китайском порту предпринимателей из России способствовало развитию города. Открытие торговых контор, механизированных предприятий, банков, школ, клубов и библиотеки обеспечивало развитие городской инфраструктуры, создавало комфортную городскую среду, активизировало общественную жизнь, повышало культурный уровень, что позволило Ханькоу быстро вырасти из относительно закрытого традиционного торгового порта в крупный центр международного значения. В дальнейшем российская эмиграция использовала успешный опыт деятельности русской общины в Ханькоу, жители которой переехали в Харбин, Шанхай, Пекин и другие города Китая. Особую роль в описании истории русского Ханькоу сыграл бывший генеральный консул А.Т. Бельченко. В публикации использованы источники и литература из китайских и зарубежных архивов и библиотек.

Ключевые слова: Ханькоу, чайная торговля, русская концессия, русская эмиграция, купцы, русские в Китае.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-99-108

Введение. Целью данной статьи является освещение деятельности русских в Ханькоу. Выбор темы обусловлен практически полным отсутствием исследований по данному вопросу, между тем торговые операции русских купцов в XIX в. и пребывание в Ханькоу выходцев из России в XX в. оказали существенное влияние на развитие города, который долгое время, вплоть до XX в., сохранял свое значение как центр торговли. Велико также и общеэкономическое значение Ханькоу. Это второй после Шанхая распределительный пункт товаров, ввозимых в Китай. Вся территория страны от устья Янцзы вверх по течению получает снабжение из Ханькоу.

При упоминании Ханькоу первое, что приходит на ум, это торговля чаем. С самых ранних времен город начал концентрироваться на экспорте чая на север – в Монголию и Сибирь. Исследователи отмечают: «Если бы не торговля чаем, практически никто никогда не ступил бы в город. В глазах жителей западных стран чай был единственной причиной существования Ханькоу» [15, с. 122].

«Великий чайный путь» снова стал горячей темой в XXI в. Богатая история,

культура и деловой опыт прошлого имеют большое значение для развития российских компаний в Китае сегодня.

О жизни русских в г. Ханькоу нам известно во многом благодаря дипломату А.Т. Бельченко. Об этом замечательном человеке, который сохранил много сведений о жизни русских эмигрантов в Китае, стоит рассказать подробнее. Он прожил в Ханькоу до 1946 г., затем эмигрировал в США, увезя с собой богатейший архив. В него входило множество выписок из иностранной литературы о Китае, книги и другие материалы, позволяющие теперь восстановить многое не только из истории книгоиздания, но и о жизни русских в Ханькоу.

В настоящее время учеными проведено много исследований жизни русских в Китае, особенно тех, кто приехал в страну после Октябрьской революции 1917 г. в России, но основное внимание они уделяют пребыванию русских в Шанхае или Северо-Восточном Китае (с центром в Харбине). Лишь отдельные исследователи, освещая вопросы истории русской эмиграции в Восточном Китае, упоминают Ханькоу как город, в котором

¹ Ханькоу — город в провинции Хубэй на среднем востоке Китая. Слившись с городами Учан и Ханьян, образовал город Ухань, один из крупнейших экономических центров Китая.

наряду с другими китайскими городами имела русская община. Так, В.Г. Шаронова в монографии «История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века», давая обзор деятельности различных общественных организаций, сообщает биографические сведения известных лидеров русских общин, в том числе в Ханькоу. Ей же принадлежат несколько статей о Ханькоу. Однако все они базируются на российских материалах, из-за чего освещение ряда вопросов недостаточно детализировано.

Для подготовки данной статьи авторы использовали помимо российских публикаций личный архив А.Т. Бельченко, который ныне хранится в Музее русской культуры в Сан-Франциско [4], и китайскую историческую литературу, в которой описаны местные достопримечательности, в частности старинные здания, связанные с русской историей Ханькоу.

Объекты и методы исследования.

Объектом настоящего исследования является комплексный анализ истории русской общины Ханькоу в первой половине XX века. Этот город был одним из первых в Китае, в котором появилась устойчивая русская община. Ее жизнь значительно изменилась после окончания Гражданской войны на российском Дальнем Востоке. Этот метод позволяет лучше понять проблематику исторических событий, когда образовались и другие русские общины в Китае. Особую роль играет литература на китайском языке и сравнительный анализ современных публикаций по этой теме.

Междисциплинарный метод подхода к истории русской общины в Ханькоу еще раз подтверждает большие возможности для теоретического обобщения деятельности российской эмиграции с целью сохранения духовных и материальных ценностей в условиях Китая.

Причины, повлиявшие на выбор Ханькоу как резиденции русского чайного купечества, заключался в следующем. После Первой опиумной войны (1842 г.) Китай отказывал России в доступе к своим портам на том основании, что имелся отлаженный сухопутный торговый путь через пограничный город Кяхта, благодаря которому две империи вели торговые операции еще с 1727 г. [16, с. 58–70]

В 1850-х гг. возникли проблемы с основными статьями российского экспорта в Кяхте – мехами и тканями. С одной стороны, стало наблюдаться истощение запасов этих товаров, с другой – появилась конкуренция со стороны государств, заключивших с Китаем договора на использование портов. К этому времени появился новый объект торговли: в России приобрело популярность чаепитие, и массово востребованной оказалась основная экспортная продукция Империи Цин, чай.

В 1858 г. подписание русско-китайского Тяньцзиньского договора дало право русским торговым судам посещать морские порты Китая, открытые для иностранной торговли. А в 1861 г., вскоре после подписания Пекинского договора (ноябрь 1860 г.), порт Ханькоу на р. Янцзы стал открытым и для России. Рынок чая в Китае был огромен, и местоположение Ханькоу, по соседству с другими районами выращивания чая, оказалось весьма благоприятным для русских купцов: сюда свозили чай отовсюду, обеспечивая широкий выбор товара. Если раньше, во времена приграничной торговли, русские купцы приобретали чай у перекупщиков, то теперь они получили возможность заключать сделки непосредственно с китайскими производителями. Очень скоро русские торговцы стали крупнейшими покупателями чая в Ханькоу после британских купцов.

В настоящее время не обнаружено сведений о том, какие российские торговые суда первыми прибыли в порт Ханькоу. Известно, что в 1862 г. в Ханькоу насчитывалось всего 12 русских жителей, а общее число русских в провинции Хубэй достигало 28 человек. К 1870-м гг. в Ханькоу уже действовали четыре русских фирмы, в основном занимавшиеся агентурной деятельностью для крупных русских компаний, ответственные за определение качества чая, упаковку и переправку чая в Кяхту, где он попадал в руки русских купцов, специализирующихся на перевозках внутри России.

Российские фирмы подключались и к зарубежным транспортным сетям, отправляя чай по Янцзы в Шанхай, откуда он либо переправлялся по побережью в Тяньцзинь, а затем в Кяхту, либо напрямую в европейскую часть России на океанских судах. Согласно статистике, с 1862 по 1867 г. количество чая,

закупленного русскими, росло почти ежегодно. Если в 1862 г. русские купцы переправили из Ханькоу в Тяньцзинь через Шанхай 1 485 тыс. пудов, то в последующие три годы эта цифра превышала 1 600 тыс. пудов. Особенно резко она выросла в 1866 г., достигнув 2 399 тыс. пудов, а через год превысила первоначальный показатель почти в шесть раз (8 679,5 тыс. пудов) [14, с. 1301].

Чтобы облегчить транспортировку чайного листа, русские торговцы стали его перерабатывать на месте покупки, открывая в Китае чайные фабрики. Первые появились непосредственно в чайных районах, таких как Янглоудун и Чунъян, а первыми русскими предприятиями по производству чая были фабрики компаний «С.В. Литвинов и К» (китайское название «Шунь-Фэн 顺丰»), основана в 1863 г.), Д.И. «Наквасин и К.», «Молчанов, Печатнов и К» (китайское название «Фоу-чан 阜昌»), основаны в 1871 г.), «Братья К. и С. Поповы», «Преемник Алексея Губкина А. Кузнецов и К. (китайское название «Син-Тай 新泰»), основана в 1866 г.). Они производили различные сорта черного и зеленого чая – кирпичный, плиточный и др., известные не только в России, но и в Европе.

Согласно документам, в 1876 г. «в концессии была открыта новая кирпичная чайная фабрика, а вне концессии устроена другая кирпичная чайная фабрика, все они были открыты русскими коммерсантами. Этот чай производился почти исключительно для русского рынка и вывозился в Россию для удовлетворения потребностей внутреннего рынка.... До последних лет он изготавливался под надзором русских купцов в чаепромышленных районах близ Ханькоу – в Чунъян, Янглодунг и Янлуси. Однако за последние два или три года три производственных предприятия, использующих паровые двигатели, переехали в концессию Ханькоу или в соседний район» [5]. Мы полагаем, что чайные фабрики русских купцов начали последовательно перемещаться в Ханькоу между 1873 и 1874 гг.

Русские купцы пользовались протекцией со стороны правительства, благодаря чему могли получить средства для своих предпринимательских проектов и успешно налаживать производство. Согласно «Анналам концессии Ханькоу», русские чайные

фабрики были оснащены самыми современными машинами. Поскольку для работы оборудования требовалась электроэнергия, фабрики оснащались дизель генераторами. Энергии вырабатывалось достаточно, и, как отмечается, русские коммерсанты «несли ответственность за обеспечение городского освещения и снабжения электричеством тысячей местных жителей» [13, с. 150]. Одновременно в Ханькоу получило широкое развитие строительство кирпичных заводов, продукция которых широко использовалась для застройки города. Одной из самых популярных строительных компаний была фирма «Литвинов & Чирков и Ко».

К концу XIX в. Ханькоу превратился в центр русско-китайской торговли чаем. Число русских в городе достигло 82 человек, в том числе семь женщин, составив самую многочисленную группу иностранцев в Ханькоу. Главным местом, объединяющим выходцев из России в Ханькоу, была церковь во имя Святого князя Александра Невского, построенная в апреле 1885г. Инициатором строительства стал российский вице-консул Н.А. Иванов. Церковь строили из кирпича и дерева. После завершения проекта Русская православная миссия в Пекине направила в Ханькоу епископа Николая (Адоратского) для проведения церемонии открытия.

Как только храм был освящен, встал вопрос о наличии в Ханькоу постоянного священника, но этот вопрос не могли решить в течение 11 лет. На каждый религиозный праздник Русская православная миссия в Пекине временно назначала священника для проведения религиозных церемоний в Ханькоу. Церковным старостой избирался кто-то из русских жителей (в 1891 г. им был чаоторговец Н.М. Молчанов), купцы составляли и хор певчих: об этом известно из записей князя Э.Э. Ухтомского, сопровождавшего в 1891 г. наследника русского престола великого князя Николая Романова в поездке по Дальнему Востоку. Цесаревич побывал и в Ханькоу, где на встрече с русскими жителями обсудил достижения и проблемы чайной торговли. Побывал он и на чайной фабрике фирмы «Молчанов, Печатнов и Ко». Посетив храм Александра Невского, цесаревич высоко оценил не только коммерческую, но и духовную деятельность местной православной общины.

Первым настоятелем православной церкви в Ханькоу по поручению Пекинской миссии стал в 1896 г. священник Николай Шастин, служивший до этого в церкви при Российском консульстве в Урге (Монголия), а с 1905 г. миссия в Пекине начала непосредственно назначать туда священников. Последним настоятелем был отец Ягушев (1938–1955), который долго жил в Китае, а всего до 1955 г. духовной жизнью православных в Ханькоу (в подавляющем большинстве русских) руководили 12 священников.

Церковь сохраняется и поныне в память о тех русских, которые сыграли важную роль в развитии Ханькоу. Ее перестраивала только один раз – в 1919 г. До 1920 г. третью часть всех расходов на содержание и деятельность церкви несли русские чаоторговцы. По статистике, с 1904 по 1956 г. в церкви было крещено 160 россиян, 60 раз совершено таинство венчания и 95 – отпевания [13, с. 390].

Русские, прибывшие в Ханькоу в 1860-е гг., в основном селились в британской концессии, которая, по примеру Шанхайского международного поселения, была открыта для купцов всех договорных держав. Как описывал очевидец, это была «единая интернациональная колония... с общественной жизнью всех жителей тесного единения, без различия национальностей. Они жили как одна тесная европейская семья, хотя и с явной тягой к английским обычаям и традициям». Успешная интеграция в договорных портах коммерсантов разных стран приводила к переменам в менталитете русских. Один наблюдатель удивлялся: «Кто бы мог подумать, что сибиряки, живущие в... Китае, становятся более европейскими? Они читают иностранные газеты, знают языки» [2].

Со временем внутренние реформы в России (в частности отмена крепостного права), международное влияние идеологии свободной торговли, быстрая приспособляемость российских купцов к иностранным нормам в сочетании с включением российского компонента в экономические, институциональные и творческие рамки «европейских» концессий в Китае привели россиян к осознанию необходимости иметь собственную территорию в Ханькоу. В сентябре 1895 г. русский посланник в Пекине граф Артур Павлович Кассини сообщал, что русские

торговцы чаем в Ханькоу ходатайствовали перед ним о возможности учреждения отдельной концессии. Неофициальные источники приписывают зарождение этой идеи Александру Степановичу Ваховичу, дипломату и драгоману (переводчик с китайского языка) при российской Императорской миссии в Пекине.

Участие Ваховича в учреждении концессии представляется вполне вероятным. Многие из числа сотрудников российских дипломатических учреждений в Китае пришли на службу, как он, без аристократических связей, но с университетскими степенями и личным опытом ведения коммерческих дел. Такие люди были особенно успешны в Восточной Азии; некоторые даже достигли затем должности министра, что являлось редкостью для служивших в европейских столицах. «Перемены были необходимы», — вспоминал один россиянин; на смену «старому дворянству» пришла новая порода «дипломатических бизнесменов».

Русская концессия в Ханькоу была открыта в 1896 г. Она располагалась среди иностранных концессий, соседствуя с Британской, Французской и Американской, и занимала территорию около полуверсты вдоль набережной [9, с. 195–197]. Значительный вклад в создание русской концессии внес один из самых первых русских предпринимателей в Китае И. Панов, свободно владевший китайским языком и проживший в городе много лет. Он был из княжеского рода и приехал в Ханькоу в 1869 г. Первое время Панов работал управляющим на фабрике «Син-Тай», а через пять лет стал одним из учредителей фабрики «Фу-Чан». Назначив компрадора для управления русско-китайской торговли чаем, он представил русских инженеров и техников из северо-восточного Китая для работы на фабрике «Фу-Чан».

С открытием концессии в городе появилось и консульство России, которое Панов позднее и возглавил. Он купил землю в Русской концессии и построил дом, начав строительство в 1901 г. и завершив его в 1910 г. В 1921 г. он покинул город вместе с семьей, продав дом некоему китайцу. «Дом князя Панова», как называют его люди, сохранился до сих пор, став знаковой русской постройкой в Ханькоу (№ 46–56, Поян Роуд, Ухань).

Существовала в Ханькоу и Русская торговая палата, главной задачей которой бала помощь русским купца, ведущим торговые операции с китайцами. Она отслеживала деятельность русских и китайских предприятий и компаний, находя тех, кто был заинтересован в двухсторонних контактах и затем содействовала их установлению. В Русской концессии также создали полицейскую охрану и пожарную службу.

Среди красивых и «высотных» по тем временам зданий, построенных в Ханькоу русскими, выделялся особняк Русско-Азиатского банка. Он был основан в 1895 г. под названием Русско-Китайский банк как совместное предприятие Китая, России и Франции со штаб-квартирой в Санкт-Петербурге. Филиалы банка в Китае открылись в Шанхае, Пекине, Ханькоу, Инкоу и Харбине. В марте 1910 г. после слияния с Северным банком он стал называться Русско-Азиатским.

Филиал в Ханькоу, основанный в 1896 г. для поддержки российских предпринимателей, расположен на берегу реки в Русской концессии (ныне проспект Яньцзян, № 162). Это трехэтажное здание в русском стиле. Сегодня оно известно миру как «Мемориальный зал Сун Цинлин»: в 1926 г. накануне переноса столицы Китайской Республики в Ухань вдова Сунь Ятсена Сун Цинлин, политическая и государственная деятельница Китая, более восьми месяцев жила в номере на втором этаже здания.

«Общественная жизнь тесного единения» в «единой европейской семье», характерная для Ханькоу XIX в., на рубеже веков претерпела изменения: иноземные колонисты стали чаще проявлять склонность к обустройству более национального общения. Не стали исключением и русские жители Ханькоу.

Вслед за созданием русской концессии последовало открытие Русского клуба. «Клуб располагает, – писал его деятель, – замечательной русской библиотекой, представляющей ныне большую ценность. Вместе с тем клуб является культурным уголком, где могут сходиться русские люди и беседовать. Клуб располагает большим танцевальным залом и сценой» [8][10]. К началу XX в. деятельность Русского клуба еще больше оживилась:

«каждый вечер музыка, по субботам танцы, по воскресеньям концерты классической музыки. В Русском клубе обычно собирались мужчины. Клуб находился довольно далеко, общественного транспорта не было, но они все равно заходили туда поиграть в домино и выпить»[1, с. 66].

Помимо спектаклей, которые ставил в клубе театральный кружок, там часто проходили благотворительные вечера, в основном, в пользу местной школы, которая находилась в этом же здании.

В библиотеке клуба имелось около 700 русских книг, среди которых было немало библиографических редкостей по востоковедению. С годами количество книг увеличилось. Во время Второй мировой войны город сильно пострадал от бомбардировок союзных войск: американские бомбардировщики атаковали японцев в Ханькоу. В это время погибла и библиотека Русского клуба.

Русские жители Ханькоу предпринимали попытки выпускать периодические издания. Первая газета «С Востока» издавалась в 1895 г. служащим чайной фирмы И. Андреевым [6]. В ней публиковались переводы с английских изданий в Шанхае, посвященные торговле и промышленности Китая. После пяти номеров эта газета прекратила существование¹. В апреле 1909 г. вышел первый номер политико-экономического журнала «Долина Янцзы», который издавал преподаватель Русско-китайской школы Г. Софоклов. Это издание насчитывало 11 разделов. Особенно интересными были «Жизнь русской колонии» и «Смесь». Всего вышло 14 номеров, последний был датирован 1 / 14 августа 1911 г.

Клуб всячески поддерживал Русскую школу, основанную 19 февраля 1910 г. для детей местных русских коммерсантов и их служащих. Благодаря предпринимателям школа занимала прекрасное здание и имела превосходное оборудование. Ее многолетним директором был А.Д. Филиппченко, принимавший большое участие в общественной жизни общины [7].

Для того, чтобы российские компании могли вести в Ханькоу крупномасштабную коммерческую деятельность, требовались профессионалы среди китайцев, понимающие русский язык и обладающие базовыми

¹ Экземпляры газеты хранились в библиотеке Приамурского отдела Русского Географического общества (Хабаровск).

знаниями в сфере бизнеса. Хотя приграничная торговля существовала более полутора веков, подготовленных специалистов не было ни в России, ни в Китае, и при налаживании контактов с китайскими производителями российским бизнесменам приходилось обращаться к местным жителям, которые плохо понимали русский язык и не имели профессиональных знаний.

В 1907–1908 гг. российским посланником в Пекине Д.Д. Покотиловым при инспекции китайских учебных заведений, где преподавался русский язык, удалось договориться об учреждении в Ханькоу Русско-китайской школы коммерческих знаний (кит.: Хуаэ шанъе сюэтан, 华俄商业学堂), задачей которой ставились обучение русскому языку и передача знаний о русском и бизнесе. Обучение занимало четыре года. Учебный план включал шесть курсов: китайский, русский и английский языки, математика, история и география. На втором курсе учащиеся сосредотачиваются на переводческой практике, а учебные материалы брали из газет Ухани и Шанхая, поднимавших разнообразные коммерческие темы. Студенты таким образом не только усваивали лексику, связанную с названиями, качеством и ценой продукции, но и узнавали о динамике рынка, способах транспортировки, реформах в различных отраслях промышленности, получая самую свежую экономическую информацию. После окончания школы ее выпускники получали рекомендации для трудоустройства на российские предприятия. Школа работала в течение трех лет и выпустила 100 студентов. Ее закрыли после Синьхайской революции 1911 г. [13, с. 295]

«Ханькоу, – писал Н. Лидин, – как центр чайного экспорта в Россию не утратил своего значения и после проведения Великого Сибирского пути. Изменился маршрут доставки чая в Россию. Вереницы караванов с цыбиками чая, тянувшиеся по Гоби до Кяхты – перевалочного пункта, тоже резиденции русских чайных магнатов, но уже на русской территории, с проведением маньчжурской магистрали начали отходить в область преданий. Кяхта с каждым годом хирела. Усадьбы чайных магнатов приходили в ветхость и запустение. Русская концессия в Ханькоу, однако, продолжала жить прежним темпом – богато, припеваючи. Лишь Октябрьская революция

изменила течение и строй жизни русских аборигенов в Ханькоу. Оборвались торговые связи с Россией. Не с кем стало торговать. И русское Ханькоу тоже стало хиреть» [3].

В ноябре 1917 г. в России вспыхнула Октябрьская революция. Новое Советское правительство выступило с двумя декларациями, в которых выражалась готовность отказаться от привилегий царского правительства в Китае, в том числе от русских концессий. В сентябре 1920 г. пекинское правительство решило принять русскую концессию, однако из-за противодействия со стороны иностранных держав и бывшего российского генерального консула в Ханькоу оно лишь в октябре объявило об учреждении «Временной управляемой канцелярии Русской Концессии». Модель концессии оставалась прежней, но управление ей переходило к китайской стороне. После подписания в 1924 г. «Общих уровней конфиденциальности для основных вопросов между Союзом ССР и Китайской республикой» прошла церемония передачи концессии, и 2 марта 1925 г. русская концессия была официально возвращена Китаю [13, с. 424].

В 1918 г. головная контора Русско-Азиатского банка была национализирована советским правительством, но в Китае банк продолжил свою деятельность. Осенью 1926 г., когда цена на золото выросла, Шанхайское и Харбинское отделения банка просчитались в конъюнктуре рынка, что привело к громадному убытку. В результате отделения в Шанхае, Харбине и ряд других были вынуждены закрыться. 30 сентября китайское правительство обнародовало «Положение об очистке Русско-Азиатского банка на территории Китая», после чего были закрыты и все остальные отделения Русско-Азиатского банка, включая отделение в Ханькоу.

События 1917 г. привели деятелей Ханькоу к единодушному желанию объединиться перед надвигающимися событиями. Это способствовало изданию газеты «Известия Общественного совета Русской концессии в Ханькоу». Первый номер вышел 10 / 23 октября 1917 г. Газета отмечала: «В официальной части будут помещаться протоколы заседаний, отчеты, обязательные постановления и разные циркуляры Российского консульства. В неофициальной части предположено

печатать протоколы и сообщения общественных и политических организаций, как в Ханькоу, так и в других городах Китая, по их желанию, также разные статистические данные».

Во втором номере газеты священник Александр Феликсович Гертович писал: «Во время грозной бури, окутывающей тучами анархии и погромов многострадальную родину нашу, необходимо всем людям, чувствующим в груди свое истинно русское сердце, сплотиться воедино, сковать свои души в одну крепкую цепь, забыть все дразги и мелкие недоразумения и всеми силами своими стремиться к одной цели. Помогать. Помогать по мере сил и возможности всем бесчисленным жертвам кровавого, смутного времени...» [4].

Авторами газеты были деятели местной русской общины. Особенно много статей публиковал бывший генеральный консул А.Т. Бельченко, который подписывался псевдонимами «Любитель путешествий», «Обозреватель» (Политические события в Китае), А-ша (Хроника), Цзырева, Полтавский казак (Нечто о родном...) и А.Б.

Последний номер «Известий» вышел 31 декабря 1924 г., а всего было отпечатано 176 номеров. Национализировав типографию «Известий», китайские власти продали ее А.Т. Бельченко, который затем подарил ее Н.В. Колесникову. На этом оборудовании он печатал в Шанхае газету «Россия», затем журнал «Армия и флот». После смерти Колесникова Бельченко передал типографию Обществу русских инвалидов в Шанхае, которое издавало в ней журналы «Инвалид», «Кстати» и др.

После упразднения русской концессии чайное дело русских предпринимателей в Китае стало приходить в упадок, и русские коммерсанты начали постепенно покидать Ханькоу. Фабрики «Шунь-Фэн» и «Фу-чан» закрылись первыми. В 1929 г. объявила о закрытии «Чайная лавка Син-тай» [11]. Фабрика «Син-Тай» продолжила работу, но сменила регистрацию на британскую. Число русских жителей города сильно сократилось. Однако, по опросу Соцбюро, в 1929 г. в Ханькоу еще проживали 179 русских эмигрантов, среди которых большинство мужчин работали трактирщиками, музыкантами и мелкими предпринимателями, а большинство женщин были танцовщицами или проститутками [12].

Результаты и их обсуждение. Появившись в Ханькоу, одним из крупнейших торговых портов Китая, открытых для иностранной торговли. в начале 60-х гг. XIX в., русские быстро использовали его богатые возможности для своей коммерческой деятельности. Вплоть до начала XX в. они успешно занимались здесь покупкой, обработкой и перевозкой чая, для чего открывали в Ханькоу чайные фабрики, магазины, школы, строили склады, пристани, дома для своих контор и жилья. Появление у русских чаоторговцев в 1896 г. собственной концессии свидетельствует как о масштабе русского предпринимательства, так и об авторитете, которым пользовалась русская община в Ханькоу у местных властей.

Открытие торговых и промышленных предприятий, банков, школ, клубов и библиотеки обеспечивало развитие городской инфраструктуры, создавало комфортную городскую среду, активизировало общественную жизнь, повышало культурный уровень, что позволило Ханькоу быстро вырасти из относительно закрытого традиционного торгового порта в крупный центр международного значения. Можно предположить, что, если бы не события, произошедшие в России в 1917 г., этот город стал бы впоследствии важнейшим экономическим центром Китая.

Вместе с тем сосредоточение российской коммерческой деятельности в Ханькоу в рамках территориальной концессии было выражением национального дискурса: она позволила отойти от единого европейского сосуществования и создать специфически российское, чему способствовали также Русский клуб, Русская школа, церковь Александра Невского. Ныне, благодаря возрождению китайско-российского чайного пути, для российского предпринимательства вновь открыт путь в Ханькоу, ныне г. Ухань. Знание истории и культуры может помочь новым выходцам из России более комфортно жить в этом китайском городе.

Заключение. Примеры дореволюционной деятельности русских чаоторговцев в Ханькоу позволяет прийти к следующему заключению: в начале XX века в глазах европейцев Россия была аграрной империей, то в отношениях с Китаем она выступала как промышленная страна. Огромную роль в российско-китайских отношениях было

учреждение Русской концессии в Ханькоу, который стал прообразом будущих особых экономических зон, когда русские коммерсанты инвестировали в приоритетные виды деятельности. В те годы это было связано с торговлей чаем. В этом проекте сыграл большую роль Русско-Азиатский банк.

Деятельность россиян в Ханькоу привела к расширению их общественной жизни в этом китайском городе, где они создали свою «маленькую Россию». Это произошло благодаря открытию православной общины и

русской школы.

В дальнейшем следует углубить анализ деятельности различных русских общин в Китае и приступить к созданию общей истории российской диаспоры в Китае.

Благодарности. Авторы благодарят заместителя председателя Музея русской культуры в Сан-Франциско Ива Франкьена (Yves Franquien) и русского библиографа Гавайского университета Патрицию Полански (Patricia Polansky) за предоставление материалов по указанной теме.

Список литературы

На русском языке

1. Бутина В. «В памяти всплыли образы прошлого...». Ханькоу, Китай. Годы между двумя мировыми войнами / Пер. с англ. Егора Фалева // Вестник Ариаварты, 2005. № 1–2. С. 64–71.
2. Дацышен В.Г. Русские в Ханькоу: из истории российско-крестьянских отношений второй половины XIX–первой половины XX в. (по архивным и книжным фондам Москвы, Сибири, Дальнего Востока и Китая) // Россия и Китай, научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). Вып.2. Санкт-Петербург: Альфарет, 2012. С. 67–81.
3. Лидин Н. Русская эмиграция в Шанхае // Рус. зап., 1937. № 2. С. 309.
4. Музей русской культуры в Сан-Франциско, коллекция документов А.Т. Бельченко. В. 25, f. 14 (О русской печати в г. Ханькоу, Центральный Китай: Рукоп. 19 февр. 1949 г. 4 л.)
5. Отчету о торговле порта Ханькоу, 1876. С. 46
6. Попытка издания русской газеты в Китае // Приамур. вед. Хабаровск, 1896. 20 окт. (№ 147). С. 14–16.
7. Русская школа в Ханькоу // Прожектор, 1933. № 28 (8 июля). С. 5: фот.
8. Русские в Ханькоу // Новая заря, 1931. 23 апр.
9. Сюннерберг Г.Г. Путеводитель по Шанхаю. Шанхай: Рус. книгоизд-во и тип. ком. Обществ. помощи в Шанхае, 1919. 318 с.
10. Ханькоу – бывший центр русской чайной торговли в Китае // Новая заря, 1938. 23 нояб.

На китайском языке

11. Иньхан чжоу бао. 银行周报. 1929. Том. 13. № 35.
12. Сто семьдесят девять русских эмигрантов в городе Ханькоу 汉口市一百七十九名之俄侨 // Обзор социальной ситуации в городе Ханькоу. Социальное бюро города Ханькоу 汉口特别市社会情况调查. 汉口特别市社会局. 1929. С. 19.
13. Юань Ц. Хроники концессий в Ханькоу 袁继成. 汉口租界志. Ухань: Уханьское издательство. 2003. 606 с.
14. Яо С. Материалы по истории внешней торговли современного Китая (1840–1895 гг.) 姚贤镐. 中国近代对外贸易史资料(1840–1895). Пекин: Книжная компания Чжунхуа, 1962. 1674 с.

На английском языке

15. William T. Rowe Hankow: Commerce and Society in a Chinese City, 1796-1889. Stanford: Stanford University Press. 1984. 452 p.
16. Paine S.C.M. Imperial rivals: China, Russia, and their disputed frontier. Armonk. NY: M.E. Sharpe, 1996. 417 pp.

**THE RUSSIAN COMMUNITY IN HANKOU
(THE SECOND HALF OF THE XIX - EARLY XX CENTURIES)**

The article reveals the details of the diverse activities of the Russian community in Hankou, one of the largest commercial ports in China open to foreign trade. Russian russians analyze the process of development and formation of Hankou from the first operations of Russian tea merchants in the middle of the XIX century and the opening of factories before the appearance of the Russian concession (1896), then abandoning it after the events of 1917 in Russia. The study shows how the appearance of Russian entrepreneurs in the Chinese port contributed to the development of the city. The opening of trading offices, mechanized enterprises, banks, schools, clubs and a library ensured the development of urban infrastructure, created a comfortable urban environment, activated public life, raised the cultural level, which allowed Hankou to quickly grow from a relatively closed traditional trading port into a major center of international importance. Later, Russian emigration used the successful experience of the Russian community in Hankou, whose residents moved to Harbin, Shanghai, Beijing and other cities in China. Former Consul General A.T. Belchenko played a special role in describing the history of the Russian Hankou. The publication uses sources and literature from Chinese and foreign archives and libraries.

Keywords: Hankou, tea trade, Russian concession, Russian emigration, merchants, Russians in China.

References

1. Butina V. (2005) «V pamyati vsplyli obrazy proshlogo...». Khan'kou, Kitai. Gody mezhdv dvumya mirovymi voynami ["Images of the past surfaced in memory ...". Hankou, China. Years between two world wars] / Per. from English. Egor Falev // Vestnik Ariavarty [Herald of Ariavarta]. N. 1–2. pp. 64–71.
2. Datsyshen V.G. (2012) Russkie v Khan'kou: iz istorii rossiisko-krest'yanskikh otnoshenii vtoroi poloviny XIX–pervoi poloviny XX v. (po arkhivnym i knizhnym fondam Moskvy, Sibiri, Dal'nego Vostoka i Kitaya) [Russians in Hankou: From the History of Russian-Peasant Relations in the Second Half of the 19th–First Half of the 20th Centuries. (according to archival and book stocks of Moscow, Siberia, the Far East and China)] // Russia and China, scientific and cultural ties (based on archival, manuscript, book and museum collections). Issue 2. St. Petersburg: Alphet. pp. 67–81.
3. Lidin N. (1937) Russkaya eh migratsiya v Shankhae [Russian emigration in Shanghai] // Russian. zap. № 2. p. 309.
4. Muzei russkoi kul'tury v San-Frantsisko, kolleksiya dokumentov A.T. Bel'chenko [The Museum of Russian Culture in San Francisco, a collection of documents by A.T. Belchenko]. (1949) B. 25, f. 14 (On the Russian press in Hankou, Central China: Manuscript February 19, 4 sheets.)
5. Otchetu o trgovle porta Khan'kou [Hankou port trade report] (1876) p. 46.
6. Popytka izdaniya russkoi gazety v Kitae [An attempt to publish a Russian newspaper in China]. (1896) // Priamur. ved. Khabarovsk. N. 147. pp. 14–16.
7. Russkaya shkola v Khan'kou [Russian school in Hankou] (1933) // Prozhektor [Spotlight]. N. 28 (July 8). p. 5: photo.
8. Russkie v Khan'kou [Russians in Hankou] (1931) // Novaya zarya [New dawn]. April 23.
9. Syunnerberg G.G. (1919) Putevoditel' po Shankhayu [Shanghai travel guide]. Rus. knigoizdvo i tip. kom. Obshchestv. pomoshchi v Shankhae. Shankhai. 318 p.
10. Khan'kou – byvshii tsentr russkoi chainoi trgovli v Kitae [Hankou - the former center of the Russian tea trade in China]. (1938) // Novaya zarya [New dawn]. Nov 23.
11. Yinhang zhoubao [bank weekly] (1929) vol. 13. N. 35.
12. Hankou shi yi bai qi shi jiu ming zhi e qiao [One hundred and seventy-nine Russian immigrants in Hankou City] (1929) // Hankou tebie shi shehui qingkuang diaocha. hankou tebie shi shehui ju [An overview of the social situation in the city of Hankou. Hankou City Social Bureau]. p. 19.
13. Yuan J. (2003) Hankou zujie zhi [Annals of Hankou Concession]. Wuhan: Wuhan Publishing House. 606 p.
14. Yao X. (1962) Zhongguo jindai dui wai mao yi shi ziliao (1840–1895) [Materials on the history of foreign trade in modern China (1840–1895)]. Beijing: Zhonghua Book Company. 1674 p.
15. William T. (1984) Rowe Hankow: Commerce and Society in a Chinese City, 1796–1889. Stanford: Stanford University Press. 452 p.
16. Paine S.C.M. (1996) Imperial rivals: China, Russia, and their disputed frontier. Armonk. NY: M.E. Sharpe. 417 pp.

Об авторах

Хисамутдинов Амир Александрович – доктор исторических наук, заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки дальневосточного отделения Российской академии наук, профессор ДВФУ(Россия), E-mail: khisamut@yahoo.com. ORCID: 0000-0002-8228-7513

Гао Мингюю – аспирант департамента истории и археологии Дальневосточного федерального университета, E-mail: 550363980@qq.com. ORCID: 0000-0002-2836-4610

Khisamutdinov Amir Alexandrovich – Doctor of Historical Sciences, Head of Research Department Of the Central Scientific Library of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Far Eastern Federal University(Russia), E-mail: khisamut@yahoo.com

Gao Mingyue – Post-graduate student of the Department of History and Archeology of the Far Eastern Federal University, E-mail: 550363980@qq.com

УДК 94(47).073: 351.745

Чиков С.С., младший научный сотрудник Смоленского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова; преподаватель СПО Смоленского филиала РАНХиГС при Президенте РФ; аспирант Смоленского государственного университета (Россия)

ГОРОДСКАЯ ПОЛИЦИЯ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В НИКОЛАЕВСКУЮ ЭПОХУ: ВОПРОСЫ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ

В статье анализируется кадровая политика в городской полиции в Смоленской губернии во второй трети XIX века. При рассмотрении степени изученности проблемы особое внимание уделяется современной историографии. Источниковой базой исследования послужили нормативно-правовые акты Российской империи конца XVIII – первой половины XIX века, основной же блок составили делопроизводственные материалы Российского государственного архива фонда Департамента полиции, а также Государственного архива Смоленской области в фонде Канцелярии смоленского губернатора и Гжатской городской полиции. Анализ законодательной базы и архивных источников позволил автору впервые привести практически полный поимённый список смоленских полицмейстеров от создания Управы Благодочиния в Смоленске в 1804 года и до её упразднения в 1862 году. Автор в своей работе отражает специфику кадровой политики Николаевской эпохи на примере Смоленской губернии, раскрывает особенности повседневной жизни провинциальных городов второй трети XIX века. Выводом автора становится тезис о том, что в Смоленской губернии нашлись отражения и сильных, и слабых сторон кадровой политики Российской абсолютизма во второй трети XIX века и в этой связи, служит репрезентативным примером данного явления.

Ключевые слова: Управа Благодочиния; городская полиция; полицмейстер; городничий; города российской провинции во второй трети XIX века; Смоленская губерния; Николай I; кадровая политика; Министерство внутренних дел.
DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-01-109-118

Введение. Анализ правовых документов позволил автору прийти к выводу о том, что динамика кадровой политики в сфере работы городских полиций в конце XVIII – первой четверти XIX века была направлена на укрепление общественного порядка и безопасности. При этом содержание городской полиции было переложено на местную власть. Особую роль в назначениях офицерских чинов в городской полиции играл Комитет 18 августа 1814 года. Отмечено, что эффективность кадровой политики в сфере охраны общественного порядка снижали следующие обстоятельства. Во-первых, сословное устройство общества ограничивало возможности по набору и продвижению по службе людей из непривилегированных сословий. Это, в свою очередь, влияло на подходы к работе с кадрами офицерского состава и нижних чинов. Во-вторых, решение проблем городской полиции видели в увеличении ее штатной численности, а не в укреплении материальной базы, повышении заработной платы, улучшении подготовки и переподготовки кадров.

Кадровая политика является одним из важнейших аспектов функционирования

любого государственного органа. Поэтому для всестороннего понимания особенностей функционирования городской полиции во второй трети XIX века требуется тщательное рассмотрение вопроса подбора кадров в Смоленской губернии.

Объекты и методы исследования. Исследование основано на принципах объективности, системности, научности и историзма. Из методов исторического исследования использованы: общие: историко-генетический, историко-сравнительный, формально-юридический, сравнительно-правовой, а также специальные методы проверки достоверности и репрезентативности источников.

Источниковой базой является неопубликованная документация текущего делопроизводства, отложившаяся в фонде Департамента полиции исполнительной Российской государственного исторического архива (ф. 1286), фондов Канцелярии смоленского губернатора (ф. 1) и Гжатской городской полиции (ф. 1174) Государственного архива Смоленской области.

На сегодняшний день историография кадрового вопроса городской полиции достаточно обширна. Достаточно широко этот

вопрос осветили в своих трудах А.В. Борисов и Р.С. Мулукаев [4; 20]. Также стоит упомянуть работу ученика Р.С. Мулукаева – Д.С. Аказеева, который в своей диссертации подробно рассматривает эволюцию кадровой политики в полиции в России в XVIII – начале XX вв. [1]. На региональном уровне данная проблематика нашла отражение в ряде исследований. А.Н. Бикташева рассмотрела политику властей в данной сфере на материалах Казани [2]. Р.А. Евтехов проанализировал социальный портрет городничего в работе «Формулярные списки как источник по изучению социального портрета городничих первой половины XIX в". (на примере г. Верхнеудинска Забайкальской области [12]. О.А. Плех сравнила кадровое обеспечение городской полиции в Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерниях [23]. Ряд исследований посвящен вопросам структуры и функции провинциальных полицейских учреждений Российской империи XIX-начала XX вв. [3; 36; 37]. Вопрос кадровой политики в Смоленской губернии в первой трети XIX века затрагивала в своих работах только Никитина Н.В. [21; 22].

Результаты и их обсуждение. Смоленская Управа Благочиния была воссоздана в 1804 году. Штат городской полиции в ней формировался по закону 1803 г., который в свою очередь основывался на «Уставе Благочиния или Полицейском» 1782 года [22, с. 294-295]. В царствование Николая I штат городской полиции оставался неизменным, так как из-за слабого промышленного развития во второй четверти XIX века в России наблюдался незначительный рост городов, при этом изначальное устройство Управ Благочиния учитывало фактически все социально-экономические и географические особенности городов, поэтому, как уже говорилось ранее, установленная ещё в «Уставе Благочиния» 1782 года численность сотрудников не менялась вплоть до эпохи Великих реформ [1, с. 89-90]. Только в конце его царствования (1853 г.) штаты полиции подверглись незначительному увеличению [26]. Для повышения качества работы по охране правопорядка в полиции вводятся ежегодные проверки на выявление злоупотреблений. Например, одна из них в 1847 году выявила «неудовлетворительное состояние полицейских органов в

двадцати четырёх (из двадцати семи) губерниях» [11, с. 65]. Практика проведения проверок была призвана обеспечить ротацию кадров, а также устранить из полицейского аппарата лиц, имевших неблагонадежную репутацию. Без внимания не осталось и Министерство внутренних дел, как высший орган управления органами правопорядка, так в 1850 году было уволено 17 человек [10, с. 55]. Само МВД также усилило контроль за деятельностью местных органов полиции, проводя внутренние проверки: в провинцию выезжал министерский чиновник, который составлял подробнейший доклад о работе городских полиций, в результате выявлялись неблагонадёжные сотрудники [20, с. 27-35].

В Смоленске как губернском центре главами городской полиции были полицмейстеры. На данный момент известны имена семи из них в первой половине XIX века: титулярный советник Андрей Васильевич Губин (1805-1807 гг.), титулярный советник Дмитрий Васильевич Сверчков (1807 – 1812 гг.), титулярный советник Иван Иванович Цетреус (1813-1821 гг.), Полковник Александр Степанович Адамович (1821-1829 гг.), Подполковник Никифор Лукьянович Юров (1830-1842 гг.), Поручик Василий Яковлевич Бобруйко (заступил в должность в 1842 году и сколько пробыл в ней на данный момент установить не удалось). Затем нам удалось установить, что уже в 1855 году в должности полицмейстера был майор, барон Семён Фёдорович Эльснер (Эльснер), сколько он пробыл в должности смоленского полицмейстера до этого пока что установить не удалось. Он пробыл в должности до 1859 г. В 1860 г. Должность полицмейстера была вакантна. В 1861 г. Полицмейстером стал титулярный советник Игнатий Михайлович Данилович и пробыл в должности до 1862 года, когда были изданы «Высочайше утверждённые Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых», где была объединена земская и городская полиция [27].

В 1803 году был издан указ «О средствах к исправлению полиции в городах». Согласно ему, для получения классного чина требовалось среднее образование. С 1809 года для получения должности полицмейстера губернского центра (VIII чин по «Табели о

рангах») было необходимо иметь университетское образование. Чиновники без высшего образования имели возможность сдать экзамен в специальных комитетах, созданных при университетах [22, с. 294-295]. При этом отсутствовала система профессиональной подготовки кадры с одной стороны, с другой – после войны осталось множество ветеранов, огромная социальная масса, которую нужно было включить в общественные отношения. При этом Комитету предписывалось переименовывать в гражданские чины на общем основании и отставных раненных офицеров, назначаемых на должности, кроме полицмейстеров, городничих, которые по указу от 24 ноября 1810 г. могли быть определены к должности с сохранением прежних воинских чинов. Необходимые умения и знания новые служащие приобретали опытным путём. Благодаря такой политике в первой четверти XIX в. произошло значительное увеличение количества отставных военных, служащих на должностях полицмейстеров и городничих (в 13 раз)» [1, с. 83].

Кадровую политику в отношении первых полицмейстеров Смоленщины раскрыла в своей работе Н.В. Никитина, мы же остановимся подробнее на 20-40-х годах XIX века. Так, подполковник Адамович, который занимал должность смоленского полицмейстера с 1821 по 1829 гг. был уволен с должности, так как попал под суд [21, с. 166; 34, л. 17]. Его заменил подполковник Юров, который проработал в должности более 10 лет и ушёл по собственному желанию [31, л. 7-8]. Оба этих человека прошли Наполеоновские войны, Отечественную войну 1812 года и Заграничные походы русской армии 1813-1814 гг. При этом на место Юрова был прислан поручик Бобруйко, который не участвовал ни в каких походах и боевых действиях, но отметился прилежной и достойной службой на прежних должностях. Необходимо отметить, что на данный момент это единственный человек, который не обладал боевым опытом среди известных нам в Смоленской губернии городничих и полицмейстеров [31, л. 25].

Новых городничих назначали по разным причинам, в первую очередь по причине добровольного ухода с должности по здоровью, увольнения за проступки и смерти на посту. В 1831 году так умер городничий

города Красный капитан Гедеонов. На его место Комитет предложил майора Каменского, человека проверенного – участвовал в войнах с Наполеоном с 1805 года. Сам он происходил родом из Смоленских дворян Бельского уезда, назначение было обусловлено нахождением недалеко его имения – чтобы он мог совмещать исправление должности с управлением имением. Он проходил испытательный срок полгода и был назначен в должность 7 июля 1832 года [30, л. 1-12]. По всей видимости он успешно справлялся со своими задачи: по «Месяцеслову» в 1834-1835 гг. он служит в более крупном городе Духовщина [13, с. 68; 14, с. 67]. При этом в 1834 году умирает городничий города Белый надворный советник Абруцкий. На его место пишет прошение майор Каменский, так как будучи городничим города Белый он будет ближе к своему имению. Губернатор одобряет это прошение и передаёт в Департамент полиции исполнительной, указывая, что на вакансию городничего Духовщины претендует подполковник Вергун. В Министерстве удовлетворяют его просьбу, но на его место переводят из г. Осы поручика Холодковского [35, л. 11 -20; 15, с. 68].

Не редким явлением были перемещения внутри губернии. Примером тому может служить случай, произошедший в 1826 году, когда капитан Веселовский получил должность городничего Гжатска, однако, по отчетным документам он работал в Рославле, в то время как полковник Давыдов был назначен городничим в Гжатске, хотя его должность официально была в Юхнове. Органы власти не знали о перемещениях. Губернатор объяснил случившееся тем, что он потребовал поменять местами Давыдова и Веселовского, так как последний не справлялся с произволом местной Думы. Но, так как чиновник, занимавшийся обработкой документов, был уволен к тому времени, когда этот инцидент стал известен, министерство не было проинформировано о произошедшем. В столице выразили поддержку действиям губернатора, однако с тех пор настоятельно потребовали согласовывать все перемещения с МВД, чтобы избежать подобных инцидентов в будущем [32, л. 7 - 15].

Стала известная путаница в МВД с тем, что иногда назначали людей на должность “по

протекции”. Всё выяснения обстоятельств началось из-за просьбы Великого князя Михаила Павловича переместить Можайского городничего подпоручика Туринцова в Вязьму или близлежащий с вяземским уездом город, так как у того было в нём имение. Ему обещают эту должность, как только появится вакансия, что и происходит в 1828 году, когда бывший гжатский городничий полковник Давыдов подаёт в отставку [32, л. 1 - 39].

Затем с Туринцовым связан ещё один клубок должностных перемещений, который произошёл в 1831 году: по причине слабости его здоровья и возраста, он не справлялся со своими обязанностями в таком «обжитом и торговом» городе как Гжатск (видимо так же случился случай с «гжатской ярмаркой», дошедший до графа Бенкендорфа) [38, с. 226-233], и его переместили городничим в город Сураж Витебской губернии. Высокие покровители быстро узнают об этом и выясняют причины у министра МВД, чтобы доложить о них императору, и как получают ответ, снова просят переместить Туринцова поближе к Вязьме. В МВД вынуждены уступить и перемещают городничего Юхнова штабс-капитана Яковлева в Сураж, а на его место Туринцова. Но в защиту Яковлева вступают гражданский губернатор Хмельницкий и генерал-губернатор Хованский, которые просят не переводить Яковлева по причине наличия у него совсем маленького бедного имения, которое при переводе совсем «расстроится». В это же время происходит перевод из Ельни городничего Овсянникова в г. Видзы. В итоге Туринцова определяют в Ельню, а Яковлев остаётся в Юхнове [29, л. 1-17]. При этом из месячного слова следует, что Яковлев был городничим Юхнова до 1837 года, Овсянников – Ельни вплоть до 1842 г. (далее не известно), а Туринцов кроме 1830 года нигде не упоминается [19, с. 63]. Можно лишь догадываться, приступил он к исполнению должностных обязанностей или нет, отказался он и подал в отставку по состоянию здоровья или умер. Пока что можно лишь говорить, что связи играли не последнюю роль в назначениях и перемещениях служащих, под час не отражая нужду государства в этом, а скорее потворствуя интересам частных лиц в ущерб государственным.

Ещё одна перестановка произошла в 1838 году. С 1831 года в Гжатске городничим был капитан Осип Дмитриевич Ржениковский [16, с. 65], а в Духовщине с 1836 года – поручик Александр Петрович Холодковский [15, с. 68]. В 1838 году в Гжатске городничим становится Холодковский, а Ржениковского отправляют в Духовщину [17, с. 76]. Причину такой перестановки кадров, пока что установить не удалось.

Несмотря на продуманность кадровой политики, случался и кадровый голод. В 1828 – 1829 гг. в Юхнове была вакантна должность городничего, и достойная кандидатура не появлялась достаточно долгое время. [18, с. 73-81].

Многие городничие Смоленской губернии участвовали в кампаниях 1812 – 1814 гг. Однако, когда ветераны Отечественной войны вынуждены были уйти со службы по возрастным причинам, на должность городничих начали назначать военных. Городничий Гжатска майор Иван Васильевич Кареев – яркий пример такого назначения. Он был назначен на должность в июле 1856 года и являлся ветераном походов в Венгрию и Крымской войны. Кареев был награждён орденами святой Анны 2 степени и святого Владимира 2 степени с бантами и двумя медалями. Таким образом, государство смогло доверить проверенному временем и войнами человеку хранение безопасности и правопорядка в городе [9, л. 1-6].

Известно, что Иван Васильевич Кареев был в составе Бородинского Егерского полка Его Высочества наследника цесаревича. Его жена обладала родовым имением, но он сам не имел никакого имущества. Можно предположить, что семья жила на доходы от имения, так как зарплата Кареева была весьма низкой: 285 рублей 71,5 копейки в год и 142 рубля 85,2 копейки квартирные [9, л. 3-6]. Комфортно жить с его высоким статусом можно было только с пенсией, которой он явно обладал как майор и ветеран двух войн, а также доходы с имения жены.

Штат городской полиции утверждался в МВД, поэтому изменения штата губернатором в обход МВД был невозможен. Штат утверждался из социально-экономических, демографических и финансовых возможностей [25]. Смоленский губернатор предпринял попытку изменить штат городской полиции Духовщины в 1828 году, отправив туда

дополнительного квартального надзирателя, но в Министерстве этого не одобрили и решили оставить штат Духовщины в прежнем составе [33, л. 1-59].

Доходы городничих и полицейских в уездных и столичных городах были различными. Причиной являлась разница в финансировании Управ Благодичия из средств города. Смоленск, как крупнейший город губернии, имел больше полицейских команд, чем уездные города. В 1833 году расходы казны на содержание полиции Смоленска составляли 5498 рублей, в то время как расходы на городское правление в уездных городах не превышали 3,5 тысячи рублей [7, л. 35]. Уездные города обычно были меньше и делились сразу на кварталы, как это было в Вязьме, которая была разделена на 4 квартала вместе с 4 квартальными надзирателями [6, л. 38]. В Рославле было два квартальных надзирателя, каждый из которых получал 100 рублей в год. В городе было также 21 десятский с жалованьем от 70 до 100 рублей в год [6, л. 20 – 20 об.]. В Белом - два квартальных надзирателя, каждый получал по 120 рублей в год. В Гжатске было так же два квартальных надзирателя, но с жалованием по 175 рублей и 25 полицейских служащих с довольствием в 1740 рублей в год. В полицейской команде было 15 человек. В Поречье - три квартальных надзирателя с жалованьем в 225 рублей. Причины различий в зарплатах пока не установлены [6, л. 52, 102, 123].

Согласно "Отчету" и по закону 1802 года «Высочайше утверждённые штаты губерний», все уездные городничие получали жалование в размере 300 рублей в год, что говорит о едином штатном окладе. После реформы Канкрин зарплата городничего составляла 285 рублей 71.5 копейки в год с добавкой в 142 рубля 85.2 копейки за квартиру [24].

По Уставу Благодичия территория каждого города делилась на части, а если город был мал (100 - 200 домов), то на кварталы. В Смоленской губернии участки были выделены только в Смоленске, уездные города делились сразу на кварталы. В Смоленске исторически сложилось деление на 3 части. Подобное деление продолжалось в течение всей первой половины XIX века, что подтверждается документами уголовного дела за 1846 год о поиске утерянного помещиком

Энгельгардтом паспорта, которая была поручена трем частным приставам [5, л. 11].

В Смоленске не удалось на основе источников установить количество кварталов, однако известно, что их число менялось со временем. В начале XIX века каждая часть была разделена на два квартала в связи с тем, что в городе было всего два квартальных надзирателя, получающих жалования по 300 рублей в год, в то время как частные приставы имели в двое больший оклад в размере 600 рублей [6, л. 155]. Позже, вероятно, в связи с развитием инфраструктуры города, увеличением численности населения и ростом преступности, части стали делиться на 3-4 квартала. К сожалению, имена всех частных приставов и квартальных надзирателей губернского центра пока не установлены, но известно, что в 1858 году одним из квартальных надзирателей 2-й части города был Матвей Семёнович Петрашицкий, при этом сведения о нем в архивных документах весьма скупы [8, л. 9].

Нижние чины полиции набирались из проштрафившихся солдат местного военного гарнизона. Связано это было в первую очередь с невысокой заработной платой, а также низким социальным статусом этих сотрудников. При том, что занятие должности предполагало достаточной большой объём обязанностей и высокую ответственность. Для повышения престижа службы в 1838 году был издан указ, по которому служащий полиции приравнивался к унтер-офицеру. Благодаря этому жалование нижних полицейских чинов выросла в двое, кроме того, служащие были освобождены от телесных наказаний [4, с. 119].

Заключение (выводы). Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что государство предпочитало назначать на должности полицмейстеров и городничих бывших военных, так как им доверяло их опыт и профессионализм. Назначая ветеранов, государство решало социальную проблему с одной стороны, с другой пыталось пресечь взяточничество и казнокрадство: зарплата городничих и полицмейстеров были невысоки при учёте их высокого статуса и большой ответственности, что было связано с выплатами их из городского бюджета; а ветераны получали пенсии, которые должны были решить эту проблему. Ветераны, не имевшие профессиональной подготовки полицейской службы,

не всегда успешно справлялись с возложенными на них обязанностями, что закономерно находило отклик в российской общественности и нашло отражение в искусстве того времени. В Смоленской губернии проявили себя и сильные, и слабые стороны

кадровой политики того времени, при этом в целом работа городской полиции Смоленской губернии устраивало и местную власть в лице губернаторов, и столичную в лице Министерства Внутренних Дел и Шефа жандармов.

Список литературы

1. Аказеев Д.М. Развитие системы работы с кадрами полиции Российской империи (XVIII – начало XX века). Историко-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук. М., 2017. 179 с.
2. Бикташева А.Н. Казанская полиция в период становления Министерства внутренних дел в первой половине XIX века // Вестник Казанского юридического института МВД России, 2018. №1 (31). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kazanskaya-politsiya-v-period-stanovleniya-ministerstva-vnutrennih-del-v-pervoy-polovine-xix-veka> (дата обращения: 20.10.2023).
3. Бирюкова А.Б. Структура и функционирование органов охраны общественного порядка в городах Среднего Поволжья и Заволжья (конец XVIII - середина XIX в.) // Манускрипт, 2018. №4 (90). С. 11-17.
4. Борисов А.В., Севаницкий В.Е., Скрижов А.Е. Полиция Российской империи в XIX - начала XX в. М., 2001. 224 с.
5. Государственный архив Смоленской области (далее ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 105. 1846 г.
6. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 18. 1828 г.
7. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. 1833 г.
8. ГАСО. Ф. 1. Оп.1. Д. 2. 1828 г.
9. ГАСО. Ф. 1174. Оп.1. Д. 5.
10. Глушаченко С.Б., Красильников С.В., Лысенко В.В., Романов И.Е. и др. История органов внутренних дел. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. 436 с.
11. Гуляков А.Д., Колемасов В.Н., Лобанов А.В., Свечников Н.И., Грачев А.А., Гошуляк В.В. История органов внутренних дел России. Пенза: ПГУ, 2018. 216 с.
12. Евтехов Р.А. Формулярные списки как источник по изучению социального портрета городничих первой половины XIX в. (на примере г. Верхнеудинска Забайкальской области) // Известия Иркутского университета. Серия: История, 2020. Т. 34. С. 83–90.
13. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1834. СПб., 1834. С. 60-68. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmPgekprCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMy6DPzdGpM5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnIytmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (дата обращения 15.04.2022).
14. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1835. СПб., 1835. С. 60-67. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmPgekprCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMyqDPzdGpM5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnIyNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (дата обращения 15.04.2022).
15. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1836. СПб., 1836. С. 60-68. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmPgekprCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMyaDPzdGpM5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnIxtmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (дата обращения 15.04.2022).
16. Месяцослов с росписью чиновных особ или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1831. СПб., 1831. С. 59-66. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmPgekprCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/>

LnOgzsfMzqDPzdGPM5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnJyNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4= (дата обращения 15.04.2022).

17. Месяцослов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1838. СПб., 1838. С. 70-78. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMx6DPzdGPM5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnHzNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (дата обращения 15.04.2022).

18. Месяцослов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1828. СПб., 1828. С. 73–81. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfNx6DPzdGPM5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnKyNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (дата обращения 15.04.2022).

19. Месяцослов с росписью чиновных особ или общих штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1830. СПб., 1830. С. 58 – 66. [Электронный ресурс]. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMz6DPzdGPM5nZnIqNjZqRi6+emJrCztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnJzNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (дата обращения 15.04.2022).

20. Мулукаев Р.С. Полиция в России (IX - нач. XX вв.). Н. Новгород, 1993. 101 с.

21. Никитина Н.В. Первые полицмейстеры в российской провинции начала XIX века: компетенции и практика работы (на материалах Смоленска) // Чертковский исторический сборник: материалы конференции (Москва, 2–4 декабря 2020 года). М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2020. С. 157–168.

22. Никитина Н.В., Костин А.А. Становление института полицмейстеров в конце XVIII – первой трети XIX века в городах Российской провинции (на материалах Смоленской губернии) // Известия Смоленского государственного университета, 2019. №4 (2018). С. 290-303.

23. Плех О.А. Кадровое обеспечение городской полиции на европейском севере России в последней четверти XVIII – первой половине XIX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. История, 2022. №75. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kadrovoe-obespechenie-gorodskoy-politsii-na-evropeyskom-severe-rossii-v-posledney-chetverti-xviii-pervoy-polovine-xix-v> (дата обращения: 20.10.2023).

24. Полное Собрание Законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. XXVII. №20302. СПб., 1830.

25. ПСЗ Собр. 1. Т. XXVII. №21007. СПб., 1830.

26. ПСЗ Собр. 2. Т. XXVIII. Ч. 2. №27372. СПб., 1854.

27. ПСЗ Собр. 2. Т. XXXVII. Ч. 2. №39087. СПб., 1862.

28. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1. Оп. 1 Д. №26. 1826 г.

29. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 291. 1831 г.

30. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. №328. 1831 г.

31. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 140. 1840 г.

32. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 511. 1826 г.

33. РГИА. Ф.1286. Оп. 4. Д. №202. 1828 г.

34. РГИА. Ф. 1286. Оп. 7. Д. 526. 1830 г.

35. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. №278. 1835 г.

36. Тумин А.Ю. Московская полиция Российской империи (1722–1802 гг.): эволюция структуры, штаты, финансирование // Вестник экономической безопасности. 2020, №3. С. 50-54.

37. Ушмаева К.А., Состин Д.И. Структура и функции провинциальных полицейских учреждений Российской империи XIX-начала XX вв.: по материалам Ставропольской губернии // Пробелы в российском законодательстве, 2018. №5. С. 16-20.

38. Чиков С.С. Противозаконные деяния и нарушения служащих городской полиции Смоленской губернии во второй трети XIX века / С. С. Чиков // «Долгий XIX век» в истории Беларуси и восточной Европы: исследования по новой и новейшей истории, 2022. № 6. С. 226-233.

THE CITY POLICE OF SMOLENSK PROVINCE DURING THE NIKOLAYEV ERA: ISSUES OF PERSONNEL POLICY

The article analyses the personnel policy in the city police in Smolensk province in the second third of the XIX century. When considering the degree of study of the problem, special attention is paid to modern historiography. The source base of the research are the regulatory legal acts of the Russian Empire in the end of the XVIII century - the first half of the XIX century, the main block consisted of the records of the Russian State Archive of the Police Department as well as of the State Archive of the Smolensk region in the fonds of the Smolensk Governor's Office and the Gzhatsk city police. The analysis of legislative base and archival sources for the first time enabled the author to give an almost complete list of Smolensk policemen beginning from the foundation of the Office of Piety in Smolensk in 1804 to its abolition in 1862. The author reflects specific features of the personnel policy during Nikolaev's epoch by the example of Smolensk province and reveals the peculiarities of everyday life in the provincial towns in the second third of the 19th century. The author's conclusion is the thesis that Smolensk province reflects both strong and weak sides of the personnel policy of the Russian absolutism in the second third of the XIX century and, in this connection, serves as a representative example of the phenomenon.

Keywords: Town police; city police; policeman; town governor; cities of Russian province in the second third of the 19th century; Smolensk province; Nicholas I; personnel policy; Ministry of the Interior.

References

1. Akazeyev D.M. (2017). Razvitie sistemy raboty s kadrami politzii Rossiyskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka) [Development of the system of work with police personnel of the Russian Empire (XVIII – early XX century)]. Historical and legal research: thesis ... candidate of legal sciences. Moscow. 179 p.
2. Biktasheva A.N. (2018). Kazanskaya policiya v period stanovleniya Ministerstva vnutrennih del v pervoj polovine XIX veka [Kazan police during the formation of the Ministry of Internal Affairs in the first half of the XIX century] // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. №1 (31).
3. Biryukova A.B. (2018). Struktura i funkcionirovanie organov ohrany obshchestvennogo poriyadka v gorodakh Srednego Povolzh'ya i Zavolzh'ya (konec XVIII - seredina XIX v.) [Structure and functioning of public order in the cities of the Middle Volga and Trans-Volga region (late XVIII - mid XIX c.)] Manuscript. №4 (90). pp. 11-17.
4. Borisov A.V., Sevanitskiy V.E., Skrizhov A.E. (2001) Policiya Rossijskoj imperii v XIX - nachala XX v. Police of the Russian Empire in the 19th - early 20th c. [Police of the Russian Empire in the 19th - early 20th c.] Moscow. 2001. 224 p.
5. State Archive of Smolensk Oblast (hereafter GASO). F. 1. In. 1. C. 105. 1846.
6. GASO. F. 1. In. 1. C. 18. (1828).
7. GASO. F. 1. In. 1. C. 42. (1833).
8. GASO. F. 1. In. 1. C. 2. (1828).
9. GASO. F. 1174. In. 1. C. 5. (1856).
10. Glushachenko S.B., Krasilnikov S.V., Lysenko V.V., Romanov I.E. et al. (2002). Istoriya organov vnutrennih del [History of internal affairs bodies]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Russian Interior Ministry. 436 p.
11. Gulakov A.D., Kolemasov V.N., Lobanov A.V., Svechnikov N.I., Grachev A.A., Goshulyak V.V. (2018). Istoriya organov vnutrennih del Rossii History of the Internal Affairs Agencies of Russia [History of the Internal Affairs Agencies of Russia]. Penza: Publishing house of PSU. 216 p.
12. Evtexov R.A. (2020). Formulyarnye spiski kak istochnik po izucheniyu social'nogo portreta gorodnichih pervoj poloviny XIX v. (na primere g. Verkhneudinska Zabajkal'skoj oblasti) [Formulary lists as a source for studying the social portrait of town governors in the first half of the XIXth century (by the example of Verkhneudinsk, Trans-Baikal Region)]. Izvestiya Irkutskogo Universiteta. Series: History. T. 34. pp. 83-90.
13. Mesyacoslov s rospis'yu chinovnyh osob ili obshchij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva 1834 [Monthly list of officials or general staff of the Russian Empire for the summer of Nativity]. (1834). St. Petersburg, 1834. pp. 60-68. URL: [https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGek-prCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMy6DPzdGPm5nZnIqNjZqRi6+emJr-Cztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnIytmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=\(accessed 04.15.2022\)](https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGek-prCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMy6DPzdGPm5nZnIqNjZqRi6+emJr-Cztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnIytmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=(accessed 04.15.2022))

14. Mesyacoslov s rospis'yu chinovnyh osob ili obshchij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva 1835. [Monthly list of officials or general staff of the Russian Empire for the summer of Nativity]. (1835). St. Petersburg, 1835. pp. 60-67. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGek-prCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMyqDPzdGPm5nZnIqNjZqRi6+emJr-Cztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnIyNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (accessed 04.15.2022)
15. Mesyacoslov s rospis'yu chinovnyh osob ili obshchij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva 1836. [Monthly list of officials or general staff of the Russian Empire for the summer of Nativity]. (1836). St. Petersburg, 1836. pp. 60-68. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGek-prCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMyaDPzdGPm5nZnIqNjZqRi6+emJr-Cztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnIxtmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (accessed 04.15.2022)
16. Mesyacoslov s rospis'yu chinovnyh osob ili obshchij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva 1831. [Monthly list of officials or general staff of the Russian Empire for the summer of Nativity 1831]. (1831). St. Petersburg, 1831. pp. 59-66. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGek-prCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMzqDPzdGPm5nZnIqNjZqRi6+emJr-Cztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnIyNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (accessed 04.15.2022)
17. Mesyacoslov s rospis'yu chinovnyh osob ili obshchij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva 1838 [Monthly list of officials or general staff of the Russian Empire for the summer of Nativity 1838]. (1838). St. Petersburg, 1838. pp. 70-78. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGek-prCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMx6DPzdGPm5nZnIqNjZqRi6+emJr-Cztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnHzNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (accessed 04.15.2022)
18. Mesyacoslov s rospis'yu chinovnyh osob ili obshchij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva 1828 [Monthly list of officials or general staff of the Russian Empire for the summer of Nativity 1828]. (1828). St. Petersburg, 1828. pp. 73-81. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGek-prCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfNx6DPzdGPm5nZnIqNjZqRi6+emJr-Cztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnKyNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (accessed 04.15.2022)
19. Mesyacoslov s rospis'yu chinovnyh osob ili obshchij shtat Rossijskoj imperii na leto ot Rozhdestva 1830 [Monthly list of officials or general staff of the Russian Empire for the summer of Nativity 1830]. 1830. St. Petersburg, 1830. pp. 58-66. URL: <https://rgia.su/imageViewer/img?url=mZaTmpGek-prCL28vSy5/L0ouftIvRS9PL0QvSi9CL0svTy5/LnOgzsfMz6DPzdGPm5nZnIqNjZqRi6+emJr-Cztmah4vC0Y+bmdmQnZWanIvCzs7GzsnJzNmei4uNws7Gzc/ZjJqNlp6Tws4=> (accessed 04.15.2022)
20. Mulukaev R.S. (1993). Policiya v Rossii (IX - nach. XX vv.) [Police in Russia (IX - early XX centuries)]. N. Novgorod. 101 p.
21. Nikitina N. V. (2020). Pervye policmejstery v rossijskoj provincii nachala XIX veka: kompetencii i praktika raboty (na materialah Smolenska) [The first policemen in the Russian province of the early nineteenth century: competence and practice of work (on the materials of Smolensk)]. Chertkov Historical Collection: conference materials (Moscow, December 2-4, 2020). Moscow: State Public Historical Library of Russia. pp. 157-168.
22. Nikitina N.V., Kostin A.A. (2019). Stanovlenie institute policmejstеров v konce XVIII – pervoj treti XIX veka v gorodah Rossijskoj provincii (na materialah Smolenskoj gubernii) [The formation of the institute of policemen in the late XVIII - first third of the XIX century in the cities of the Russian province (on the materials of Smolensk Province)]. Proceedings of Smolensk State University. No. 4 (2018). pp. 290-303.
23. Plekh O.A. (2022). Kadrovoe obespechenie gorodskoj policii na evropejskom severe Rossii v poslednej chetverti XVIII – pervoj polovine XIX v. [Staffing of the city police in the European north of Russia in the last quarter of the XVIII – first half of the XIX century] // Vestn. Volume. State University. History. №75.
24. Complete Collection of the Laws of the Russian Empire (hereinafter referred to as "PSZ"). Collection 1. Vol. XXVII. NO. 20302. St. Petersburg, (1830).
25. PSZ Collection 1. Vol. XXVII. NO. 21007. SPb., (1830).
26. PSZ Collection 2. Vol. XXVIII. Ч. 2. №27372. SPb., (1854).
27. PSZ Collection 2. Vol. XXXVII. Ч. 2. №39087. SPb. (1862).
28. Russian State Historical Archive (hereinafter RGIA). F. 1. In. 1 C. №26. (1826).

29. RGIA. Ф. 1286. In. 5. С. 291. (1831).
30. RGIA. Ф. 1286. In. 5. С. №328. (1831).
31. RGIA. Ф. 1286. In. 7. С. 140. (1840).
32. RGIA. Ф. 1286. In. 7. С. 511. (1826).
33. RGIA. Ф.1286. In. 4. С. №202. (1828)
34. RGIA. Ф. 1286. In. 7. С. 526. (1830)
35. RGIA. Ф. 1286. In. 5. С. №278. (1835)

36. Tumin A. Yu. (2020). Moskovskaya policiya Rossijskoj imperii (1722–1802 gg.): evolyuciya struktury, shtaty, finansirovanie [Moscow Police of the Russian Empire (1722-1802): Evolution of Structure, Staffing, and Financing]. Vestnik ekonomicheskogo bezopasnosti. №3. pp. 50-54

37. Ushmaeva K.A., Sostin D.I. (2018). Struktura i funkcii provincial'nyh policejskih uchrezhdenij Rossijskoj imperii XIX-nachala XX vv.: po materialam Stavropol'skoj gubernii [Structure and functions of provincial police institutions of the Russian Empire in the 19th - early 20th centuries: on the materials of Stavropol Province]. Gaps in Russian legislation. №5. pp. 16-20

38. Chikov S. S. (2022). Protivozakonnye deyaniya i narusheniya sluzhashchih gorodskoj policii Smolenskoj gubernii vo vtoroj treti XIX veka [Unlawful deeds and violations of the city police officers of Smolensk province in the second third of XIX century]. "Long XIX century" in the history of Belarus and Eastern Europe: research in new and modern history. № 6. pp. 226-233

Об авторе

Чиков Сергей Сергеевич – младший научный сотрудник, Смоленского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова; преподаватель СПО Смоленского филиала РАНХиГС при Президенте РФ; аспирант Смоленского государственного университета (г. Смоленск, Россия), E-mail: chikov_1997@inbox.ru

Chikov Sergey Sergeevich – junior researcher of the Smolensk branch of PRUE; Teacher of secondary vocational education of the Smolensk branch of RANEPА; postgraduate student of the Smolensk State University (Smolensk, Russia), E-mail: chikov_1997@inbox.ru

Правила предоставления рукописей

1. Требования к содержанию статей

1.1 В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (соавторов), ранее нигде не опубликованный и соответствующий по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников: научная отрасль – исторические науки.

1.2 Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость. К публикации принимаются только открытые материалы на русском, английском или немецком языках. Статьи обзорного, биографического характера, рецензии на научные монографии и т.п. пишутся, как правило, по заказу редколлегии журнала.

1.3 Содержание и оформление статьи должно соответствовать принципам и нормам политики в сфере этики научных публикаций редакции и редакционной коллегии научного журнала «Вестник Брянского государственного университета». См. Этические нормы для авторов.

1.4 Научный журнал формируется по научной отрасли по научной отрасли – исторические науки. **Группа научных специальностей: 5.6 — исторические науки. Научные специальности: 5.6.1. — Отечественная история; 5.6.2. — Всеобщая история; 5.6.3. — Археология; 5.6.5. — Историография, источниковедение, методы исторического исследования; 5.6.7. — История международных отношений и внешней политики.**

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям научных работников.

2. Требования к структуре и оформлению статей (см. [образец оформления](#))

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

2.1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 12 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 12 pt, обычный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 12 pt, жирный, выравнивание по центру, междустрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 12 pt, надпись «Ключевые слова» — жирный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный).

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов и отражать актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы).

На титульной странице оформляется **исключительное авторское право** на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

2.2. Содержание (структура и последовательность) статьи

После ключевых слов помещается текст самой статьи. (Times New Roman 12 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см).

В статье должны четко и сжато излагаться современное состояние вопроса, описание методики исследований, обсуждение полученных результатов.

Необходимо стандартизировать структуру статьи, используя подзаголовки:

- **введение** – постановка проблемы (один-два абзаца, раскрывающие проблематику, ее актуальность и значимость); отсылка к литературе (краткий обзор) завершается констатацией необходимости проведения данного исследования (условия, которые сделали данное исследование актуальным), при этом следует избегать прямого указания на актуальность (слово «актуальность» не использовать);

описание гипотезы исследования или формулировка его цели или представление цели в виде исследовательских вопросов;

- **объекты и методы исследования;**

- **результаты и их обсуждение** (экспериментальная часть; содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);

- **заключение (выводы) – повторное обобщенное перечисление основных результатов и их значимость (оценка) для науки.** Может содержать дальнейшую исследовательскую программу. Показывается конкретный вклад в науку, как правило, от одного предложения до абзаца. Должны присутствовать слова «вклад автора» и дано четкое и краткое перечисление результатов, которые можно считать вкладом в науку;

- **если необходимо поблагодарить коллег,** которые не являются авторами статьи, но при их содействии проводилось исследование, это можно сделать в свободной форме в конце статьи (например, авторы могут поместить **благодарности** коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку);

- **список литературы.**

2.3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 12 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);

- название статьи на английском языке;

- аннотация на английском языке («Abstract»);

- ключевые слова на английском языке («Keywords»);

- список литературы на английском языке (References);

- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (doc.) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 12 pt, междустрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1,25 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 20 000 знаков с пробелами и не превышать 40 000 знаков с пробелами, включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Список литературы. После текста статьи размещается «Список литературы» (12 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках). Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

После списка литературы размещается **английский блок:** фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. Обязательно должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 12 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме (цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 12 pt, (обычный), интервал – одинарный.

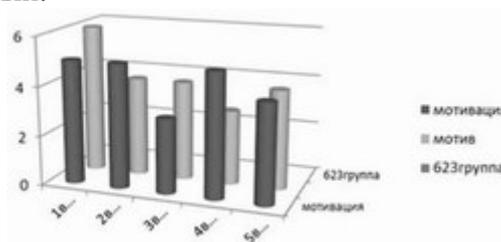

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка ([см. образец](#));
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 70% (30% допускается на корректное цитирование — с обязательным указанием ссылки на источник заимствования).

Каждая статья в обязательном порядке проходит [процедуру закрытого рецензирования](#). По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru.

Адрес: 241036, Брянск, ул. Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: +7 (4832) 58-91-28, доб. 1118; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№1 (59) 2024

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

**ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.**

Адрес редакции и издателя:

**РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.**

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 28.03.2024.

Дата выхода журнала в свет: 30.03.2024.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 15,25. Тираж 500 экз. Свободная цена. 16+